

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

Красивая, завораживающая история...
Она обязательно коснется ваших
сердечных струн.

Prima

The Big Book

Розамунда Пилчер
Возвращение домой

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Возвращение домой / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус»,
1995 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14911-3

«Возвращение домой» – один из лучших романов Пилчер. Его знают во всем мире благодаря многочисленным изданиям на разных языках и знаменитому телесериалу. История взросления Джудит Данбар, юной девушкой оказавшейся в разлуке с семьей и вынужденной идти по жизни самостоятельно, не может не покориť читательские сердца. Дружба с богатой сверстницей, общение с кругом аристократов, первая любовь, первые разочарования, война, служба в ВВС Великобритании, встреча с тем единственным человеком, который входит в твою жизнь навсегда... Все это и есть долгое возвращение домой, в то счастливое место, где человек обретаёт покой душевный.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14911-3

© Пилчер Р., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

1935	6
1936	20
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Розамунда Пилчер

Возвращение домой

© А. Никифоров, перевод, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Эта книга посвящается моему мужу Грэму, служившему в
Горской дивизии, а также Гордону, Джудит и всем нам, чья молодость
пришлась на те далекие годы*

1935

Муниципальная школа Порткерриса стояла на крутом склоне холма, у подножия его пролегали центральные улицы этого городка, а на вершине начинались уже необитаемые вересковые пустоши. Это было внушительное викторианское сооружение из гранитных блоков, над тремя входными дверями которого виднелись обозначения: «Мальчики», «Девочки» и «Дети до семи лет» – наследие тех времен, когда в школах мальчики и девочки учились отдельно. Окруженная асфальтированной игровой площадкой и кованой железной оградой, школа имела довольно неприветливый, даже грозный вид. Однако в этот декабрьский день, уже клонившийся к вечеру, она вся сияла светом, а из распахнутых дверей наружу выплескивался поток оживленных ребятишек – ранцы за спиной, в руках мешки для сменной обуви, воздушные шары и полные конфет бумажные кульки. Выбегая из дверей небольшими группками, дети толкались, смеялись, весело дразнили друг дружку, испуская пронзительные вопли, пока наконец не рассеивались в разные стороны, расходясь по домам.

Всему этому оживлению и восторгу было две причины. Во-первых, закончился осенний триместр, а во-вторых, в школе только что отметили Рождественский праздник. Собравшись в актовом зале, ребята развлекались песнями и эстафетой, в которой бегуны хватали и передавали друг другу мешочки с бобами; под глухие металлические звуки старого школьного пианино танцевали «Сэр Роджер де Каверли»¹; пили чай с разными лакомствами: пирожными, вареньем, шафранными кексами; в завершение всего, выстроившись в ряд, по очереди пожимали руку директору – мистеру Томасу, желали ему веселого Рождества и получали в подарок по пакету со сладостями.

Эта праздничная программа без изменений повторялась из года в год, но каждый раз ожидалась с нетерпением и приносила много радости.

Мало-помалу бурлящий детский поток оскудел до зыбкого ручейка, состоявшего из тех, кто задержался в школе, разыскивая потерянные варежки или куда-то запропастившийся ботинок. Самыми последними, как раз когда школьные часы пробили без четверти пять, вышли на улицу две четырнадцатилетние девочки – Джудит Данбар и Хетер Уоррен, обе в темно-синих пальто, резиновых сапожках и натянутых на уши шерстяных шапках. Кроме одежды, однако, в них не замечалось ни малейшего сходства. Джудит была белокурая, голубоглазая, волосы заплетены в две толстые коротенькие косички, лицо в веснушках. Хетер унаследовала внешность от своего отца, далекого потомка испанского матроса, которого после разгрома знаменитой «армады»² морские волны вынесли на корнуолльский³ берег, – у девочки была золотисто-оливковая кожа и черные как смоль волосы, а ее темные глаза сверкали, словно пара сочных изюминок.

С уходом из школы эти две любительницы вечеринок припозднились по той причине, что Джудит, навсегда покидавшая порткеррисскую школу, должна была попрощаться не только с мистером Томасом, но и со всеми другими учителями, а также и с миссис Треурт, школьным поваром, и со стариком Джимми Ричардсом, в чьи скромные обязанности входило поддерживать огонь в топке школьной котельной и чистоту в уборных, располагавшихся во дворе.

Но вот уже больше не с кем было прощаться – две подруги пересекли игровую площадку и вышли из школьных ворот. Пасмурный день рано и незаметно перешел в сумерки, закрапал мелкий дождик, мерцая редкими каплями в отсветах горящих уличных фонарей. Черная

¹ «Сэр Роджер де Каверли» – старинный английский танец.

² Имеется в виду т. н. «Непобедимая армада» – испанский флот, отправленный в 1588 г. королем Филиппом II на завоевание Англии.

³ Полуостров Корнуолл – юго-западная оконечность Англии.

сырая улица бежала вниз по склону холма, поблескивая отраженным светом. Девочки стали спускаться в город. Минуту-другую обе хранили молчание. Наконец Джудит вздохнула.

– Да... Вот и все, – произнесла она с такой интонацией, словно подводила итог всей жизни.

– Странное это, наверно, чувство – знать, что уже не вернешься сюда.

– Да. Но еще более странно, что мне так грустно... Никогда не думала, что буду грустить, уходя из школы, все равно из какой.

– Без тебя все будет по-другому.

– И у меня без тебя тоже все будет по-другому. Но тебе повезло – у тебя все же останутся подруги: Элейн и Кристин. А мне придется начинать все заново, пытаться найти себе новых друзей в «Святой Урсуле». И носить их форму.

Хетер сочувственно промолчала. Форма – это, пожалуй, самое неприятное. В порткеррисской школе все ходили в своей одежде, и было так весело смотреть на разноцветные свитера и яркие ленты у девочек в волосах. Но частная закрытая «Школа Святой Урсулы» была до архаичности старомодным заведением. Девочки там должны были носить темно-зеленые твидовые пальто, толстые коричневые чулки и темно-зеленые шляпки; этот безобразный наряд вмиг превращал самую хорошенькую в дурнушку. Большая часть учениц находилась в школе на «полном пансионе», то есть возвращалась домой только на каникулы; были и такие, кто каждый день после занятий уезжал домой. Несчастливым «каждодневкам» нельзя было позавидовать, когда они оказывались в одном автобусе с Джудит, Хетер и их соучениками: девочки из «Святой Урсулы» в своем дурацком наряде неизменно вызывали насмешки и издевательства. Горько было сознавать, что Джудит вынуждена стать одной из этих недотрог и зазнаек.

Но страшнее всего перспектива интернатской жизни. Семья Уорренов была необычайно дружной и сплоченной, Хетер и представить себе не могла худшей доли, чем оказаться вдали от родителей и двух старших братьев – походивших на отца красивых брюнетов. В порткеррисской школе они славились своими хулиганскими проделками и нескончаемыми проказами, но, когда перешли в окружную школу в Пензансе, тамошний грозный директор немного их приструнил. Но и теперь с ними было по-прежнему весело и интересно; это братья научили Хетер плавать, гонять на велосипеде, ловить неводом скумбрию с их деревянной лодки. А с девчонками разве можно придумать что-нибудь интересное? Не важно, что «Школа Святой Урсулы» находится в Пензансе, всего в десяти милях отсюда: десять миль – это так далеко, если рядом нет мамы и папы, Пэдди и Джо.

Так или иначе, у бедняжки Джудит, похоже, не было выбора. Ее отец работал в Коломбо, на Цейлоне, и целых четыре года Джудит с матерью и маленькой сестрой жили без него. Теперь миссис Данбар и Джесс возвращались на Цейлон, а Джудит оставалась здесь, и совершенно неясно было, когда она снова увидится с матерью.

Но слезами горю не поможешь, бывало, говаривала миссис Уоррен, и Хетер стала спешно придумывать для подруги что-нибудь ободряющее.

– Все-таки ты будешь выбиратья оттуда на каникулы.

– Да уж, к тете Луизе!

– Ну ладно тебе, хватит хандрить! По крайней мере, будешь жить здесь, в Пенмарроне. Представь, что твоя тетя жила бы где-нибудь далеко, в какой-нибудь кошмарной глуши в центре страны или в каком-нибудь городе, где бы ты никого не знала. А так мы можем видеться друг с другом. Приедешь сюда, и мы сходим на пляж или в кино.

– Ты уверена?

Этот вопрос озадачил Хетер.

– Насчет чего?

– Ну... я хочу сказать: ты уверена, что захочешь дружить со мной, как раньше? Я же буду из «Святой Урсулы», и все такое... Ты не станешь считать меня противной зазнайкой?

– Не говори ерунды! – Хетер нежно поддала ей сумкой со сменной обувью. – За кого ты меня принимаешь?

– Хоть какая-то отдушина будет.

– Ты говоришь так, будто садишься в тюрьму.

– Ты и сама все прекрасно понимаешь.

– Расскажи лучше о доме своей тети.

– Он здоровенный, стоит на вершине холма, к нему примыкает большое поле для гольфа.

А внутри там полно всяких медных подносов, тигриных шкур и слоновьих ног.

– Каких-таких слоновьих ног?!

– Ну, там такие подставки для зонтиков.

– Мне бы там вряд ли понравилось... Но тебя же никто не заставляет смотреть на все это целый день. У тебя ведь будет своя комната?

– Да, отдельная комната. Она выделила мне лучшую из всех свободных комнат. Со своим умывальником. И места достаточно, чтобы поставить письменный стол.

– Уже неплохо. Не понимаю, из-за чего ты устроила трагедию.

– Я не устраиваю трагедии. Просто это не дом, не мой дом, понимаешь? К тому же там холодно, мрачно и вечно дует ветер. Недаром дом называется Уиндиридж⁴: даже когда повсюду в округе абсолютное безветрие, окна у тети Луизы дрожат, как в настоящую бурю.

– Страшновато.

– К тому же дом стоит совсем на отшибе, до ближайшей автобусной остановки две мили.

А у тети Луизы не будет времени возить меня на машине: она вечно играет в гольф.

– Может, она и тебя научит?

– Очень смешно.

– По-моему, тебе нужен велосипед. Чтобы ты могла ездить куда и когда угодно. Ведь по верхней дороге до Порткерриса всего каких-нибудь три мили.

– Гениальная идея!

– Понять не могу, почему ты до сих пор без велосипеда. Мне папа подарил его еще четыре года назад, когда мне было десять. Он, конечно, не очень подходит для этих чертовых холмов, но там, где ты будешь жить, велосипед – то, что надо.

– А он очень дорого стоит?

– Новый – фунтов пять. Но можно взять и подержанный.

– Моя мама не слишком-то разбирается в этих вещах.

– Не меньше, чем любая другая. Но сходить в магазин и купить велосипед – не бог весть какая премудрость. Попроси, чтобы она подарила тебе на Рождество.

– Я уже попросила у нее в подарок вязаный жакет с высоким воротником.

– Ну и велосипед попроси в придачу.

– Нет, я так не могу.

– Почему? Вряд ли у нее хватит духу отказать. Она же уезжает и даже не знает, когда вы увидите снова, – так что купит тебе все, что ты пожелаешь. Куй железо, пока горячо, – закончила Хетер еще одной излюбленной поговоркой миссис Уоррен.

– Посмотрим, – уклончиво ответила Джудит.

Они умолкли, продолжая свой путь, слушая звонкое шлепанье собственных шагов по мокрой мостовой. Прошли мимо закусочной, ярко горящей веселым светом в вечерней тьме, и слюнки потекли: из открытой двери пахло растопленным жиром и уксусом.

– Эта миссис Форрестер – сестра твоей матери?

– Нет, отца. Она намного старше его, ей что-то около пятидесяти. Она жила в Индии, оттуда и та слоновья нога.

⁴ Букв. – «горный крик, обдуваемый ветром».

– А ее муж, твой дядя?

– Он умер. Она вдова.

– У них есть дети?

– Нет. Кажется, у них никогда не было детей.

– Странно. Как ты думаешь, это потому, что они сами не хотели, или у них что-то... не получалось? У моей тети Мэй нет детей, и папа однажды сказал, что у дяди Фреда «нету этого самого». Как ты думаешь, что он имел в виду?

– Не знаю.

– Может, это как-то связано с тем, что нам рассказала Нора Эллиот? Помнишь, тогда у велосипедного сарая?

– Она все сочинила.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что это слишком отвратительно, чтобы быть правдой. Только Нора Эллиот могла выдумать такую гадость.

– Может, оно и так...

К этой щекотливой, но увлекательной теме подруги возвращались не раз, но, пытаясь обсуждать ее, так и не приходили ни к какому дельному выводу, если не считать того, что от Норы Эллиот вечно дурно пахнет и одежда у нее никогда не бывает чистой. Впрочем, было уже не время распутывать эту загадку, так как за разговором они незаметно спустились в центр города, к публичной библиотеке, где их пути расходились. Хетер предстояло направиться в сторону пристани по сужающимся улочкам и неудобным для ходьбы мощеным переулкам, пока дорога не доведет ее до квадратного гранитного дома, на втором этаже которого, над бакалейной лавкой ее матери, жили Уоррены. А Джудит – взбираться на следующий холм и поворачивать к железнодорожной станции.

Окутанные мозглой пеленой измороси, они встали под фонарем и повернулись друг к другу.

– Ну что ж, тогда будем прощаться.

– Будем прощаться.

– Ты можешь мне написать. Адрес у тебя есть. И звони к нам в магазин, если что-то будет нужно. Ну там... договориться о встрече на каникулах и так далее.

– Обязательно.

– Наверно, эта школа не так уж и плоха.

– Надеюсь.

– Ну, тогда пока.

– Пока.

Но ни та, ни другая не двинулись с места и все так же стояли, повернувшись лицом друг к другу. Четыре года они были подругами, и теперь настало горькое, печальное мгновение. «Приятного тебе Рождества», – проговорила Хетер. Снова повисла пауза. Внезапно Хетер наклонилась и поцеловала подругу в щеку, на которой блестели капли дождя. И, не говоря больше ни слова, отвернулась и побежала по улице. Звук ее шагов становился все глуше и глуше, пока окончательно не растворился в сумраке. Только после этого, с чувством какой-то утраты, Джудит продолжила в одиночестве свой путь – поднялась в гору по узкой мостовой и прошла мимо расположенных друг напротив друга магазинчиков, празднично освещенных и украшенных к Рождеству: коробки с мандаринами обернуты мишурой, флаконы с ароматическими солями для ванн перевязаны алыми ленточками. Даже хозяин скобяной лавки внес свой скромный вклад в праздничные приготовления – прилепил к жуткому молотку-гвоздодеру побег искусственного остролиста и карточку с начертанным от руки пояснением: «Полезный и недорогой подарок».

Джудит прошла мимо последнего магазина, на самой вершине холма; это было местное отделение книготорговой фирмы «В. Х. Смит», где ее мать ежемесячно покупала свежий номер модного журнала «Вог», а по субботам брала очередную книгу для чтения. Теперь дорога выровнялась, дома попадались реже, и властно заявил о себе ветер. Напитанный влагой, он налетал легкими порывами, бросая в лицо Джудит клубы сырого тумана. Принося с собой рокот бурунов, разбивающихся о пляжный берег далеко внизу, этот ветер вызывал в сочетании с темнотой совершенно особенное ощущение.

Немного погодя она остановилась, облокотившись о низкое гранитное ограждение, чтобы перевести дух после трудного подъема. Впереди расплывчатая вереница домов уходила вниз, к темной, похожей на кубок гавани; ведущая туда дорога была обвита извилистым ожерельем огней уличного освещения. В море поблескивали красные и зеленые огоньки рыболовных судов, отражаясь в чернильно-темной воде. Далекий горизонт скрывался во тьме, и казалось, что беспокойный, бурливый океан уходит в бескрайнюю даль. Маяк вдалеке мигал предупредительными сигналами: одна короткая вспышка, затем две долгие. Джудит представила неутомимые буруны, налетающие на его скалистое основание.

Она поехала. Долго на холодном, влажном ветру не простоишь. Поезд отходит через пять минут. Она побежала, мешок с обувью ритмично застукал ей по боку. Подскочила к гранитной лестнице, спускающейся к станции, и слетела вниз по ступенькам с уверенной небрежностью многолетней привычки.

Коротенький состав, бегающий по местной железнодорожной ветке, дожидался у перрона. Локомотив, три вагона третьего класса, один – первого и кондукторский вагон. Джудит не нужно было покупать билет – у нее школьный сезонный проездной; да и мистер Уильям, проводник, знал ее, как родную дочь. Машинист Чарли тоже знал Джудит и был настолько любезен, что всегда задерживался на остановке в Пенмартоне по утрам, если девочка, выходя в школу, запаздывала к поезду; поторапливая ее, он гудел в свой свисток, пока она вприпрыжку неслась через сад у их дома, носившего название «Ривервью-хаус».

Ей будет недоставать этих путешествий в школу и обратно на маленьком поезде: трехмильный маршрут, проходящий вдоль береговой кромки, давал возможность насладиться великолепным пейзажем. Сейчас было слишком темно, и Джудит не могла любоваться им, но знала, что там, за окном, все на своих местах. Утесы и обширные вырубки, бухты и пляжи, прелестные коттеджи, виднеющиеся вдали миниатюрные дороги и крохотные поля, которые весной зажелтеют нарциссами. А потом песчаные дюны и огромное пустынное взморье, которое она привыкла считать своим.

Нередко люди жалели Джудит, узнав о том, что она живет без отца, который работал на другом конце света в крупной судоходной компании «Уилсон – Маккинон». Как ужасна безотцовщина! Скучает ли она по отцу? Каково это – когда в доме нет мужчины, даже в выходные? Когда они снова будут вместе? Когда он вернется домой?

Она никогда не могла дать на подобные вопросы какой-то определенный, четкий ответ – не хотела обсуждать эти вещи, да и сама толком не понимала, что чувствует на самом деле. Единственное, что она твердо знала, это то, что так будет всегда, ибо такова судьба всех английских семей из Британской Индии, в которых дети с ранних лет принимали как факт неизбежность расставаний и долгих разлук.

Джудит родилась в Коломбо и жила там до десяти лет – на два года дольше, чем обычно позволяли оставаться в тропиках детям из британских семей. За все эти годы Данбары лишь однажды ездили домой, в папин «большой отпуск», но Джудит тогда было всего четыре года, и воспоминания об этих каникулах в Англии с течением времени затуманились в ее памяти. Она никогда не ощущала Англию своей родиной, своим домом. Настоящим домом был для нее Коломбо, просторное бунгало с зеленым садом на Галле-роуд, отделенное от Индийского океана однопутной железнодорожной линией, идущей к югу до города Галле. Из-за

близости моря, с которого постоянно дул свежий бриз, несший с собой буруны, самая сильная жара казалась нестрашной, а в доме создавали приятную прохладу деревянные лопасти укрепленных на потолке вентиляторов.

Но неминуемо настал тот день, когда они вынуждены были сказать всему этому «прощай». Оставить дом и сад, служанку Аму, дворецкого Джозефа, старика-тамила – садовника. И попрощаться с папой. «Почему мы должны уезжать?» – не переставала спрашивать Джудит, даже когда он вез их на машине в гавань, где стояло на якоре, уже разводя пары, судно «Пи энд Оу»⁵. «Потому что время пришло, – ответил отец, – всему свое время». Ей не было сказано, что мама беременна, и только по окончании трехнедельного морского путешествия, когда они снова оказались в пасмурной Англии, Джудит была посвящена в тайну: в семье скоро появится малыш.

Поскольку им, собственно говоря, некуда было возвращаться, тетя Луиза, проинструктированная своим братом Брюсом, взяла дело в свои руки; она отыскала Ривервью-хаус и сняла дом вместе с обстановкой. Вскоре после того как они водворились в новом жилище, в порткерриской больнице появилась на свет Джесс. И вот для Молли Данбар пришло время возвращаться в Коломбо. Джесс ехала с ней, а Джудит оставляли здесь. Она им страшно завидовала.

Они прожили в Корнуолле четыре года. Почти треть ее жизни. И в общем это было хорошее время. Дом был удобный, места хватало всем, к нему примыкал большой, довольно запущенный, с яблонево-рощей сад, спускавшийся по склону холма множеством террас, газонов, каменных ступеней.

А лучше всего была свобода, которой наслаждалась Джудит. У Молли, занятой новым ребенком, не хватало времени, чтобы присматривать за старшей дочерью, поэтому Джудит была предоставлена самой себе. Кроме того, по природе своей слишком нервная, вечно дрожащая за своих детей мать, Молли скоро поняла, что сонная деревушка Пенмаррон, рядом с которой они проживали, и ее мирные окрестности не представляют никакой угрозы для ребенка.

Полная первооткрывательского духа, Джудит стала совершать пробные, нерешительные вылазки за пределы сада, пока наконец железнодорожная линия, соседнее фиалковое хозяйство и берега морского рукава не превратились в ее игровую площадку. Осмелев, она отыскала дорожку, которая вела к церкви одиннадцатого века с колокольной – прямоугольной башней в нормандском стиле – и потрепанным ветрами кладбищем с древними, замшелыми надгробиями. Как-то раз, когда она присела на корточки перед одним из них, силясь разобрать выгравированную на камне надпись, к ней незаметно подошел приходский священник, которому польстило любопытство девочки. Он пригласил Джудит внутрь церкви, поведал некоторые эпизоды из ее истории, показал особенности архитектуры, убранства и скромные храмовые богатства. Затем они поднялись на верх башни, и священник показал девочке раскинувшиеся внизу окрестности. Перед Джудит словно открылся целый мир – в виде огромной, волшебной раскрашенной карты: фермерские земли, похожие на лоскутное одеяло, – то зеленый бархат пастбищ, то коричневый рубчатый вельвет пашни; далекие холмы, на которых тут и там высились древние, сооруженные из камней в незапамятные времена памятники-пирамиды; отражающий небесную синеву морской рукав, похожий на громадное озеро, – сходство мнимое, ибо его воды поднимались и отступали вместе с морскими приливами и отливами, и с морем он соединялся глубоководным протоком, который именовался Каналом. В тот день приливное течение Канала было окрашено в цвет индиго, а гладь океана сверкала бирюзой и на пустынное побережье накатывали зеленовато-голубые волны. К северу, в сторону скалы, на которой стоял маяк, протянулась вдоль берега длинная изогнутая полоса дюн, в море виднелись рыбацкие шхуны, в небе кричали чайки.

⁵ Сокр. от *англ.* Peninsular and Oriental – Пиренейско-Восточная пароходная линия (маршрут, соединяющий Англию через Средиземное море со странами Юго-Восточной Азии).

По словам священника, церквушку построили на этом холмике над взморьем для того, чтобы колокольная служила путеводным знаком, береговым ориентиром для кораблей, и нетрудно было представить, как в старину сюда приплывали галеоны с надутыми парусами и вместе с приливной волной двигались вверх по течению.

Постепенно узнавая новые места и достопримечательности, Джудит знакомилась и с местными жителями. Корнуоллы обожают детей, и, где бы она ни появлялась, ее всюду ожидал такой радушный прием, что свойственная ей застенчивость скоро исчезла без следа. В деревне не было недостатка в интересных людях. Миссис Берри, хозяйка местного магазинчика, которая готовила самодельное мороженое из заварного крема-концентрата; старик-угольщик Херби со своей тележкой; почтальонша миссис Саути, которая, дабы защититься от бандитов, загородила свою конторку каминной решеткой и редко когда давала за почтовую марку правильную сдачу.

Были и другие, еще более занятные люди, жившие особняком. К примеру, мистер Уиллис. Он немалую часть жизни проработал на оловянных рудниках в Чили, но в конце концов после многих лет странствий и приключений вернулся в родной Корнуолл и поселился в деревянной хибаре, что примостилась на песчаных дюнах над берегом Канала. Узкая прибрежная полоса перед его неприхотливым жилищем была усеяна морским мусором, среди которого попадались всякие любопытные штуки: обрывки каната, сломанные ящики из-под рыбы, бутылки и полусгнившие ботинки. Однажды мистер Уиллис столкнулся там с Джудит, занятой поиском раковин, они разговорились, и он пригласил ее к себе в хибару на чашку чая. После этого она всегда старалась увидеться и поговорить с ним.

Мистера Уиллиса, впрочем, ни в коем случае нельзя было назвать бездельником, у него было целых две работы. Одна состояла в том, чтобы следить за приливами и отливами и давать сигнал, когда вода поднималась настолько, что груженные углем суда могли пройти через отмель. А кроме того, он служил перевозчиком. Снаружи дома он привесил рынду с какого-то старого корабля, в которую должен был позвонить всякий желающий перебраться на другой берег Канала. Заслышав сигнал, Уиллис выходил из своей хибары, выволакивал свою непослушную гребную шлюпку вниз на берег и садился за весла. За эту услугу, сопряженную для пассажиров с неудобством и даже опасностью, когда случалось плыть во время бурного отлива, перевозчик взимал два пенса.

Он жил с миссис Уиллис, но она работала дояркой у живущего в деревне фермера и подолгу не бывала дома. Ходили слухи, что она вовсе и не миссис Уиллис, а мисс какая-то, и никто с ней особенно не разговаривал. Загадка миссис Уиллис была как-то связана с тайной дяди Хетер, Фреда, у которого «не было того самого», но стоило Джудит затронуть эту тему с матерью, как та поджимала губы и заговаривала о чем-нибудь другом.

Джудит никогда не рассказывала матери о своей дружбе с мистером Уиллисом. Интуиция подсказывала ей, что той вряд ли понравятся их отношения, и уж во всяком случае она запретит дочке навещать мистера Уиллиса и пить чай у него в хибарке. Какая нелепость! Разве может мистер Уиллис причинить кому-нибудь вред?

Да и вообще маме частенько не хватало здравого смысла. Например, она обращалась с Джудит точно так же, как с четырехлетней Джесс. В свои четырнадцать Джудит считала себя уже достаточно взрослой, для того чтобы обсуждать все важные дела, которые имели к ней непосредственное отношение.

Однако мама никогда ничего с ней не обсуждала – она просто сообщала готовые решения. – Я получила письмо от отца – нам с Джесс придется вернуться в Коломбо.

Сногсшибательное, мягко выражаясь, известие.

Но это еще что!

– Мы решили отправить тебя в «Школу Святой Урсулы», на полный пансион. Директрису зовут мисс Катто, я была у нее на приеме и обо всем договорилась. Пасхальный триместр начинается с пятнадцатого января.

Будто Джудит была посылкой, которую нужно отправить по назначению, или псом, которого сажали на цепь.

– А как же каникулы?!

– Во время каникул ты будешь жить у тети Луизы. Она очень любезно предложила позаботиться о тебе, пока мы будем за границей. Она собирается отвести тебе лучшую из свободных комнат в доме, и ты можешь взять туда свои вещи.

Это было, пожалуй, самое страшное. Не то чтобы Джудит не любила тетю Луизу. Когда во время папиного отпуска они приехали из Коломбо в Пенмаррон, то много времени проводили вместе с ней и ничего, кроме добра, от нее не видели. Просто она, с какой стороны ни глянь, не такая, как надо. Старая – по крайней мере за пятьдесят лет, с ней как-то страшно и неловко. И Уиндиридж – дом пожилого человека, во всем там правильность, порядок и спокойствие. Сестры Эдна и Хильда – повариха и горничная в Уиндиридже – обе в преклонных годах, угрюмы и неразговорчивы, ни капельки не похожи на милую Филлис, которая и по дому все делала в Ривервью-хаусе, и успевала поиграть с Джудит за кухонным столом в скачущего чертика или погадать на чайном листе.

Может статься, нынешнее Рождество они проведут у тети Луизы. Сначала сходят в церковь, потом будет обед с жарким из гуся, а после, пока не стемнеет, прогулка по полю для гольфа до белых ворот, стоящих высоко над морем.

Не ахти какое веселье, но в свои четырнадцать лет Джудит уже и не ожидала ничего необыкновенного. Казалось бы, все должно было быть так, как в книжках и на рождественских открытках, но в действительности так не бывало никогда, потому что мама вела себя совсем не по-праздничному, неизменно демонстрируя угрюмое нежелание украшать дом ветками остролиста или наряжать елку. Вот уже второй год она обходилась без традиционного рождественского чулка для подарков и твердила Джудит, что та уже слишком большая для таких забав.

Если разобраться, думала Джудит, «забавы» – вообще не мамина стихия. Она не любила пикников на пляже и всеми силами старалась предотвратить празднование дней рождения. Она даже боялась водить автомобиль. Разумеется, у них была машина, малюсенький обшарпанный «остин», но мама выискивала любой предлог, лишь бы не выводить ее из гаража, – она была убеждена, что врежется в кого-нибудь, не справится с тормозами или забудет переключить скорость у подъема на холм.

Что касается Рождества, то, как бы там ни обернулось нынче, Джудит была уверена, что будет все же лучше, чем тогда, два года назад, когда по настоянию мамы они гостили у ее родителей – его преподобия и миссис Эванс.

Дедушка был священником крошечного прихода в Девоне, а бабушка – дряхлой старой леди, которая всю жизнь сражалась с благородной нищетой и с рассчитанными на огромные, многолетние викторианские семьи домами, которые церковная администрация предоставляла ее мужу в качестве жилья. Они с бабушкой без конца ходили в церковь, а на Рождество бабушка подарила Джудит молитвенник. «Ой, бабушка, спасибо тебе огромное, мне всегда хотелось молитвенник», – вежливо поблагодарила Джудит. Хотя и не так чтобы уж очень хотелось. Эту последнюю часть своей мысли она не произнесла вслух. К тому же Джесс, которая вечно умудрялась все испортить, заболела крупом; мама все время была с ней, и чуть ли не каждый божий день подавался компот из инжира, а вместо пудинга – бланманже.

Ну нет, только не это.

Что бы там ни было (как собака к своей лакомой косточке, Джудит мысленно вернулась к первоначальной причине своего уныния), все эти неприятности были ничто по сравнению со «Святой Урсулой». Джудит даже не побывала в самой школе, не видела мисс Катто, которая

могла оказаться настоящим чудовищем. Может быть, мама боялась вспышки неповиновения с ее стороны и поэтому устроила все так быстро и без ее участия, чтобы поставить дочь перед уже свершившимся фактом? Но в этом не было никакого смысла: можно подумать, Джудит когда-нибудь прекословила или бунтовала. Может, теперь, когда ей уже четырнадцать, стоит попробовать? Вот Хетер Уоррен всегда умела добиться своего – крутила и вертела своим отцом как хотела. Но отцы у них разные, у Джудит сейчас, вообще-то говоря, отца и нет.

Поезд замедлил ход. Он нырнул под мост (всегда можно сказать об этом наверняка по тому, как меняется звук стучащих колес) и, с шипением затормозив, остановился. Джудит подхватила свои вещи и вышла на платформу перед крошечным, с массой причудливых резных украшений, деревянным вокзалом, похожим на павильон для игры в крикет. В просвете открытой двери вырисовывался темный силуэт начальника станции мистера Джексона.

– Привет, Джудит. Ты сегодня припозднилась.

– У нас в школе был праздник.

– Здрóрово!

Теперь она почти уже дома – станция находилась буквально в двух шагах от нижних ворот, ведущих в сад Ривервью-хауса. Джудит прошла через зал ожидания, в котором всегда немилосердно пахло уборной, и очутилась на неосвещенной дорожке за вокзалом. Помедлив минутку, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте, она поняла, что дождь прекратился. В макушках сосен, рошица которых, как стена, защищала станцию в разгул ненастья, завывал ветер. Жутковатый звук, но Джудит не было страшно. Она перешла через дорогу, нащупала на воротах щеколду; отодвинув ее, вошла в сад и стала подниматься по крутой дорожке, взбирающейся по каменным ступенькам и уступам террас. Впереди, на вершине, темнели очертания дома, через занавешенные окна пробивался приветливый свет. Висящий над главным входом расписной фонарь был зажжен, и в его свете Джудит увидела, что на гравиевой площадке перед домом стоит какая-то машина. Ну конечно, это тетя Луиза заехала на чашку чая.

Большой черный «ровер». Сейчас он выглядел вполне невинно и безобидно – солидный, респектабельный автомобиль. Но любому, кто отваживался выйти или выехать на узкие дороги западного Пенуита⁶, стоило иметь в виду, что внешний вид этого автомобиля обманчив, поскольку у него мощный двигатель, а тетя Луиза, несмотря на то что была добропорядочным гражданином, столпом гольф-клуба и регулярно посещала церковь, становилась словно другим человеком, стоило ей сесть за руль; она вписывала ревущий «ровер» в крутые повороты на пятидесяти милях в час, очевидно вполне уверенная в том, что раз она держит руку над кнопкой сигнала, то не является нарушителем с точки зрения буквы закона. Поэтому, если ей случалось задеть бампером крыло другого автомобиля или переехать чью-нибудь курицу, она не допускала даже мысли о своей виновности и так яростно наскакивала на пострадавшую сторону, что перед ней обычно пасовали и спешили ретироваться без каких-либо претензий.

Джудит не хотелось встречаться с тетей Луизой. Поэтому она не стала входить в дом с главного входа, а обошла его сбоку и через двор и судомойню проникла в кухню. Там она увидела Джесс, сидящую с книжкой-раскраской и цветными карандашами за выскобленным кухонным столом, и Филлис, которая в своей дневной рабочей униформе – зеленом платье и муслиновом переднике – утюжила лежавшую перед ней грудой чистую одежду.

После уличного холода и сырости кухня показалась восхитительно теплой. Впрочем, она и была самым теплым местом в доме, так как в ней непрерывно горела плита с круглыми медными ручками и графитным покрытием. Вот и сейчас на медленном огне тихонько попухивал чайник. Напротив плиты стоял кухонный шкаф, заставленный разнообразной посудой – блюдами для мясных кушаний, салатницами, супницами, – а рядом располагалось плетеное кресло, в которое, чтобы дать отдых ногам, тяжело опускалась Филлис, когда у нее выпадала свободная

⁶ Пенуит – область в графстве Корнуолл.

минутка, что случалось нечасто. Приятно пахло теплой отглаженной тканью, на протянутой под потолком веревке сушилось выстиранное белье.

Филлис подняла глаза на вошедшую Джудит:

– Привет. Что это ты крадешься с черного хода?

Она улыбнулась, обнажив свои далеко не идеальные зубы. Филлис была плоскогрудой костлявой девушкой с бледной кожей и прямыми бесцветными волосами, но Джудит не встречала еще человека с таким золотым сердцем.

– Я увидела машину тети Луизы.

– Ну и что?.. Как прошел праздник в школе?

– Хорошо. – Она достала из кармана пальто пакет со сладостями. – Вот, Джесс, это тебе.

Джесс уставилась на пакет:

– Что это?

Она была симпатичной пухленькой блондинкой, но такой глупышкой! Это постоянно выводило Джудит из себя.

– Конфеты, глупенькая, что же еще!

– Я люблю фруктовые леденцы.

– Так посмотри, что там.

Джудит стянула пальто и шерстяную шапку и бросила их на стул.

– Не знала, что тетя Луиза приедет на чай.

– Она позвонила по телефону, часа в два.

– О чем они говорили?

– Об одной любопытной девчонке.

– Обо мне, наверно.

– О тебе и о той школе, о всяких формальностях, о плате, о каникулах, о том, куда надо позвонить. Кстати, утром звонила тетя Бидди. Разговаривала минут десять с твоей матерью.

– Тетя Бидди? – оживилась Джудит. Бидди была маминой сестрой, Джудит ее очень любила. – Зачем она звонила?

– Я же не подслушивала. Спроси у своей мамы. – Филлис положила утюг и стала застегивать пуговицы на выходной блузке миссис Данбар. – Иди-ка лучше в гостиную. Я поставила для тебя чашку, а к чаю – ячменные лепешки и лимонный пирог. Если ты проголодалась.

– Ужасно.

– Как всегда. Вас что, не угощали в школе?

– Угощали. Шафранным кексом. Но я не наелась.

– Ну иди тогда, а то твоя мать начнет беспокоиться.

– О чем беспокоиться?

Но Филлис сказала лишь:

– Давай-ка переобувайся... и не забудь руки вымыть.

Джудит переобулась, помыла в судомойне руки «Калифорнийским маком» – так называлось мыло Филлис, – затем без особой охоты покинула уютную кухню с ее приятной компанией и направилась через холл к гостиной. Из-за двери доносился тихий говор женских голосов. Она открыла дверь бесшумно, так что собеседницы не сразу заметили ее присутствие.

Молли Данбар и ее золовка Луиза Форрестер сидели друг против друга по обе стороны очага, между ними стоял складной чайный столик, покрытый вышитой льняной скатертью и уставленный чайными принадлежностями и яствами – лучший в доме фарфоровый сервиз, тарелки с бутербродами, глазированный лимонный пирог, горячие ячменные лепешки, покрытые сливками и клубничным вареньем, песочное и шоколадное печенье.

Они очень уютно устроились – бархатные шторы плотно задернуты, в камине дрожит пламя горящего угля. Гостиную нельзя было назвать ни просторной, ни роскошной, ни даже со вкусом обставленной, поскольку Ривервью-хаус сдавался вместе с обстановкой. Кресла были

покрыты полинявшим ситцем, пол устлан турецким ковром, а кое-какая мебель не столько красива, сколько практична. Тем не менее в мягком электрическом свете комната выглядела очень мило и изысканно. Молли привезла с Цейлона целую коллекцию своих любимых вещичек, и, разбросанные там и сям, они несколько смягчали ощущение безликости мебелировки. Безделушки из нефрита и слоновой кости, красная лакированная сигаретница, бело-голубая ваза с гиацинтами, семейные фотографии в серебряных рамках.

– ...придется тебе потрудиться, – говорила тетя Луиза. – Если потребуется моя помощь... – Она наклонилась вперед, чтобы поставить на столик свое блюдо с пустой чашкой, и, подняв глаза, увидела вошедшую Джудит. – Посмотри-ка, кто к нам пожаловал...

Молли обернулась:

– Джудит, я боялась, что ты опоздала на поезд.

– Нет, я болтала с Филлис. – Она закрыла за собой дверь и подошла к ним. – Привет, тетя Луиза. – Она поцеловала тетю Луизу в щеку, которую та ей подставила, но ответного поцелуя не последовало.

Тетя Луиза была не из тех, кто выставляет свои чувства напоказ. В свои пятьдесят с небольшим она хорошо сохранилась – прекрасная фигура, тоненькие изящные ножки, обутые в начищенные до блеска грубые коричневые башмаки. На ней был твидовый костюм – жакет и юбка, короткие седые волосы завиты и надежно закреплены невидимой сеточкой. Ее и без того низкий голос слегка огрубел от курения, и даже более женственный туалет, в который она переодевалась вечером, бархатное платье или жакет с вышивкой не могли скрыть ее поразительного мужеподобия. Казалось, будто мужчина напялил на себя на маскарадную вечеринку или просто шутки ради наряд жены, и все вокруг помирают со смеху.

Эффектная женщина, но не красавица. И никогда ею не была, даже в молодости, если верить старым фотографиям. В двадцать три года Луиза все еще не была помолвлена и ничего такого и не ожидалось, так что родители вынуждены были отправить ее в Индию, в семью одного родственника-военного, служившего в Дели. Когда настала жаркая пора, все семейство перебралось на север, к прохладным холмам Пуны, там-то Луиза и встретила с Джеком Форрестером. Майор Бенгальского стрелкового полка, он только что приехал в отпуск из форта где-то в горах, в этой дыре он проторчал двенадцать месяцев, участвуя время от времени в стычках с воинственными афганцами. После месяцев вынужденного целомудрия он страстно искал женского общества, и незамужняя Луиза – молодая, розовощекая, спортивная девушка, которую он мельком увидел на теннисном корте, когда она носилась туда-сюда, отбивая мяч, стала его голодному ослепленному взору самым желанным существом на свете. С колоссальным упорством, хотя и без особых тактических уловок – для ухищрений не было времени, – он стал добиваться ее благосклонности и не успел глазом моргнуть, как совершенно неожиданно для самого себя оказался обручен.

Как ни странно, из всего этого вышел очень даже прочный брак, хотя (или, может быть, из-за того что) им не суждено было иметь детей. Зато их объединяло пристрастие к развлечениям на свежем воздухе, к разнообразным играм и видам спорта, для которых Индия предоставляла великолепные возможности, – к охоте и походам в горы, верховой езде и поло, к теннису и гольфу, в котором Луиза особенно блистала... Когда Джек вышел наконец в отставку и супруги вернулись в Англию, они обосновались в Пенмартоне – по той лишь причине, что рядом было поле для гольфа, – и местный гольф-клуб стал их вторым домом. В плохую погоду они коротали время за игрой в бридж, но едва выдавался погожий денек, спешили с клюшками на поле. Помимо этого, немало времени Джек проводил в баре, где он заслужил сомнительную репутацию человека, которого невозможно «перепить». Он любил похвастаться, что у него желудок – как пивная бочка, и это подтверждали все его друзья, пока в одно великолепное субботнее утро он не свалился замертво на поле, на четырнадцатом ударе.

Когда произошло это печальное событие, Молли находилась на Цейлоне и, не в силах представить себе, как Луиза теперь будет жить без Джека, написала ей письмо с искренними глубокими соболезнованиями. Но, встретив золовку снова, Молли не увидела в ней ни малейшей перемены. Она выглядела точно так же, как и раньше, жила в том же доме и вела все тот же приятный образ жизни: каждый день появлялась на поле и, будучи прекрасным игроком и обладая мощным ударом, никогда не испытывала недостатка в партнерах-мужчинах.

Тетя Луиза достала из портсигара турецкую сигарету и вставила ее в мундштук из слоновой кости. Потом щелкнула золотой зажигалкой, принадлежавшей когда-то ее покойному мужу.

– Как прошла твоя рождественская вечеринка? – спросила она Джудит сквозь облако сигаретного дыма.

– Неплохо. Танцевали «Сэр Роджер де Каверли». И были кексы с шафраном. – Джудит окинула взглядом чайный столик. – Но я бы еще чего-нибудь съела.

– Тут для тебя полно всего осталось, – сказала Молли.

Джудит придвинула низкий табурет и уселась между взрослыми, так что ее нос оказался как раз вровень с приготовленными Филлис лакомствами.

– Ты что будешь – молоко или чай?

– Спасибо, я бы выпила молока. – Она потянулась к тарелке, взяла ячменную лепешку с обильной шапкой густых сливок и клубничного варенья и осторожно ее надкусила.

– Ты успела попрощаться со всеми своими друзьями?

– Да. И с мистером Томасом, и со всеми остальными. Нам раздали по пакету со сладостями. Я отдала свой Джесс. А потом мы вдвоем с Хетер пошли домой.

– Кто такая Хетер? – спросила тетя Луиза.

– Моя лучшая подруга.

– Дочка миссис Уоррен, бакалейщицы с Маркет-плейс, – пояснила Молли.

– А-а!.. – Тетя Луиза подняла брови и лукаво улыбнулась. – Удалой испанец. Очень привлекательный мужчина. Даже если бы у них не продавался мой любимый мармелад «Типтриз», думаю, я бы все равно оставалась их верной клиенткой.

Определенно, она была в настроении, и Джудит решила, что сейчас самое подходящее время, чтобы поднять вопрос о велосипеде. Куй железо, пока горячо, как любит повторять миссис Уоррен. Бери быка за рога.

– Кстати, у Хетер возникла гениальная идея – что мне нужен велосипед.

– Велосипед?!

– Мама, ты так удивлена, будто я прошу гоночную машину или пони. А я на самом деле думаю, что это хорошая мысль. Это наш дом в двух шагах от станции, а Уиндиридж – совсем другое дело, там до автобусной остановки – топтать и топтать. Если у меня будет велосипед, я смогу разъезжать куда угодно, и тете Луизе не потребуется возить меня на машине. И, – прибавила Джудит с хитрецой, – ей не придется отрываться ради меня от гольфа.

Тетя Луиза усмехнулась:

– А ты хорошо все продумала.

– Но ты ведь не против, тетя Луиза?

– Я? С какой стати? Только рада буду от тебя отделаться. – Такая у тети Луизы была манера шутить.

Молли наконец обрела дар речи:

– Но, Джудит... это, наверно, страшно дорого.

– Хетер говорит, примерно пять фунтов.

– Так я и думала: страшно дорого. А нам еще так много нужно купить. Тебе нужно приготовить форму для «Святой Урсулы», а ты бы видела список обязательной форменной одежды – несколько страниц!

- Ты могла бы подарить мне велосипед на Рождество.
- Но я уже купила тебе подарок. Как раз то, что ты просила...
- Ну, тогда на день рождения. Ведь в день моего рождения ты будешь в Коломбо, а так тебе даже не придется тратить на отправку посылки.
- Но ты будешь ездить по шоссе и можешь попасть в аварию...
- А ты умеешь ездить на велосипеде? – вмешалась тетя Луиза.
- Конечно умею. Просто у меня никогда его не было, потому что он мне до сих пор не был нужен. Это действительно будет очень, очень удобно, ведь правда, тетя Луиза?
- Но, Джудит...
- Ну же, Молли, что ты так задержалась? Ничего страшного с ребенком не произойдет. Если Джудит залетит под колеса автобуса, так, значит, сама виновата. Справлю я тебе велосипед, Джудит. Но раз он так дорого стоит, то это будет подарок и к Рождеству, и на день твоего рождения. Так и мне, глядишь, не придется тратить на отправку посылки.
- Серьезно? – Джудит просто не верилось, что ее доводы сработали, что она все же добилась своего. – Тетя Луиза, ты просто класс!
- Я готова на все – лишь бы ты не мешалась у меня под ногами.
- И когда мы сможем его купить?
- Как насчет сочельника?
- О нет, – тихо пробормотала Молли. В ее голосе чувствовалось смятение, и Луиза нахмурилась.
- Что теперь не так? – Луиза частенько теряла терпение в разговоре с невесткой. – Еще какие-то причины?
- Нет... я не о том. – Щеки Молли порозовели. – Просто в сочельник нас здесь не будет. Я не сказала тебе, Луиза, хотела сначала поговорить с Джудит. – Она повернулась к дочери. – Звонила тетя Бидди.
- Я знаю. Мне сказала Филлис.
- Она пригласила нас на Рождество и Новый год к себе в Плимут.
- Джудит выслушала это известие с набитым ртом и чуть не подавилась. Рождество с тетей Бидди!
- И ты согласилась?
- Да.
- Это было так невероятно здорово, что все остальное, даже мысль о велосипеде, мигом вылетело у Джудит из головы.
- И когда мы едем?
- Думаю, накануне сочельника. Поезда будут не так переполнены. Бидди встретит нас в Плимуте. Она извинялась за то, что так запоздала с приглашением, – это была, по ее словам, внезапная идея. Она подумала, что раз это последнее Рождество перед нашим с Джесс отъездом, то хорошо было бы отпраздновать его вместе.
- Если бы не тетя Луиза, Джудит запрыгала бы от радости, но не совсем это вежливо – выражать бурный восторг при человеке, который остался неприглашенным. Сдерживая свой восторг, она повернулась к тете:
- Тетя Луиза, раз так, то, может быть, мы купим велосипед после Рождества?
- Теперь у нас нет выбора. Вообще-то, я тоже собиралась пригласить вас всех к себе на Рождество, но Бидди, похоже, избавила меня от хлопот.
- О Луиза, мне так жаль. Теперь я буду переживать, что подвела тебя.
- Чепуха. Всем нам не мешает чуть-чуть разнообразия. А мальчик Бидди будет?
- Нед? К сожалению, нет. Он едет в Церматт, в Швейцарию, кататься на лыжах.

Тетя Луиза вскинула брови, явно не одобряя такие дорогостоящие причуды. Хотя чему тут удивляться: Бидди всегда безмерно баловала своего единственного сыночка, не могла ему отказать ни в каком удовольствии.

– Жаль, – отозвалась она лаконично. – Он составил бы Джудит компанию.

– Тетя Луиза, Неду ведь уже шестнадцать! Он и внимания на меня не обратит. Я надеюсь, мне и без него не будет скучно.

– Не сомневаюсь, с Бидди ты отлично проведешь время. Сто лет ее не видела. Когда она в последний раз приезжала сюда, Молли?

– В начале прошлого лета. Помнишь? Чудесная стояла погодка – жаррища...

– И она вышла к ужину в своем сногшибательном пляжном халате?

– Вот-вот.

– А потом я наткнулась на нее у тебя в саду, когда она загорала в открытом купальнике. Щеголяя своими розовыми телесами. С таким же успехом могла бы и догола раздеться.

– Бидди следит за модой. – У Молли возникло желание, пусть и не очень-то сильное, заступиться за свою взбалмошную сестру. – Вот увидишь, пройдет немного времени – и мы все будем ходить в пляжных халатах.

– Не приведи господь!

– А какие планы на Рождество у тебя, Луиза? Надеюсь, ты не будешь чувствовать себя всеми брошенной?

– Господи, конечно нет. С удовольствием посижу одна, а может, приглашу Билли Фосетта, пропустим пару стаканчиков и пойдем на праздничный обед в клуб. Там обычно собирается отличная компания. – Джудит представила себе, как на вечеринке гольф-клуба гости в бриджах и спортивных ботинках надевают на головы рождественские бумажные колпаки и взрывают хлопушки. – А потом можно будет перекинуться в картишки.

Молли наморщила лоб:

– Билли Фосетт? По-моему, не знаю такого.

– Откуда тебе его знать! Это мой старый друг, мы познакомились, когда я еще жила в Белуджистане. Билли недавно вышел в отставку и подумывает поселиться в Корнуолле. Он снял один из тех коттеджей, что понастроили по нашей дороге. Я собираюсь представить его обществу. Тебе нужно непременно с ним познакомиться, пока ты еще здесь. Кроме того, он показал себя молодцом на игровом поле, так что я предложила его кандидатуру правлению клуба.

– Как тебе повезло, Луиза!

– Повезло в чем?

– Ну... старый друг... и жить будет по соседству. К тому же хороший игрок в гольф. Конечно, с тобой сыграть желающих всегда хоть отбавляй...

Но не так-то просто было заставить Луизу «расколаться». Она не играла в гольф с кем попало – только с лучшими из лучших.

– Все зависит от того, – проговорила она, с силой придавив окурок, – какую фору дать партнеру. – Она взглянула на часы. – Боже мой, неужели уже столько времени! Мне пора. – Луиза схватила свою сумочку и резко поднялась из кресла. Молли и Джудит тоже встали. – Поблагодарите от меня Филлис – все было очень вкусно. Вам будет не хватать этой девушки. Она нашла себе другое место?

– Кажется, пока не пыталась.

– Счастливчик тот, кому достанется такое сокровище. Нет, не стоит звать ее, Джудит меня проводит. Молли, на тот случай, если не увидимся до Рождества, желаю тебе прекрасно провести время. Звякни, когда вернешься, и дай знать, когда захочешь перевезти вещи Джудит в Уиндиридж. А велосипед, Джудит, мы купим в начале пасхальных каникул. Раньше он все равно тебе не потребуется...

1936

Темное, беспросветное утро выдалось таким холодным, что собственный нос показался постепенно пробуждающейся Джудит каким-то посторонним предметом, примерзшим к ее лицу. Вчера вечером, когда она ложилась, в комнате было слишком холодно, чтобы спать с открытым окном, поэтому она ограничилась тем, что чуть-чуть раздвинула занавески, и теперь за ледяным рисунком на оконном стекле виднелся тусклый желтый свет уличного фонаря внизу. Царило полное безмолвие. Возможно, сейчас еще ночь. Но вот послышалось цоканье лошадиных копыт – это проехал молочник на своей телеге, и ей стало ясно, что и вправду наступило утро.

Нужно было заставить себя сделать невероятное физическое усилие. Раз, два, три! Джудит вытащила руку из-под теплого одеяла и потянулась к выключателю лампы, стоявшей на ночном столике. Новые часы, которые подарил ей дядя Боб (едва ли не лучший подарок из всех), показывали без четверти восемь.

Она живо сунула руку обратно под одеяло и согрела ее, зажав между коленей. Новый день. Последний день. Джудит несколько приуныла. Рождество позади, кончились их «каникулы» у тети Бидди, и сегодня они уезжают домой.

Комната, где она ночевала, находилась в мансарде дома тети Бидди. Маме с Джесс отвели лучшую свободную комнату на втором этаже, а Джудит предпочла эту, с наклонным потолком, маленьким окошком и кретоновыми занавесками в цветочек. Плохо только, что в мансарде холодно – камина нет, а скудное тепло из нижних комнат сюда не доходит. Но тетя Бидди выдала Джудит маленькую электрическую печку, и благодаря ей да парочке грелок девочке удалось устроить себе довольно уютное гнездышко.

Надо сказать, что как раз накануне Рождества температура устрашающе упала. Метеосводка по радио предупредила о резком внезапном похолодании, но кто мог подумать, что это будут арктические морозы! Когда Данбары сели на экспресс «Корнуолльская Ривьера» и покатили вглубь страны, возвышенность Бодмин-Мур лежала вся в снегу, а когда они сошли в Плимуте, резкий ветер осыпал перрон хлопьями мокрого снега, словно они оказались в Сибири.

Погода преподнесла им неприятный сюрприз, ведь дом, в котором жили тетя Бидди и дядя Боб, был едва ли не самым холодным домом в Англии. Виноваты в том были не хозяева, а служба дяди Боба, капитана ВМС, который руководил Военно-морским техническим колледжем в Кейхаме. Дом – высокий, с тонкими стенами – стоял на обращенном к северу уступе холма и весь продувался сквозняками. Самым теплым местом была кухня на цокольном этаже, но там обитали повариха миссис Клиз и Хоббс, отставной морской пехотинец (участник полкового оркестра), который ежедневно приходил, чтобы начистить всем обувь и принести угля для каминов. Этот Хоббс, с прилизанными седыми волосами и умными, как у дрозда, глазами, был довольно забавный тип. В пальцы его впитался табак, а коричневое, покрытое рубцами и шрамами лицо походило на потертый, выдавший виды дорожный чемодан. Когда же вечерами принимали гостей, он наряжался в выходной костюм и, щеголяя в белых перчатках, разносил напитки.

А гостей в эти дни было хоть пруд пруди; несмотря на суровую погоду, Рождество получилось поистине волшебным – таким, каким и должно быть Рождество. Бидди, никогда не признававшая полумер, так разукрасила весь дом, что дяде Бобу он напомнил «крейсер в состоянии полной боевой готовности». А рождественская елка, наполнившая холл огнями гирлянд, блеском мишуры и хвойным ароматом, показалась Джудит самой пышной и великолепной из всех, какие она когда-либо видела. Не менее праздничное впечатление производили и остальные комнаты, украшенные сотнями надетых на алые ленты декоративных открыток и гирляндами остролиста и плюща. Камин в столовой и гостиной не переставая жарко пылали, словно

судовые паровые котлы. Хоббс подбрасывал в них на ночь мелкого угля, так что пламя никогда не затухало.

Было столько интересного, постоянно что-то происходило, веселье не затихало ни на минуту. Званные завтраки и званные ужины заканчивались танцами под граммофон. Беспрестанно заходили друзья и знакомые – выпить чаю или чего-нибудь покрепче, и даже когда выдавалось кратковременное затишье или свободный от гостей денек, тетя Бидди не позволяла никому расслабиться и мирно отдохнуть, тотчас предлагая сходить в кино или на каток.

Джудит заметила, что мать ее от такого напряженного ритма вконец выбилась из сил и время от времени поднималась, еле передвигая ноги, к себе в комнату, чтобы прилечь в тишине, оставив Джесс на попечение Хоббса. Малышка очень привязалась к нему и к миссис Клиз и почти все время торчала в кухне, где ее безбожно пичкали всякими вкусностями. А Джудит радовалась, что младшая сестра не таскается за ней по пятам; она отлично проводила время.

Как-то раз дядя Боб приобрел билеты на детский спектакль-сказку, и все отправились в театр вместе с еще одной семьей; их компания заняла целый ряд партера, дядя Боб купил на всех программки и огромную коробку шоколадных конфет. Но когда на сцене появилась затянутая в корсет Старуха в рыжем парике и широчайших алых панталонах, Джесс пронзительно завизжала от страха и не унималась до тех пор, пока мама не вывела ее из зала. К счастью, это произошло ближе к началу представления, и зрители смогли спокойно посмотреть остальную часть спектакля.

Дядя Боб был лучше всех, с ним было так интересно, так весело. По случаю праздников ему не нужно было ездить в колледж каждый день, и у него было много свободного времени. Джудит подолгу сидела в святая святых – у него в кабинете; он показывал ей свои фотоальбомы, учил печатать на выдавшей виды пишущей машинке, с его позволения она проигрывала пластинки на заводном граммофоне. А когда они пошли кататься на коньках, то он поддерживал ее на льду, пока она не научилась, как он выразился, «держаться на ногах во время качки». На вечеринках он следил за тем, чтобы про Джудит не забывали, чтобы она не оставалась в стороне от общего веселья, и представлял ее своим гостям точно взрослую.

С папой, дорогим и любимым, ей никогда не было так интересно. Признаваясь себе в этом, Джудит чувствовала за собой какую-то вину: за эти две недели она едва вспоминала об отце. Наверстывая упущенное, она думала о нем теперь, думала изо всех сил, но на ум приходил Коломбо, потому что там и только там образ отца оживал, облакался плотью. А вспоминать Коломбо было нелегко – он остался в далеком прошлом. Казалось, помнишь каждую подробность, но время сделало воспоминания расплывчатыми как выцветшие старые фотографии. И Джудит рылась в памяти, выискивая какое-нибудь яркое событие, за которое могла бы уцепиться ее мысль.

Рождество. Да-да, конечно же, Рождество в Коломбо было незабываемым, хотя бы потому, что оно так не сочеталось с ослепительным тропическим небом, убийственной жарой, волнами Индийского океана и бризом, шевелящим листья пальм. Джудит распаковывала свои рождественские подарки, сидя на открытой веранде дома на Галле-роуд, здесь гулял ветер и с моря доносился шум прибоя. А праздничный стол в гостинице «Галле-Фейс» украшала не индейка, а традиционное карри. Там же отмечали Рождество многие другие англичане, и сборище людей в бумажных колпаках, дудящих в дудки, напоминало какую-то детскую вечеринку.

Джудит вспомнился ресторанный зал гостиницы, набитый разношерстной публикой: все пьют и едят до отвала, с океана дует прохладный бриз, на потолке медленно вращаются лопасти вентиляторов... И это сработало – она ясно увидела отца. Вот он сидит во главе стола в склеенной из бумаги короне, синей с золотыми звездочками. Интересно, как он отметил нынешнее Рождество? Когда его семья уехала четыре года назад, к нему подселился, ради компании, друг-холостяк. Но как-то невозможно было представить их вдвоем дома за праздничным столом.

Надо думать, им ничего другого не оставалось, как пойти в клуб и присоединиться к остальным холостякам и соломенным вдовам. Джудит вздохнула. Ей казалось, что она скучает по отцу, но нелегко было скучать по человеку, когда уже так долго живешь вдали от него и только раз в месяц получаешь письма трехнедельной давности, и к тому же не особенно задушевные.

Часы уже показывали восемь. Пора вставать. Ну! Раз, два, три! Джудит откинула одеяло, выпрыгнула из постели, бегом бросилась к электрической печке и включила ее. Затем очень быстро завернулась в шерстяной трикотажный халат и сунула голые ноги в тапочки из овчины.

Подарки были аккуратненько разложены на полу. Она взяла свой китайский плетеный чемоданчик с ручкой и маленькими застежками и стала укладывать в него рождественскую добычу. Часы. Две книги от тети Бидди: новый роман Артура Рэнсома⁷ «Зимний праздник» и роскошное, переплетенное в кожу издание «Джейн Эйр»⁸. Вторая книга была очень толстая и с убогим шрифтом, но в ней оказалось полно цветных иллюстраций, защищенных листами тонкой папиросной бумаги – и таких соблазнительных, что Джудит не терпелось приняться за чтение. Далее, шерстяные перчатки от бабушки с дедушкой. Стекланный шар – если потрясти его, внутри взвизгивает настоящая снежная буря, – это подарок Джесс. Мама подарила пуловер, но этот подарок несколько разочаровал Джудит: она-то хотела пуловер с воротничком «поло», а этот был с круглым вырезом. Но всех заткнула за пояс тетя Луиза: несмотря на обещанный велосипед, Джудит обнаружила под елкой пришедшую от нее посылку, обвитую остролистом; внутри оказалась рассчитанная на пять лет тетрадь под личный дневник, пухлая, переплетенная в кожу, прямо как Библия. Подарок от папы еще не дошел. Особой пунктуальностью он никогда не отличался, да и посылки от него шли бесконечно долго. Правда, ожидание всегда окупалось с лихвой. Один из лучших подарков Джудит получила от Филлис, как раз то, что ей было нужно, – ножницы, пузырек клея и маленькая кисточка. Она будет держать все это в запирающемся на ключ ящике своего стола, чтобы туда не добрались неугомонные пальчики Джесс, и теперь, когда бы ей ни захотелось что-нибудь смастерить, вырезать или просто наклеить почтовую открытку в личный альбом, – не придется идти к матери за ножницами (которых никогда не отыскать) или делать клейстер из муки с водой. Став обладательницей этих незаменимых канцелярских принадлежностей, Джудит почувствовала себя независимой и самостоятельной.

Она аккуратно сложила все подарки в плетеный чемоданчик. Он наполнился доверху, но крышка закрылась легко, Джудит застегнула его и поставила на кровать. Потом как можно быстрее оделась. Завтрак уже готов и ожидает ее внизу; она проголодалась и надеялась, что будут сосиски, а не яйца-пашот⁹.

Бидди Сомервиль сидела у себя в столовой и пила черный кофе, стараясь не обращать внимания на легкое похмелье. Вчера вечером, после ужина, зашли два лейтенанта из мужнина колледжа, Боб достал бутылку коньяка, и, угощая гостей, Бидди сама порядком перебрала. Пульсирующая в висках тупая боль теперь напоминала ей, что следовало остановиться после двух рюмок. Она не стала говорить мужу, что нехорошо себя чувствует: понятия не имевший, что это за мучение, Боб приравнивал похмелье к перегреву на солнце.

Сидя на другом конце стола в полном обмундировании (отпуск по случаю праздников закончился, и сегодня он выходил на службу), Боб читал «Таймс». С минуты на минуту он свернет газету, положит ее на стол и объявит, что ему пора выходить. Гости еще не спустились к завтраку, и слава богу, думала Бидди: до их прихода она, может, еще успеет выпить вторую чашку кофе и ей полегчает.

⁷ Рэнсом Артур (1884–1967) – английский детский писатель.

⁸ «Джейн Эйр» – роман английской писательницы Шарлотты Бронте (1816–1855).

⁹ Пашот – яйца, сваренные без скорлупы в крутом кипятке.

Сегодня гости уезжали, и Бидди весьма сожалела, что пришло время расставания. Она пригласила их к себе по нескольким причинам. Во-первых, для Молли это было последнее Рождество перед возвращением на Восток, а она – единственная сестра Бидди. Трудно сказать, когда они встретятся вновь. Во-вторых, Бидди испытывала неловкость, оттого что за все эти четыре года не сделала для Данбаров всего, что могла бы, – недостаточно им помогала, мало с ними виделась. Была и третья причина: Нед поехал кататься на лыжах за границу, а мысль о Рождестве без молодежи была так безрадостна, что хотелось как-то восполнить отсутствие сына и его компании.

У Бидди было мало общего с сестрой, она едва знала ее девочек и не была уверена, что все пройдет хорошо. К счастью, все обошлось. Молли, правда, иногда сдавала, сокрушенная головокружительным вихрем вечеринок и приемов, и ретировалась к себе в комнату, чтобы отдохнуть, а Джесс оказалась избалованной и невоспитанной девчонкой, которой потакают в каждом ее капризе. Зато Джудит стала поистине приятным сюрпризом. Бидди была бы рада такой дочери. Умеет занять себя, в разговоры взрослых не влезает, зато стоит предложить что-нибудь интересное – и она первая откликнется. Да и собой необычайно хороша... или, во всяком случае, будет через несколько лет. Рядом не было ее сверстников, но это ничуть не обескуражило Джудит, и на вечеринках она вела себя очень тактично: старалась помочь, передавая тарелки с орехами и печеньем, отвечала всем, кто с ней заговаривал. Даже Боб не просто исполнял свой долг дяди и хозяина, но искренне привязался к племяннице. Ему нравилось, что она говорит ясно и отчетливо, глядя в глаза собеседнику, и у них сами собой сложились отцовско-дочерние отношения, которых обоим так или иначе не доставало.

Может быть, стоило обзавестись дочерьми? Может, детей должно было быть много? Но у них был один Нед, отправленный в восемь лет в подготовительную школу¹⁰, а потом поступивший в Военно-морской колледж в Дартмуте. Годы летели так быстро; казалось, еще вчера он был ненаглядным малюткой с пухлыми щечками и соломенными волосами, с перепачканными коленками, шершавыми и теплыми маленькими ладошками. Но ему уже шестнадцать, и ростом он почти с отца. Оглянуться не успеешь, как он закончит учиться и пойдет служить на флот. Станет взрослым человеком. Женится. Создаст свою семью. У Бидди разыгралось воображение. Она вздохнула. Ее не привлекала перспектива стать бабушкой. Она еще молода. Она чувствует себя молодой. Необходимо продлить молодость, продлить любой ценой!

Дверь открылась, и в комнату, скрипя, вошел Хоббс с утренней почтой и свежесваренным черным кофе. Он поставил кофейник на буфет, подошел и положил письма на стол. Хотя бы он сделал что-нибудь со своими скрипучими ботинками, подумала Бидди.

– На улице страшный мороз, – начал он словоохотливо, – канавы заледенели. Я посыпал солью ступеньки перед входом.

На это Бидди ответила только: «Спасибо, Хоббс». Стоит вступить с ним в беседу – век не отвяжешься. Разочарованный ее затянувшимся молчанием, он угрюмо пожевал губами, поправил лежащую на столе вилку, дабы оправдать свое присутствие, и наконец нехотя удалился.

Боб продолжал читать газету. Бидди просмотрела почту. От Неда всего-навсего открытка, зато от матери письмо – вероятно, с благодарностью за толстый вязаный плед, который Бидди послала ей на Рождество. Она взяла нож, намереваясь вскрыть конверт. Боб в это время опустил газету, сложил ее и, с какой-то даже резкостью, бросил на стол.

Бидди посмотрела на него:

– Что такое?

– Разоружение. Лига Наций. И мне совсем не по нутру то, что происходит в Германии.

¹⁰ *Приготовительная школа* – частная начальная школа, которая готовит к поступлению в частную привилегированную среднюю школу.

– О господи! – Она терпеть не могла, когда он вот так расстраивался или выражал озабоченность. Сама она читала только приятные известия и торопливо переворачивала страницу, если заголовок предвещал что-нибудь мрачное.

Он взглянул на часы, отодвинул свой громоздкий стул и поднялся – рослый, крепко сбитый мужчина, чья фигура казалась еще внушительнее в темном двубортном форменном пиджаке с золотыми пуговицами. На его чисто выбритом лице с грубоватыми чертами выделялись кустистые брови, густые седые волосы коротко подстрижены, напомажены бальзамом «Королевская яхта» и приглажены парой жестких щеток.

– Удачного дня, – пожелала ему Бидди.

Он окинул взглядом пустой стол:

– А где все?

– Еще не спустились.

– Когда их поезд?

– После обеда, «Ривьера».

– Вряд ли у меня получится. Ты сможешь их подвезти?

– Разумеется.

– Попрощайся с ними за меня. Попрощайся с Джудит.

– Ты будешь по ней скучать.

– Я... – Человек бесстрастный – вернее, привыкший скрывать свои чувства, Боб остановился, подыскивая нужные слова. – Мне не нравится, что она будет предоставлена самой себе.

– Луиза о ней позаботится.

– Ей нужно больше, чем в состоянии дать Луиза.

– Знаю. Я всегда считала, что Данбары – самая что ни на есть унылая и скучнейшая семейка. Но такими уж они уродились. Молли вышла замуж за Данбара и в конце концов стала такой же, как они. Мы вряд ли можем тут что-то изменить.

Он раздумывал над ее словами, глядя на хмурое, темное утро за окном и позвякивая мелочью в кармане брюк.

– Думаю, можно приглашать Джудит к нам время от времени на пару дней. В каникулы. Если это не будет тебе в тягость.

– Ну конечно же нет! Только сомневаюсь, что Молли согласится. Она побоится обидеть золовку. Знаешь, Луиза ведь из нее просто веревки вьет, а Молли все терпит.

– Что ж, твоя сестра и вправду порядочная простофиля. Но все равно попробуй.

– Я поговорю с ней.

Боб подошел и поцеловал ее на прощание:

– Ну, до вечера.

Он никогда не заезжал домой посреди рабочего дня, обедая обычно в офицерской столовой.

– Пока, дорогой.

Он ушел. Бидди осталась одна. Допив кофе, она встала, чтобы налить еще чашку, затем вернулась за стол, чтобы прочесть письмо матери. Написанное крючковатым, неразборчивым почерком, оно выдавало нетвердую руку очень пожилой леди.

Дорогая Бидди!

Сперва хочу поблагодарить тебя за плед. Как раз то, что нужно на холодные вечера, из-за непогоды у меня опять разыгрался ревматизм. Рождество справили тихо и спокойно, в уединенном кругу. Органист схватил грипп, и пришлось его замещать миссис Фелл, а она, как ты знаешь, немного в этом смыслил. Когда папа ехал по Вулсум-роуд, машину сильно занесло... на крыле теперь вмятина, а он ударился лбом о переднее стекло. Кошмарный синяк. Я получила открытку от бедняжки Эдит, ее матери все хуже...

Мама.

Не хватало с утра пораньше такой тоски зеленой! Она отложила письмо и снова принялась за кофе, опустив локти на стол и сомкнув длинные пальцы на теплой чашке. Она подумала о родителях и в который раз подивилась тому, что они оказались способны на невообразимые подвиги страсти и произвели на свет двух дочерей – ее и Молли. Но еще более сверхъестественным казалось то, что обе как-то сумели вырваться из Викариджа, найти себе мужей и навсегда избавиться от мертвящей косности и благородной нищеты, в атмосфере которых были воспитаны.

Ни одна из сестер не была подготовлена к жизни – не поступила в университет, не выучилась на медсестру, даже на машинке печатать не умела. Молли мечтала о сцене, о карьере танцовщицы, балерины. В школе она всегда была гордостью танцевального класса и страстно желала пойти по стопам Ирины Бароновой и Алисии Марковой¹¹. Однако с самого начала ее робкие честолюбивые устремления натолкнулись на родительское неодобрение, денежные проблемы и не высказанное вслух, но твердое убеждение отца, его преподобия Эванса, в том, что взойти на сцену – все равно что пойти на панель. Если бы Молли не пригласили тогда на теннис к Лускомбам, где она познакомилась с Брюсом Данбаром, только что приехавшим из Коломбо в свой первый долгосрочный отпуск и лихорадочно подыскивавшим себе жену, один только Бог ведает, что стало бы с бедняжкой. Осталась бы старой девой, помогала бы маме украшать храм цветами.

Бидди была другой. Она всегда знала, чего хочет, и добивалась этого. С раннего детства она ясно понимала, что если желает обеспечить себе мало-мальски приемлемую жизнь, то сама должна о том позаботиться. Она внимательно приглядывалась к людям и в школе завела дружбу лишь с теми девочками, которые, по ее мнению, могли быть ей полезны в будущем. Лучшей подругой Бидди стала дочка одного высокопоставленного офицера ВМС, которая жила с родителями и братьями в большом доме неподалеку от Дартмута. Обронив несколько намеков, Бидди выудила у хозяев приглашение в гости на выходные. Она жаждала успеха и настойчиво добивалась его. Со стройными ногами, блестящими темными глазами и копной каштановых кудрей, она была очаровательна даже в дешевых, простеньких нарядах. Кроме того, интуиция никогда не подводила ее: она знала, когда быть скромницей, а когда ветреницей, как очаровывать и как флиртовать с мужчинами в летах. Но братья, те самые братья, оказались просто находкой: у них были друзья... и друзья друзей. Круг знакомств Бидди расширился с удивительной быстротой, и вскоре она стала чуть ли не членом этого семейства, проводила у них больше времени, чем у себя дома, и обращала все меньше внимания на увещевания и злобещие предсказания своих обеспокоенных родителей.

Легкомысленный образ жизни создал ей вполне определенную репутацию, но Бидди это не беспокоило. В девятнадцатилетнем возрасте она прославилась тем, что была помолвлена одновременно с двумя младшими лейтенантами и меняла обручальные кольца на руке, когда корабль то одного, то другого приставал к берегу. Но кончились все ее авантюры тем, что в двадцать один год она вышла замуж за Боба Сомервиля, и ей никогда не пришлось пожалеть о своем решении. Ибо Боб стал не только ее мужем и отцом ее ребенка, но и верным другом. Он смотрел сквозь пальцы на многочисленные легкомысленные знакомства и связи жены, но всегда оказывался рядом, когда она нуждалась в нем.

Бидди обожала путешествовать и всегда с радостью срывалась с насиженного места, следуя за мужем, куда бы его ни послали. Два года на Мальте были незабываемым временем, да и все остальное тоже. Да, ей очень повезло, в этом нет никаких сомнений.

¹¹ *Баронова Ирина* (1919–2008) – французская балерина русского происхождения, с 1932 г. выступала в русской балетной труппе Монте-Карло. *Маркова Алисия* – псевдоним английской балерины Лилиан А. Маркс (1910–2004); в 1924–1929 гг. была солисткой труппы «Русский балет» С. Дягилева.

Часы на каминной полке пробили половину девятого, а Молли все еще не было. Бидди уже не так страдала от похмелья и решила, что самое время выкурить первую сигарету. Она направилась к буфету, где лежала серебряная сигаретница, и на обратном пути подхватила оставленную Бобом газету, собираясь просмотреть заголовки. Они не сулили ничего хорошего, и Бидди поняла, почему муж выглядел таким непривычно обеспокоенным. Испания, похоже, неуклонно двигалась к кровавой гражданской войне, герр Гитлер произносил громкие речи насчет ремилитаризации Рейнской области, Муссолини в Италии похвалялся растущей мощью своего средиземноморского флота. Неудивительно, что Боб скрежетал зубами. Он терпеть не мог Муссолини, называл его не иначе как «жирная фашистская свинья» и не сомневался, что достаточно сделать пару залпов с одного из британских линейных кораблей, чтобы сбить с него спесь.

От всего этого становилось как-то не по себе. Бидди выронила газету, стараясь не думать о шестнадцатилетнем Неде, которого, случись что, могли, как служащего ВМС, запросто направить в самое пекло.

Открылась дверь, и в столовую вошла Молли:

– Извини, что я так поздно.

Бидди не оделась к завтраку. На ней был домашний халат, который она надевала каждое утро поверх ночной рубашки. Поэтому появление тщательно одетой Молли с аккуратно взбитыми волосами и скромным утренним макияжем вызвало в душе Бидди прилив раздражения.

– Нисколько не поздно. Да и какая разница! Хорошо выспалась?

– Не очень. Всккивала всю ночь. Бедняжку Джесс мучили кошмары, она все время просыпалась. Ей снилось, что Старуха из того спектакля проникла в комнату и пытается ее поцеловать.

– А-а... Корсет и так далее. Страшнее не придумаешь.

– Она все еще спит, бедная крошка. Джудит тоже еще не спускалась?

– Наверно, собирает вещи.

– А Боб?

– Был да сплыл: работа не ждет, праздничный отпуск кончился. Велел передать тебе привет. Я подброшу вас до поезда. Угощайся – миссис Клиз приготовила сосиски.

Молли подошла к буфету, приподняла крышку кастрюльки и, поколебавшись, опустила ее. Она налила себе кофе и вернулась к столу. Бидди удивленно подняла брови:

– Ты не голодна?

– Нет, не очень. Я, пожалуй, съем гренок.

Молли Данбар была моложава и привлекательна: пышные белокурые волосы, пухлые щечки и ясные глаза, смотревшие с невинным и каким-то смущенным выражением. Она не обладала острым умом, любое высказывание с намеком или подтекстом воспринимала буквально, и до нее всегда медленно доходила соль шуток. Мужчин это умиляло, она казалась такой незащитной, а они чувствовали себя рядом с ней такими сильными. Что касается Бидди, то ее лишь раздражала безыскусная наивность сестры. Однако сейчас она встревожилась: тонкий слой пудры не мог скрыть темные круги под глазами Молли и ее необыкновенную бледность.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, просто у меня нет аппетита. И еще я недоспала. – Она отпила из своей чашки. – Ненавижу, когда приходится вскидывать ночью: чувствуешь себя будто в каком-то другом измерении и все кажется гораздо ужаснее.

– Что именно?

– Ох, я не знаю... Ну, все, что предстоит сделать, когда мы вернемся домой. Купить Джудит школьную одежду, распорядиться обо всем, освободить дом, помочь Филлис найти новое место... А потом ехать в Лондон, садиться на корабль и возвращаться в Коломбо...

Я выкинула все это из головы, пока жила здесь у тебя. Просто не думала об этом. А теперь придется подумать. Плюс ко всему нужно выбраться на несколько дней к родителям.

– Разве это так уж необходимо?

– Да.

– Ты просто святая великомученица! Кстати, я получила от мамы письмо.

– У них все в порядке?

– Какое там! Все плохо... как обычно.

– Я чувствую себя виноватой из-за того, что они остались одни на Рождество.

– А я – нет, – резко ответила Бидди. – Я пригласила их, разумеется. Я каждый год их приглашаю и при этом молюсь, чтобы они отказались. Слава богу, и на этот раз у них нашлись отговорки: папа так занят, дороги занесены снегом, двигатель в машине как-то странно шумит, пошаливает мамин ревматизм... Они несносны. Заплесневели в своей рутине. Что толку пытаться хоть как-то скрасить их унылое существование? У них тогда не останется повода для нытья.

– Что с них взять – старики...

– Нет, они сами сделали себя стариками! А у тебя и так проблем хватает, чтобы еще и о них волноваться.

– Ничего не могу с собой поделать. – Молли смущенно замолчала, а затем с какой-то лихорадочной поспешностью продолжала: – Весь ужас в том, что сейчас, в эту самую секунду, я бы все отдала, только бы не уезжать. Мне невыносима мысль, что Джудит останется одна, что мы будем оторваны друг от друга. Из-за этого я чувствую, будто у меня вообще нигде нет своего места. Знаешь, у меня иногда бывает чрезвычайно странное ощущение... будто я нахожусь в каком-то чистилище, между раем и адом, и сама я – что-то неопределенное, ни то ни се. Это находит на меня всегда неожиданно: едешь на лондонском автобусе... или на лайнере «Пи энд Оу», перегибаешься через перила на корме, смотришь, как пенящийся кильватер уносится в прошлое, и думаешь: зачем я здесь? И где мне предназначено быть? И кто я такая?

Ее голос сорвался. Бидди испугалась, что сестра сейчас разрыдается.

– Молли, дорогая...

– ...И тогда я понимаю, что значит жить между двух миров. А самые страшные мгновения – когда эти миры сходятся, почти соприкасаются друг с другом. Как сейчас. И я чувствую, что не принадлежу ни тому ни другому. Словно я... разодрана на части...

Бидди показалось, что она поняла.

– Если это может тебя утешить, таких, как ты, женщин – тысячи... Например, жены служащих или работающих в колониях – каждая из них находится в таком же безвыходном положении...

– Я знаю. И в этом нет ничего утешительного. Я просто не могу избавиться от этого чувства неопределенности.

– Ты просто переутомилась, не выспалась. Отсюда и твоя подавленность. Это естественно.

– Да. – Молли вздохнула, глотнула еще кофе и поставила чашку. – И все равно я хотела бы, чтобы Брюс работал в Лондоне, или в Бирмингеме, или где-нибудь еще... лишь бы мы жили в Англии и все вместе.

– Уже поздновато мечтать об этом.

– Или пусть бы мы вовсе не женились. И даже никогда не встречались. Пусть бы он нашел себе другую женщину.

– Но ты вряд ли бы нашла другого мужчину, – жестоко оборвала ее Бидди. – Представь себе, что было бы тогда: жизнь в Викаридже вместе с мамой. И без прекрасных дочерей.

– Просто эта мысль о необходимости начинать все сначала, собирать пожитки... И ты больше не принадлежишь самой себе... – Ее голос затих. Несказанные слова повисли в воздухе. Молли опустила глаза, и на ее щеках проступил слабый румянец.

Бидди невольно посочувствовала сестре. Она прекрасно понимала, что стоит за этим бурным и неожиданным излиянием. Все это, на ее взгляд, не имело никакого отношения к предстоящим рутинным сборам в дальнюю дорогу и к неминуемому отъезду, равно как и к прощанию с Джудит. Дело было в Брюсе. Бидди очень жалела его, несмотря на все его занудство. Четырехлетняя разлука не могла пойти на пользу никакому браку, к тому же Бидди сомневалась, что Молли, такая нежная, утонченная и застенчивая, хороша в постели. Как одинокие мужья удовлетворяют свои естественные сексуальные потребности – было недоступно ее пониманию. Но по зрелом размышлении – не настолько уж и недоступно. Самым простым разрешением проблемы для таких пар было бы закрыть глаза на возможную неверность, но... даже Бидди, при всей своей легкомысленности, с детства была обременена свойственными ее поколению предрассудками и потому не позволяла себе заходить слишком далеко в своем воображении. Она старалась просто не думать об этой печальной истории.

Краска сошла с лица Молли. Бидди решила, что настал момент сказать что-нибудь ободряющее. С наигранным оптимизмом она начала:

– Знаешь, я уверена, что все в конце концов образуется. – Но это прозвучало не слишком убедительно. – Я в том смысле, что... я думаю, тебя ждет впереди много ярких впечатлений. Как только ты сядешь на корабль, ты почувствуешь себя совершенно другим человеком. Только подумай о блаженстве, которое тебя ждет: три недели полнейшего безделья – можешь полеживать себе в шезлонге и не думать ни о чем. В Бискайском заливе ты перестанешь страдать от морской болезни, и тогда, может быть, наступит самая восхитительная пора в твоей жизни. Ты вернешься к солнцу, в тропики, в твоём распоряжении будет масса слуг. Встретишься со старыми друзьями. Я почти завидую тебе!

– Да... – Молли выдавила из себя сконфуженную улыбку. – Это правда. Я просто дура. Прости меня. Я знаю: ты считаешь меня дурой.

– Да нет же, глупенькая! Я тебя понимаю. Я помню, как тяжело мне было оставлять Неда, когда мы с Бобом уезжали на Мальту. Но так устроен мир. Нельзя быть и здесь и там одновременно. Главное, ты уверена, что оставляешь Джудит в такой школе, где о ней сумеют позаботиться, где ей будет хорошо. Как, к слову, называется это заведение?

– «Школа Святой Урсулы».

– Тебе понравилась директриса?

– О ней очень хорошо отзываются.

– Понятно. Но тебе она понравилась?

– В общем, да. Хотя сначала я ее боялась. Умные женщины всегда пугают меня до смерти.

– Чувство юмора-то у нее, по крайней мере, имеется?

– Да я с ней шутками не обменивалась.

– Но ты довольна этой школой?

– О да. Даже если бы не надо было ехать на Цейлон, думаю, следовало бы отправить Джудит в «Святую Урсулу». Порткеррисская школа превосходна в плане образования, но там учатся дети из разных слоев... и все вместе. Достаточно сказать, что ее лучшей подругой была дочь бакалейщика.

– Я не вижу в этом ничего плохого.

– Да, но ты же понимаешь, как это бесперспективно... в отношении будущего...

Бидди делано рассмеялась:

– Право, Молли, ты всегда была невозможным снобом!

– Ничего подобного. Просто выбор друзей – это важно.

– Да уж, в отношении правильных друзей ты преуспела.

– На кого ты намекаешь?

– На Луизу.

– Она тебе не нравится?

– Так же, как и я ей. Во всяком случае, я бы не хотела провести Рождество у нее в гостях.

Молли опять взволновалась:

– О Бидди, заклинаю, только не лезь в это дело и оставь свои возражения при себе! Обо всем уже договорено, и я не хочу ничего слышать!

– Никто и не собирается высказывать никаких возражений, – заверила Бидди и тут же принялась закидывать ее возражениями: – Луиза, этот старый сухарь! Зануда со своим вечным гольфом и бриджем! В ней нет ни капли женственности, ни капли естественности, ни капли... – она нахмурила лоб в поисках подходящего слова, – ни капли теплоты!

– Ты ошибаешься, она очень добрая. Она подставила мне плечо, сама предложила позаботиться о Джудит, мне даже просить не пришлось. Это поистине великодушно с ее стороны. И еще она обещала подарить Джудит велосипед, это щедрый подарок, ведь они очень дорогие. А самое главное – на нее можно положиться, так что Джудит будет как за каменной стеной, и я смогу о ней не волноваться.

– А ты не задумывалась о том, что Джудит, возможно, требуется больше, чем «каменные стены»?

– Что, например?

– Свобода для выражения чувств, возможность развиваться в соответствии со своими наклонностями. Ей скоро пятнадцать, это пора поисков, время, когда расправляют крылья. Она захочет найти новых друзей, захочет общения с противоположным полом...

– Ах, Бидди, я так и знала, что ты скажешь о «противоположном поле»! Джудит еще рано думать об этом.

– Молли, может, хватит притворяться глухой и слепой? Ты же была здесь, рядом с ней все эти дни. Она буквально расцвела в этой жизнерадостной атмосфере! Ты не должна отнимать у нее естественные радости жизни. Ты же не хочешь, чтобы она, как мы в свое время, росла в беспросветной обстановке монастыря?

– Мое мнение не имеет значения. Я же сказала, что уже поздно говорить об этом. Она будет у Луизы.

– Так я и знала – тебя ничем не прошибешь!

– Раз знала, так зачем затеяла весь этот разговор?

Бидди захотелось ударить сестру, но она подумала о Джудит и сдержала свое негодование. Вместо этого она решила испробовать другой, более мягкий подход, попытаться убедить сестру короткими и разумными доводами:

– Джудит могла бы навещать нас изредка. Не смотри же на меня с таким ужасом, это вполне реально. На самом деле это предложил Боб. Джудит ему очень понравилась. Для нее это будет приятная смена обстановки, да и Луиза отдохнет без нее.

– Я... Мне нужно посоветоваться с Луизой...

– О Молли, во имя всего святого, есть у тебя своя голова на плечах или нет?!

– Я не хочу огорчать Луизу...

– Потому что Луиза не одобряет моего образа жизни?

– Нет, потому что я не хочу опять все переворачивать вверх дном, менять то, что уже решено... заставлять Джудит разрываться... между вами. Во всяком случае, не сейчас. Пойми, Бидди, умоляю тебя. Может, когда-нибудь в другой раз...

– Другого раза может не быть.

– О чем ты? – встревоженно спросила Молли.

– Почитай, что пишут в газетах. В Германии победил нацизм, а Боб считает, что герру Гитлеру нельзя доверять, не говоря уже об этом жирном борове Муссолини.

– Ты хочешь сказать... – Молли сглотнула, – война?

– Не знаю. Но я считаю, что мы не можем жить так, как будто у нас в запасе целая вечность, потому что завтра мы можем остаться ни с чем... Признайся, ты просто не хочешь, чтобы Джудит приезжала ко мне. Вероятно, ты считаешь, что я плохо на нее влияю. Все эти развеселые вечеринки, молодые лейтенанты... Так ведь?

– Неправда! – Беседа их переросла уже в настоящую перепалку, и обе говорили на повышенных тонах. – Ты же знаешь, что это не так. Наоборот, я очень тебе благодарна. Вы с Бобом были так добры...

– Ради бога, ты говоришь так, словно мы сделали тебе одолжение. Ты просто провела у нас Рождество, и мы вместе отлично повеселились. Вот и все. А ты, между прочим, ведешь себя как тряпка и эгоистка. Ты так похожа на маму – вы обе не можете вынести, когда другим людям хорошо...

– Это неправда!

– Все, не будем об этом! – И Бидди, вне себя от раздражения, схватила со стола «Таймс», резким движением развернула газету и скрылась от сестры за ее листами.

Воцарилось молчание. Молли дрожала от волнения, потрясенная многообразием бед, свалившихся ей на голову. Возможность новой войны, неразбериха и нестабильность в собственной личной жизни, ссора с сестрой. Это несправедливо. Она старается изо всех сил. Она не виновата. Наэлектризованное их эмоциями безмолвие все тянулось и тянулось, и вдруг она почувствовала, что больше не в силах его выносить. Она отогнула с запястья рукав кофты и посмотрела на часы.

– Где же Джудит? – Какое облегчение, что можно подумать о ком-нибудь или о чем-нибудь постороннем и на время забыть все эти неприятности. Она резко отодвинула назад стул, поднялась и, подойдя к двери в холл, распахнула ее, собираясь позвать копушу Джудит. Но... звать не пришлось: Джудит сидела напротив дверей, на нижней ступеньке лестницы.

– Что ты тут делаешь?

– Шнурок завязываю.

Она опустила глаза, избегая взгляда матери, и Молли вся похолодела: не нужно было быть самой проницательной женщиной на свете, чтобы понять, что Джудит давно уже находится здесь, что она спустилась к завтраку и готова была войти в столовую, но ее удержали доносившиеся из-за двери громкие голоса. Таким образом, ее дочь стала невольным свидетелем этой в высшей степени прискорбной размолвки между матерью и тетей.

На выручку смущенной матери пришла Джесс:

– Мамочка-а!

Молли подняла глаза и увидела на лестнице свою младшую дочь, глядящую на нее сквозь балясины перил, в кремовой ночной рубашке, с растрепанными кудрями.

– Мамочка!

– Иду, родная!

– Когда мы будем одеваться?

– Я уже иду! – Молли пересекла холл, остановившись на секунду перед лестницей, сказала Джудит: – Ступай завтракать, – и пошла наверх.

Джудит подождала, пока мать уйдет, затем поднялась со ступеньки и прошла в столовую. Там, на своем обычном месте, сидела тетя Бидди. Они обменялись невеселыми взглядами.

– О господи... – произнесла тетя Бидди. В руках у нее была газета. Она сложила ее и уронила на пол. – Ты меня извини...

– Ничего страшного. – Джудит не привыкла к тому, чтобы взрослые просили у нее прощения.

– Возьми себе сосисок. По-моему, тебе надо подкрепиться.

Джудит была полностью согласна, но покрытые румяной корочкой сосиски были слишком слабым утешением. Она вернулась с тарелкой за стол и уселась на свое привычное место, спиной к окну. Взглянув на еду, она подумала, что вряд ли у нее получится что-нибудь проглотить, по крайней мере сейчас.

– Ты все слышала? – помедлив, спросила тетя Бидди.

– Почти все.

– Это из-за меня. Опростоволосилась я, неподходящий выбрала момент, чтобы приставать к твоей матери со всякими предложениями. Ей сейчас не до того. Я должна была это предвидеть.

– Ты не волнуйся, мне будет хорошо у тети Луизы.

– Конечно. Тетя Луиза прекрасно обеспечит тебя всем необходимым. Просто я думаю, тебе будет там не очень-то весело.

– Мне никогда не было по-настоящему весело со взрослыми. Никогда, до самого этого Рождества.

– Ты хочешь сказать, что нельзя скучать по тому, чего никогда не имел?

– Ну, в общем, да. Но я бы очень хотела приехать к вам опять.

– Я попробую еще. Попозже.

Джудит взяла нож и вилку и разрежала сосиску надвое.

– А что, действительно будет новая война?

– Надеюсь, что нет. Тебе еще рано беспокоиться о таких вещах.

– Но дядя Боб беспокоится?

– Не столько беспокоится, сколько кипит. Он скрипит зубами при одной мысли о том, что мощи Британской империи осмеливаются бросить вызов. Если его хорошенько разозлить, он превращается в настоящего свирепого бульдога.

– Если мне удастся приехать, вы все еще будете жить здесь?

– Не могу сказать. Вероятно, в конце лета нам придется уехать.

– Куда вы поедете?

– Без понятия. Боб хотел бы опять служить на корабле, как раньше. Если так и будет, я, наверно, попробую купить небольшой дом. У нас никогда не было собственного дома, мы все время жили в казенных квартирах. Но неплохо было бы занять наконец свой угол. В Девоне¹², например. Там живут наши друзья. Где-нибудь в Ньютон-Абботе или в Чагфорде, неподалеку от твоих бабушки и дедушки.

– У вас будет собственный дом! – Это была восхитительная перспектива. – Купите дом где-нибудь в деревне. И я смогу приезжать к вам туда.

– Если у тебя будет желание.

– У меня всегда будет желание.

– Знаешь, в твоем возрасте все так быстро меняется, а с другой стороны, бывает, что один год кажется целой жизнью. Я по себе помню... Ты встретишь новых друзей, у тебя появится много разных желаний. Тебе придется делать выбор. Мамы не будет рядом, и ты будешь чувствовать себя немножко сиротливо и одиноко, но в каком-то смысле это даже к лучшему. Когда мне было четырнадцать-пятнадцать, я бы все на свете отдала, чтобы стать самостоятельной, свободной от родительской опеки... По правде сказать, – добавила Бидди не без гордости, – я и так немало добилась, но лишь благодаря тому, что взяла свою судьбу в собственные руки.

– Не так-то это просто взять судьбу в свои руки, когда ты в школе-интернате, – возразила Джудит. Ей казалось, что тетя Бидди старается представить вещи в слишком радужном свете.

– Я думаю, ты должна научиться быть активной и влиять на ход событий; тебе надо научиться выбирать – людей, с которыми хочешь общаться, книги, которые хочешь читать.

¹² Девон – графство Англии, граничит на западе с графством Корнуолл.

Независимость духа – вот, очевидно, самое подходящее для этого слово. – Бидди улыбнулась. – Как сказал Джордж Бернард Шоу, молодые не понимают, что такое молодость. И только когда сама постареешь, начинаешь понимать, что он имел в виду.

– Ты не старая.

– Возможно. Но уже далеко не девочка.

Джудит задумчиво жевала, размышляя над тетинными советами.

– Чего я действительно терпеть не могу, – выговорила она наконец, – так это когда со мной обращаются, как с Джесс. Мама никогда не спрашивает моего мнения, она просто говорит мне: так-то и так-то. Если б я не слышала, как вы тут спорили, я бы так никогда и не узнала, что ты приглашала меня к себе. Она ничего бы мне не сказала.

– Я знаю. И понимаю тебя – это обидно. Но пойми, сейчас твоей матери предстоит серьезный жизненный переворот, и не суди ее строго... Между нами говоря, у меня такое ощущение, что она и шагу не смеет ступить без Луизы.

– Это верно, – согласилась Джудит.

– А ты?

– Я тетю Луизу нисколько не боюсь.

– Ты умница.

– Знаешь, тетя Бидди, мне и вправду так хорошо было у вас. Никогда этого не забуду.

Бидди была тронута.

– И мы очень рады, что ты провела это Рождество с нами. В особенности Боб. Он просил передать тебе привет. Жалел, что не сможет вас проводить. Ну... – Она отодвинула свой стул и поднялась. – Я слышу, твоя мама и Джесс уже спускаются сюда. Наш разговор пусть останется между нами. И помни: главное – не унывать, не падать духом. Ладно, мне надо идти одеваться...

Но не успела она подойти к двери, как Молли и Джесс вошли в комнату. На девочке был надет комбинезончик и белые носочки, ее шелковистые локоны аккуратно причесаны. Бидди остановилась, чтобы беззаботно чмокнуть сестру в щеку, и, бросив: «Не беспокойся ни о чем», – вышла в холл и поспешила в свою спальню.

Итак, выяснение отношений было отложено до более подходящего момента, и все пошло своим чередом. Конфликт между мамой и тетей удалось сгладить, напряженную обстановку – разрядить, и Джудит чувствовала такое облегчение, только уже стоя на ветренном перроне в ожидании «Ривьеры», которая должна была доставить их обратно в Корнуолл, она с грустью вспомнила, что дядя Боб не придет их провожать.

Так ужасно было уехать, не попрощавшись с ним. Что ж, она сама виновата – запоздала к завтраку. Но что же он не подождал еще чуть-чуть, каких-нибудь пять минут, – тогда они попрощались бы как следует! Ей так хотелось сказать ему спасибо за все, а в письмах слова благодарности всегда звучат как-то не так.

Особенно Джудит понравилось возиться с его граммофоном.

Хотя ее мать и мечтала в детстве о сцене и балете, ни она, ни отец не увлекались музыкой. Часы, проведенные вместе с дядей Бобом у него в кабинете, разбудили восприятие Джудит, открыли ей такие чувства, о существовании которых она даже не подозревала. Дядя Боб собрал обширную и пеструю коллекцию музыкальных записей, и, хотя Джудит особенно понравились вещи Гилберта – Салливана¹³ с их остроумными текстами и запоминающимися мелодиями, она открыла для себя и другие произведения. Одни из них воодушевляли ее, другие же – арии из «Богемы» Пуччини, рахманиновский концерт для фортепьяно, «Ромео и Джульетта» Чай-

¹³ Салливан Артур (1842–1900) – английский композитор; Гилберт Уильям (1836–1911) – английский драматург. Создали в соавторстве ряд популярных оперетт.

ковского – навевали такую нестерпимую грусть, что она насилу сдерживала подступавшие к глазам слезы. А «Шехеразада» Римского-Корсакова с соло на скрипке, от которого мурашки пробегали по коже!.. Слушали они и «Полет шмеля» – еще одну вещь того же композитора, которого дядя Боб шутя назвал Корский-Римсаков. Джудит и не подозревала, что со взрослым человеком может быть так весело и интересно. Теперь она мечтала обзавестись своим собственным граммофоном, покупать пластинки, собирать, как дядя Боб, свою коллекцию записей – тогда она сможет когда угодно слушать музыку и переноситься, словно по мановению волшебной палочки, в этот удивительный, неведомый ей доселе мир. Нужно сегодня же начать откладывать на это деньги.

От холода у Джудит заоченели ноги. Стараясь разогнать застывшую кровь, она принялась топтаться на месте, месить ногами слякоть на платформе. Мама и тетя Бидди в ожидании поезда обменивались незначительными репликами – у них, похоже, не осталось серьезных тем для разговора. Джесс сидела на краю багажной тележки и раскачивала в воздухе полными ножками в белых теплых рейтузах. Она прижимала к груди своего Голли – черномазую матерчатую куклу-уродца с выпученными глазами и спутанными волосами, которую всегда брала с собой в постель. Джудит затасканная кукла казалась грязной-прегрязной, на ней наверняка полно микробов.

А потом вдруг произошло счастливое событие. Тетя Бидди остановилась на полуслове, глядя куда-то за мамину спину, и произнесла совсем другим тоном:

– Ой, смотрите-ка, Боб!

Сердце встрепенулось в груди у Джудит. Она резко развернулась, забыв про онемевшие ноги. И это действительно был он, его ни с кем невозможно спутать, – в короткой зимней шинели и офицерской фуражке, лихо сдвинутой набок, на одну из щетинистых бровей, и с широкой улыбкой, озаряющей угловатые черты. Джудит уже не чувствовала холода. Она встала как вкопанная, хотя ей стоило громадных усилий удержаться и не кинуться дяде навстречу.

– Боб! Ты как сюда попал?

– Выдалось несколько свободных минут, решил забежать и посадить наших дорогих гостей на поезд. – Он посмотрел на Джудит. – Я не мог позволить тебе уехать, не попрощавшись по-настоящему.

Она лучезарно улыбнулась ему в ответ:

– Как хорошо, что ты пришел! Я так хотела поблагодарить тебя за все. Особенно за часы.

– Не забывай их заводить.

– Постараюсь. – Она ничего не могла поделать со своим сияющим от радости лицом.

Дядя Боб замер, к чему-то прислушиваясь.

– По-моему, поезд уже на подходе.

И в самом деле послышался какой-то звук – загудели рельсы, и Джудит увидела, как вдали, где кончался перрон, из-за поворота железной дороги показался огромный черно-зеленый паровоз, поблескивающий надраенной латунью и извергающий клубы дыма. Он медленно пополз вдоль платформы, и его величавое приближение вызывало у всех почти благоговейный трепет. Машинист с черным от копоти лицом высунулся, приоткрыв дверцу, наружу, и перед глазами Джудит мелькнуло полыхающее в топке пламя. Массивные, похожие на руки великана поршни вращались все медленнее и медленнее, наконец железный монстр зашипел, выпуская пар, и встал на месте. Как всегда, он не опоздал ни на секунду.

На перроне началась суета. Распахнулись двери вагонов, оттуда повалили пассажиры, вытаскивая свой багаж. Отъезжающие оживленно готовились к посадке. Носильщик занес чемоданы в тамбур и отправился искать их места. Дядя Боб последовал за ним, чтобы убедиться, что все в порядке. Слегка запаниковав, Молли подхватила на руки Джесс и торопливо вскочила в поезд, уже сверху она наклонилась, чтобы поцеловать на прощание сестру.

– Вы были так добры. Мы чудесно провели Рождество. Помаши ручкой тете Бидди, Джесс.

Джесс, по-прежнему не расставаясь со своим Голли, взмахнула ладошкой в белой меховой рукавице.

Тетя Бидди повернулась к Джудит:

– До свидания, милая моя девочка. Ты была просто молодчинка. – Она нагнулась и поцеловала Джудит. – Не забывай, я всегда тут. Мой телефон записан у твоей мамы.

– До свидания. И огромное спасибо.

– Смотри не мешкай, как бы поезд не ушел без тебя. – Она закричала ей вдогонку: – Поторопи там дядю Боба, а то придется вам взять его с собой. – На какое-то мгновение Бидди еще сохраняла серьезный вид, но теперь снова засмеялась.

Улыбаясь, Джудит помахала ей на прощание и исчезла в коридоре.

В их купе находился только один пассажир – молодой человек, который спокойно сидел, склонившись над раскрытой книгой, пока носильщик распахивал их вещи по полкам у него над головой. Когда весь багаж был уложен, дядя Боб выдал носильщику чаевые и отпустил его.

– Иди, – попросила его Джудит, – а то поезд тронется, а ты останешься.

Он улыбнулся, глядя на нее:

– Пока еще такого со мной не бывало. До встречи, Джудит. Они пожали друг другу руки, а когда она отпустила его руку, в ладошке у нее лежала десятишиллинговая купюра. Целых десять шиллингов!

– Ой, дядя Боб, спасибо...

– Распорядись ими с умом.

– Обещаю. До встречи.

Он вышел. Мгновение спустя они с тетей Бидди снова показались на платформе, под окном их купе.

«Приятного путешествия!»

Поезд тронулся.

«Счастливого добратья!»

Состав стал набирать скорость.

«До свидания!»

Платформа и вокзал за окном поплыли назад и вскоре исчезли из виду. Вместе с дядей Бобом и тетей Бидди. Все закончилось, они возвращались домой.

Еще несколько минут семейство устраивалось на своих местах. Молодой человек, их попутчик, сидел у двери, так что они заняли места у окна. Отопление работало на полную мощность, и было очень тепло. Девочки сбросили с себя перчатки, пальто и шапки, а Молли осталась в шляпке. Джесс посадили к окну, и, встав коленями на грубый ворс плюшевой обивки, она уткнулась носом в закопченное стекло. Джудит сидела напротив. Молли, сложив все пальто и разместив их на багажной полке, вынула из своего несессера альбом и цветные карандаши для Джесс, потом со вздохом облегчения опустилась рядом с ней. Она закрыла глаза, но через какое-то время опять их открыла и принялась обмахиваться рукой.

– Господи, ну и жарко! – сказала она.

– По-моему, то, что надо, – отозвалась Джудит, чьи заледеневшие ноги еще даже не начали отходить.

Но ее мать не собиралась отступать.

– Однако... – Теперь она обращалась к молодому человеку, чье уединение они так бесцеремонно нарушили. Он оторвался от чтения, и онапустила в ход обезоруживающую улыбку. – Вы не стали бы возражать против того, чтобы немножко сбавить отопление? Или даже чуточку приоткрыть окно?

– Нисколько. – Он отложил свою книгу и встал. – Что лучше, как вы считаете? Или сделаем и то, и другое?

– Нет, я думаю, достаточно будет капельки свежего воздуха.

– Хорошо.

Он подошел к окну. Джудит поджала ноги, чтобы дать ему пройти. Он потянул за тугую кожаную ручку и опустил окно на дюйм, зафиксировав его в этом положении.

– Так достаточно?

– Отлично.

– Однако я беспокоюсь, как бы вашей девочке не попала в глаза сажа.

– Надеюсь, этого не случится.

Он вернулся на свое место и снова взял книгу. Прислушиваться к чужим разговорам, наблюдать за незнакомыми людьми, пытаться угадать, кто они и как живут, было из числа любимых занятий Джудит. Мама называла это «глазеть». «Джудит, перестань глазеть».

Но сейчас Молли была погружена в свой журнал, так что ничто не могло помешать девочке немножко «поглазеть».

Тайком она принялась изучать незнакомца. Фолиант его не сулил на вид ничего занимательного, и она не могла понять, почему он так поглощен чтением; широкоплечий и плотно сложенный, этот человек не производил впечатления ученого мужа, какого-нибудь книжного червя. Здоровяк и силач, решила для себя Джудит. На нем были вельветовые брюки, твидовый пиджак и толстый серый свитер с высоким воротом, а на шею накинута длинный полосатый шерстяной шарф. У него были неопределенного оттенка волосы, ни светлые, ни каштановые, и довольно неухоженные. Она не могла определить цвет его глаз, поскольку в данный момент мужчина был погружен в чтение. У него были тяжелые очки в роговой оправе, а подбородок прямо посередине делился надвое глубокой выемкой, слишком мужественной, чтобы назвать ее ямочкой. Джудит задумалась о его возрасте и дала ему лет двадцать пять. Но не исключено, что она ошибается. Она не могла похвастаться большим опытом общения с молодыми людьми, поэтому трудно было сказать наверняка.

Она снова повернулась к окну. С минуты на минуту они будут проезжать по мосту через реку Теймар, соединяющему города Плимут и Салташ; к тому же она не хотела пропустить еще одно великолепное зрелище – военные корабли, стоящие на якоре в гавани.

У Джесс было другое на уме. Ей уже наскучило глядеть в окно, и она стала выискивать новое развлечение. Поерзала коленями на месте, потом сползла на пол и опять вскарабкалась на сиденье. Прodelывая эту операцию, она преbольно ударила своим ботинком по голени Джудит.

– Ой, Джесс! Сиди смирно!

В отместку за это замечание Джесс запустила в сестру своим Голли. Джудит ничего не стоило взять да выкинуть мерзкую куклу наружу через щель наверху окна – и та исчезла бы навсегда, – но вместо этого она подняла ее и швырнула назад в Джесс. Кукла попала той в лицо, и она заревела.

– О, Джудит!.. – с укоризной произнесла мать, посадив младшую дочь себе на колени. Когда рыдания стихли, она обратилась к молодому человеку с извинениями. – Простите, мы тут шумим и вас беспокоим.

Он поднял глаза от страницы и улыбнулся. Обворожительная улыбка обнажила ровные и белые, как будто из рекламы зубной пасты, зубы и, озарив ничем не примечательные черты их спутника, совершенно преобразила его лицо. Теперь перед ними был почти красавец.

– Ничего страшного, – заверил он.

– Вы едете из Лондона?

У Молли явно было настроение поговорить. Молодой человек, похоже, это понял, потому что он тут же закрыл и положил свою книгу.

– Да.

– Ездили в гости на Рождество?

– Нет, я работал в Рождество и в Новый год. А сейчас как раз еду отдыхать.

– Боже мой, какой кошмар! Могу себе представить – работать в Рождество! И чем же вы занимаетесь?

Джудит подумала, что ее мать довольно бесцеремонно расспрашивает незнакомца, но тот, кажется, не имел ничего против.

– Я врач-стажер при больнице Святого Томаса.

– Ах, так вы врач...

– Совершенно верно.

У Джудит чуть было не сорвалось с языка: «Вы так молодо выглядите, а уже врач»; хорошо, что она вовремя одумалась, а не то бы эта фраза ужасно всех сконфузила. Теперь стало понятно, что за внушительный, громоздкий том был у него в руках. Вероятно, он читал описание какой-нибудь неведомой болезни.

– Не слишком-то весело вы отметили Рождество.

– Напротив. Рождество в больнице – большая потеха. Разукрашенные палаты, медсестры, поющие хором рождественские гимны...

– А теперь вы едете домой?

– Да, в Труро. Там живут мои родители.

– А мы дальше, почти до самого конца маршрута. Мы были в гостях у моей сестры и ее мужа. Он моряк, капитан, сейчас заведует Военно-морским техническим колледжем. – В словах матери звучали хвастливые нотки, и Джудит, желая перевести разговор в другое русло, показала в окно:

– А вот и салташский мост.

Как ни странно, перспектива увидеть мост произвела на молодого человека не меньшее впечатление, чем на нее.

– Я бы хотел посмотреть. – Он поднялся, подошел и встал возле нее, опершись рукой на край приоткрытого окна. А потом улыбнулся ей, и она увидела, что глаза у него в крапинку, частью карие, а отчасти зеленые, точно пятнистая форель. – Нельзя ведь упустить такое необыкновенное зрелище.

Поезд замедлил ход. Мимо проносились с грохотом железные балки моста, а далеко внизу серебрились холодные зимние воды речного устья, покрытого целой флотилией глянцево-серых крейсеров, эсминцев, неповоротливых баркасов, маленьких резвых катеров и корабельных шлюпок, все под белыми флагами британского военно-морского флота.

– Этот мост... есть в нем что-то особенное, – сказала она.

– Потому что он переносит нас из Девона в Корнуолл?

– Не только поэтому.

– Потому что этот шедевр воздвиг Брюнель?..

– Извините?..

– Брюнель. Он спроектировал этот мост по заказу «Грейт Уэстерн рейлвей», где служил главным инженером-конструктором. В те времена это сооружение было настоящей сенсацией. Да и сейчас выглядит очень впечатляюще.

Они погрузились в молчание. Молодой человек стоял у окна до тех пор, пока поезд не миновал мост и не въехал в Салташ на корнуолльском берегу Теймара, и только тогда вернулся на свое место и опять взялся за книгу.

Через минуту-другую к ним зашел служащий из вагона-ресторана и сообщил, что чай готов. Молли спросила у молодого врача, не желает ли он присоединиться к ним, но он вежливо отказался. Оставив его в купе, они отправились по тряским, гремящим коридорам в вагон-ресторан, где их усадили за покрытый белой льняной скатертью столик, на котором уже кра-

совалась чайная посуда из белого фарфора. Маленькие светильники с розовыми абажурами были зажжены, и свет их на фоне сгущавшегося в сумерки холодного зимнего дня за окном создавал ощущение уюта и изысканности. Затем к ним подошел официант, неся чай в фарфоровом чайнике, маленький молочник, кувшин с кипятком и сахарницу. Не успела Молли и глазом моргнуть, как Джесс сунула в рот три кусочка рафинада. Другой официант принес им бутерброды, горячие, намазанные маслом булочки, нарезанный кекс с изюмом и цукатами и завернутое в фольгу шоколадное печенье.

Молли наполнила всем чашки, и Джудит стала запивать крепким горячим чаем булочки. Вглядываясь в сгущающийся вечерний сумрак, она подумала о том, что день, если разобраться, прошел не так уж скверно. Начался он немного грустно – когда она проснулась утром и подумала о том, что праздники кончились, – а во время завтрака, когда мама и тетя Бидди поссорились, уже решила про себя, что это катастрофа, что все непоправимо испорчено. Впрочем, мама и тетя Бидди, похоже, перестали сердиться друг на друга, и из этого Джудит сделала утешительный вывод о том, что тетя Бидди и дядя Боб в самом деле любят ее и хотят, чтобы она приехала к ним еще, несмотря на то что мама и тетя Луиза вряд ли ее отпустят. Тетя Бидди отнеслась к ней с особенной добротой и пониманием, говорила с ней как со взрослой и дала мудрые советы, которые Джудит никогда не забудет. А еще очень здорово было, что дядя Боб неожиданно-негаданно появился на вокзале, что он все-таки пришел проститься и проводить их, а ей подарил напоследок десять шиллингов – первый вклад на будущий граммофон. И наконец, беседа с молодым врачом в купе. Жалко, что он отказался выпить с ними чаю; хотя, может быть, им уже не о чем было бы разговаривать. И все же он очень милый. И держится так спокойно и естественно. Пока они ехали через салташский мост, он стоял совсем близко к Джудит, и она ощущала приятный твидовый запах его пиджака, а конец его длинного шарфа лег ей на колено. Он сказал: Брюнель. Этот мост построил Брюнель. Ей пришлось в голову, что неплохо было бы иметь такого вот, как он, старшего брата.

Съев еще булочку, Джудит взяла бутерброд с паштетом из лососины и вообразила, что она совсем одна, без мамы и Джесс, катит через всю Европу в «Восточном экспрессе», везя в своем китайском плетеном чемоданчике важные государственные тайны, и впереди ее ждут небывалые, захватывающие приключения.

Вскоре после того как они вернулись в купе, поезд подошел к Труро, их спутник убрал свою книгу в сумку на молнии, замотал шарф вокруг шеи и распрощался. Глядя в окно, Джудит наблюдала, как он вышел из вагона и слился с людским потоком на оживленной, освещенной светом фонарей платформе.

Потом было скучновато, но ехать оставалось недолго, да и непоседливая Джесс уснула. На станции, где они делали пересадку, Джудит нашла носильщика, чтобы управиться с тяжелыми чемоданами. Сама она понесла сумки, которые были полегче, а мама – спящую Джесс. Когда они проходили по мосту, ведущему на другую платформу, к поезду на Порткеррис, с моря дул холодный ветер, но Джудит почувствовала, что в Плимуте было холодно как-то по-другому, словно, проделав такое краткое путешествие, они очутились в какой-то другой стране. Не было уже резкого мороза, ночной воздух был мягок, влажен и напоен соленым морским ароматом, землистым запахом пашни и сосновой хвои.

Они дружно залезли в вагон маленького поезда, и тот вскоре неспешно отправился в путь. Тум-ту-дум – выстукивали колеса. Не то что на большом лондонском экспрессе, совсем другой звук. Пять минут спустя они уже сходили на остановке в Пенмарроне, и мистер Джексон встречал их на платформе с фонарем в руках.

– Помочь вам с багажом, миссис Данбар?

– Нет, я думаю, мы захватим с собой только несколько сумок, а самое тяжелое оставим здесь. Только на эту ночь. А утром носильщик мог бы привезти остальной багаж на тележке.

– Здесь ваши вещи будут в сохранности.

Они прошли через зал ожидания, потом по темной грунтовой дороге, вошли в ворота и стали подниматься через тенистый сад к дому. Нести Джесс на руках было нелегко, и Молли то и дело останавливалась, чтобы перевести дух, пока они добрались до верхней террасы сада и увидели свет горящего фонаря над крыльцом. А выйдя на самый верх взбирающейся по склону тропинки, заметили, что внутренняя застекленная дверь отворилась и навстречу им вышла Филлис.

– Смотрите, кто к нам явился! Нежданно-негаданно, точно банда ночных разбойников! – Она заспешила вниз по ступенькам.

– Дайте-ка мне девочку, мадам. Вы, наверно, совершенно выбились из сил. Вы что, думаете подниматься с ней по ступенькам? По-моему, она потяжелела, пока гостила в Плимуте. – Громкая болтовня Филлис разбудила Джесс. Она сонно заморгала, еще не понимая, где находится. – Признаться, Джесс, сколько рождественского пудинга ты съела? Ну давайте же входите скорей в дом, в тепло. Я нагрела воды для ванны, в гостиной вас ждет не дождется славный жаркий камин, а на ужин я сварила курицу.

Молли подумала, что Филлис в самом деле настоящий клад и без нее им никогда не будет так хорошо и уютно. Выслушав сжатый рассказ о том, как прошло Рождество, и в свою очередь угостив их ворохом свежих деревенских сплетен, Филлис подхватила Джесс и отправилась наверх – искупать ее, покормить теплым хлебом с молоком и уложить в постель. Джудит со своим плетеным чемоданчиком в руке пошла за ней следом, тараторя без умолку: «А дядя Боб подарил мне часы, они в таком кожаном футляре... Я тебе потом покажу, Филлис...»

Молли следила, как они поднимаются. Освободившись наконец от забот о маленькой дочке, она внезапно почувствовала себя совершенно разбитой. Она сняла с себя шубу, небрежно бросила ее на перила, взяла стопку писем, лежавшую на столе в холле, и пошла в гостиную. В камине ярко пылал огонь, она постояла перед ним минутку, грея руки и разминая затекшие плечи и шею. Потом села в кресло и просмотрела почту. Там было письмо от Брюса, но она решила прочесть его позже. Сейчас ей хотелось только одного – посидеть в тишине и спокойствии, в тепле, греясь у камина, и собраться с мыслями.

Сегодня был просто убийственный день, и ужасная ссора с Бидди, после бессонной ночи, чуть не доконала ее. «Не беспокойся ни о чем», – сказала сестра и поцеловала ее, как будто уже не держала на нее зла. Но перед самым обедом, пока они сидели вдвоем, потягивая херес и ожидая, когда Хоббс позвонит в звонок, приглашая их к столу, Бидди снова завелась.

Она принялась «обрабатывать» Молли очень мягко, почти благодушно, но за этими доброжелательными увещеваниями скрывались раздражение и упорная, твердая решимость настоять на своем, взять над сестрой верх.

– Пожалуйста, не забывай того, что я тебе сказала. Я же ради твоего блага стараюсь и ради того, чтобы Джудит было хорошо. Ты не можешь оставить ее на целых четыре года абсолютно не подготовленной ко всем трудностям, с которыми сталкиваются дети в этом возрасте. Я помню, для меня четырнадцать лет – это было прескверное время, я постоянно чувствовала себя одиноко и не в своей тарелке...

– Бидди, с чего это ты решила, что она абсолютно не подготовлена?

Бидди закурила свою неизменную сигарету. Выпустила дым.

– У нее уже начались месячные?

Молли смутилась, но постаралась не обнаружить своего замешательства.

– Да, конечно. Полгода назад.

– Что ж, хорошо. А как насчет ее одежды? Ей, безусловно, захочется носить не что попало, а красивые вещи, и Луиза вряд ли сможет ей в этом помочь. У Джудит будут личные деньги на одежду?

– Да, я выделила для этого отдельную сумму.

– То платье, в котором она была вчера... Оно, конечно, очень миленькое, но выглядит как-то слишком уж по-детски. И еще – ты мне сказала, что она хочет книгу Артура Рэнсома в подарок на Рождество, я ее и купила...

– Но она любит Артура Рэнсома!

– Понимаю, но ей уже пора читать взрослые книги, во всяком случае начинать знакомство с ними. Поэтому я в сочельник забежала в магазин и купила «Джейн Эйр». Стоит ей начать этот роман, и она уже не сможет от него оторваться. Может статься, она безумно влюбится в мистера Рочестера¹⁴, как влюбляются в него все девочки-подростки. – Бидди посмотрела на сестру дразнящим, вызывающе-насмешливым взглядом, ее глаза заблестели. – Хотя, возможно, ты и не была в него влюблена? Может быть, ты берегла свое сердце для Брюса?

Молли поняла, что над ней насмеются, но решила, что не позволит сестре вывести ее из себя.

– Это мое личное дело.

– И вот в один прекрасный день ты увидела его, и сердце екнуло у тебя в груди...

Молли не смогла удержаться от смеха, но приняла близко к сердцу разнос, который устроила ей сестра. Досаднее всего было то, что критика, справедливость которой Молли прекрасно понимала, прозвучала слишком поздно, когда уже ничего нельзя было изменить, – Молли любила оставлять все «на потом», тянуть до самого последнего момента, и теперь перед ней грозно маячила гора бесчисленных срочных дел.

Она широко зевнула. Часы на каминной полке пробили шесть. Пора идти наверх, принять ванну и переодеться к ужину – ежедневный вечерний ритуал. Молли каждый раз переодевалась к столу, как делала всю свою замужнюю жизнь, несмотря на то что последние четыре года компанию ей составляла одна только Джудит. Это была одна из тех мелких условностей, на которых держалась вся ее одинокая жизнь и которые вносили в унылое повседневное существование систему и порядок. А вот Бидди на ее месте накинула бы после ванны свой халатик или, хуже того, жалкий древний пеньюар, сунула ноги в домашние тапочки и велела бы Филлис подать ужин на подносе в гостиную.

А что, если побаловать себя стаканом виски с содовой? Дома по вечерам Молли медленно, растягивая удовольствие, выпивала одну-единственную рюмку хереса, но, пока они жили у Бидди, она совершенно распоясалась и осушала по стаканчику виски не хуже других, например после пикника на открытом воздухе в холодную погоду или после того неудачного, плачевно закончившегося похода на детский спектакль. Сама мысль о виски сейчас, когда она так вымоталась, была невероятно соблазнительной. В течение нескольких секунд она размышляла, выпить или не стоит, и, хотя пришлось бы плестись в столовую за виски, сифоном и чистым стаканом, решила в конце концов, что виски сейчас будет для нее лучшим лекарством. Она выпьет только один стаканчик, так что можно налить покрепче. Вернувшись к огню и поудобнее устроившись в кресле, она сделала большой, восхитительный глоток, согревающий и успокаивающий, поставила тяжелый стакан и протянула руку к письму мужа.

Пока Филлис возилась с Джесс, Джудит стала заново устраиваться в своей долго пустовавшей спальне. Первым делом достала из дорожной сумки ночное белье и гигиенические принадлежности, затем принялась распаковывать чемоданчик с подарками. Она разложила их на своем письменном столе, чтобы Филлис, как только уложит Джесс и придет к ней, сразу увидела всю ее рождественскую добычу и можно было рассказать ей, от кого какая вещь получена. Десять шиллингов, которые подарил дядя Боб, Джудит спрятала в выдвижной ящик стола, который запирался маленьким ключиком, а новые часы поставила на ночной столик. Когда

¹⁴ Рочестер – персонаж из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Филлис просунула голову в приоткрытую дверь, Джудит сидела за столом и подписывала своим именем новый дневник.

– Ну вот, – сообщила Филлис, – Джесс в кровати, рассматривает картинки в своей книжке. Минут через десять уже будет видеть сладкие сны.

Она вошла в комнату и плюхнулась задом на постель, которую Джудит успела разобрать на ночь, после того как задернула шторы.

– Ну, давай показывай, что тебе подарили.

– Твой подарок – самый лучший, Филлис, большое тебе спасибо!

– По крайней мере, тебе не надо будет каждый раз спрашивать у меня ножницы. Только спрячь их подальше от Джесс... И спасибо за эти душистые соли для ванн. «Вечер в Париже» мне понравился больше, чем «Калифорнийский мак». Я его попробовала вчера вечером, когда принимала ванну. Ощущаешь себя просто кинозвездой какой-то... Теперь давай посмотрим все как следует...

На осмотр подарков ушло немало времени: простодушная и щедрая на похвалы Филлис подолгу и внимательно рассматривала каждую вещь и бурно выражала восторг.

– Вот так книжища! – восклицала она. – Тебе ее не один месяц читать, настоящая взрослая книга. А этот джемпер, ты только потрогай – какой мягкий! А вот и твой дневник... в кожаной обложке. В нем ты будешь хранить свои тайны.

– Дневник – это было так неожиданно, ведь тетя Луиза уже пообещала мне велосипед. Я никак не ожидала от нее двух подарков. Она такая добрая.

– И часы мне очень нравятся. Теперь только попробуй опоздать к завтраку! А что подарил тебе папа?

– Я просила шкатулку из кедрового дерева с китайским замком, но посылка от папы еще не пришла.

– Придет, никуда не денется. – Откинувшись назад на кровати, Филлис, стораю от любопытства, потребовала: – Теперь расскажи, как все было.

И Джудит стала рассказывать: о доме тети Бидди («Там был собачий холод, я никогда не бывала в таком ледяном доме, но в гостиной всегда горел камин, и вообще было так весело, что я забывала про холод»), о спектакле, о катании на коньках, о дяде Бобе и его граммофоне, печатной машинке и интересных фотографиях, о вечеринках и рождественской елке, о праздничном обеде, когда в середине стола была поставлена огромная ваза с ветками остролиста и розами, о красных и золотистых хлопушках и маленьких серебряных подносах с шоколадными конфетами.

– Ух-х... – вздохнула Филлис с завистью. – Звучит потрясающе.

Джудит почувствовала себя немножко виноватой перед Филлис: она знала, что у той Рождество было далеко не таким красочным. Ее отец работал на оловянных рудниках, что в стороне от дороги на Сент-Джаст, а мать – женщину с необъятным бюстом и таким же большим сердцем – редко когда видели без передника и без ребенка на руках. В семье было пятеро детей, Филлис – самая старшая, и для Джудит было загадкой, как все они умещаются в своем крохотном каменном домишке, одном из множества таких же убогих стандартных домиков, соединенных общими боковыми стенами. Как-то раз она пошла с Филлис в Сент-Джаст на праздничное открытие охотничьего сезона, после чего они забежали к ним домой на чашку чая. Всемером сели пить крепкий чай с шафранными кексами, скучившись за кухонным столом, в то время как отец семейства сидел отдельно, у плиты, положив вытянутые ноги в ботинках на ее блестящую медную решетку.

– А как у тебя прошло Рождество, Филлис?

– Да так, ничего особенного. Маме нездоровилось, – наверно, у нее был грипп, так что мне пришлось почти все делать самой.

– Жалко... Она уже поправилась?

- Уже на ногах, но все еще кашляет.
- А что тебе подарили?
- Мама – блузку, а Сирил – набор носовых платков.

Сирил Эдди, тоже из горняков, ухаживал за Филлис. Они ходили в одну и ту же школу и с тех самых пор стали встречаться. Они не были помолвлены в точном смысле слова, однако Филлис уже заранее заготавливала запас пеленок, складывая их в нижний ящик комода. Виделись они редко: до Сент-Джаста путь неблизкий, а Сирил работал посменно. Когда же им удавалось свидеться, они садились на велосипеды и отправлялись вместе на прогулку или сидели в обнимку на заднем ряду в порткеррисском кинотеатре. Фотография Сирила стояла на комод в спальне у Филлис. До писаного красавца ему было далеко, хотя Филлис уверяла, что у него красивые брови.

- А ты ему что подарила?
- Ошейник для его гончей. Он остался доволен. – На лице у Филлис появилась лукавая ухмылка. – А ты не завела там, у тети, знакомства с какими-нибудь приятными молодыми людьми?

- Да что ты, Филлис, нет конечно!
- Чего ты так всполошилась? В этом нет ничего такого...

– Почти все друзья тети Бидди взрослые. Только накануне нашего отъезда, после ужина, заскочили пропустить по стаканчику двое молоденьких лейтенантов. Но было уже очень поздно, и скоро я пошла спать, поэтому мне не удалось как следует с ними поговорить... Вообще-то, – добавила Джудит, решившись быть во всем откровенной, – они и так прекрасно проводили время, их развлекала тетя Бидди, а на меня они почти и не глядели.

– Это ничего. Ты сейчас в таком возрасте, в переходном... А пройдет пара лет, станешь взрослой девушкой, и парни будут кружить возле тебя, как пчелы вокруг горшочка с медом. Без внимания не останешься. – Филлис заулыбалась. – Тебе уже нравился кто-нибудь из молодых людей?

- Я же говорю – я ни с кем толком и не знакома. Разве что... – Джудит запнулась.
- Ну же, скажи своей Филлис.
- Когда мы возвращались из Плимута, в купе с нами ехал один молодой человек. Он уже врач, но на вид совсем молодой. Мама с ним разговорилась, а мне он сказал, что мост в Салташе построил человек по имени Брюнель. Он очень милый. Я бы хотела с таким познакомиться.
- Может, и познакомишься.
- Во всяком случае, не в «Святой Урсуле», это уж точно.
- Ты же едешь туда не для того, чтобы знакомиться с молодыми людьми, а чтобы получить образование. Мне вот пришлось бросить школу, когда я была еще младше, чем ты сейчас, пойти в прислуги, и все, что я умею теперь, – это читать, писать да считать. А ты через несколько лет сдашь экзамены и будешь ученой.

– Наверно, из-за болезни твоей мамы и всех забот у тебя не было времени, чтобы поискать себе другое место.

– Да я все как-то не могу решиться, духу не хватает начать этим заниматься. По правде говоря, мне совсем не хочется покидать Ривервью-хаус. Но ты за меня не волнуйся: твоя мама обещала помочь мне, она даст хорошие рекомендации. Главное, я не хочу работать далеко от дома. Отсюда до Сент-Джаста и без того почти целый день езды на велосипеде. А если я буду еще дальше, то совсем не смогу видаться с родными.

- Возможно, кому-нибудь в Порткеррисе нужна горничная.
- Хорошо бы.
- Может быть, на новом месте тебе будет гораздо лучше: может, там окажется несколько человек прислуги и тебе будет с кем поболтать на кухне, да и работы меньше.

– Не знаю, не знаю. Не очень мне хочется быть на побегушках у какой-нибудь суки-поварищи, старой злыдни. Лучше уж одной все делать – и готовить, и прочее. Правда, мне не очень удаются все эти торты и сдобные финтифлюшки, и к кремовзбивалке я никак приноровиться не могу; мадам всегда говорит... – Она внезапно остановилась.

– Что случилось? – Джудит ждала, когда она продолжит.

– Странно... Она еще не поднималась принимать ванну. Ты только глянь: двадцать минут седьмого. Как я, однако, с тобой засиделась. Может, она думает, что я еще не управилась с Джесс?

– Не знаю.

– Ладно, будь хорошей девочкой, сходи вниз и скажи ей, что ванная свободна. И об ужине не беспокойтесь – я подожду накрывать на стол, пока твоя мама не будет готова. Бедная, наверно, все никак не может прийти в себя с дороги. Однако пропускать ванну – это на нее не похоже. – Филлис рывком поднялась на ноги. – Пойду-ка погляжу, что там у нас с картошкой творится.

После ее ухода Джудит еще несколько минут пробыла у себя в спальне: убрала подарки, поправила смятое одеяло, положила новенький дневник на середину стола. Начиная с первого января она каждый день делала в нем записи своим четким, аккуратным почерком. Она открыла форзац: Джудит Данбар. Не написать ли здесь и свой адрес, подумала она, но потом решила, что не стоит: ведь очень скоро у нее вовсе не будет настоящего домашнего адреса. По ее расчетам, дневник закончится в декабре 1940 года. Ей будет девятнадцать. Как-то страшно-вато было и думать об этом, – Джудит убрала дневник в ящик стола, причесалась и побежала по лестнице вниз, чтобы сказать своей маме, что можно не торопиться и у нее есть время принять ванну.

На полном ходу она ворвалась в гостиную.

– Мамуля, Филлис сказала, что если ты хочешь... – Слова застряли у нее в горле. Что-то явно было не так, случилось что-то очень неприятное.

Молли сидела в кресле у камина, но, когда она повернула лицо к дочери, оно было искажено отчаянием, распухло от слез и обезображено рыданиями. На столике стоял наполовину опорожненный стакан для вина, а на полу у ног Молли были рассыпаны, точно опавшие листья, исписанные убористым почерком листы тонкой бумаги.

– Мама! – Инстинктивным движением Джудит закрыла за собой дверь. – Что, бога ради, произошло?

– Ах, Джудит...

В ту же секунду Джудит уже стояла на коленях подле ее кресла.

– Скажи же, в чем дело? – Никакая дурная новость не могла потрясти ее больше, чем зрелище рыдающей матери.

– Письмо от твоего папы, я только что прочитала его. Я этого не переживу...

– Что с ним случилось?

– Ничего. – Молли приложила к лицу скомканный, уже основательно промокший от слез платок. – Просто... дело в том, что... мы не останемся в Коломбо... его назначили на новое место, и нам надо ехать в Сингапур.

– Но почему ты так расстроилась?

– Потому что опять мы переезжаем... в другое место... Как только мы прибудем в Коломбо, снова надо будет собирать вещи, и опять в дорогу... На новое место, где я ни разу не была, где я никого не знаю. Мне и в Коломбо-то возвращаться не хотелось, но там, по крайней мере, я жила бы в нашем старом доме, а Сингапур – это еще дальше... и мне придется... Да, знаю, я веду себя глупо... – Из глаз Молли снова полились слезы. – Но почему-то... я чувствую, что это последняя капля. У меня больше нет сил. А ведь надо еще... – Она задохнулась от

сотрясавших ее рыданий и не могла уже произнести ни слова. Джудит поцеловала ее и почувствовала запах виски. Ее мать никогда не пила виски.

Молли вытянула руку и неуклюже обняла Джудит.

– Мне бы сейчас чистый носовой платок...

– Я принесу.

Джудит встала, вышла из комнаты, взбежала вверх по лестнице к себе в спальню. Вынула из комода один из своих больших, добротных школьных платков, резко, с грохотом задвинула ящик обратно и подняла взгляд на свое отражение в зеркале. Оттуда на нее взглянуло растерянное, испуганное лицо, такое же, как у ее плачущей внизу матери. Стоп, так не годится. Кто-то из них двоих обязан оставаться сильным и сохранять ясную голову, иначе все пропало. Джудит раз-другой глубоко вздохнула, взяла себя в руки и заставила успокоиться. Как там говорила ей тетя Бидди? Не оказываться в ситуациях; а самой создавать их. Вот как раз и подвернулась ситуация, когда же, как не сейчас, применить совет тети Бидди на деле? Джудит вся подтянулась, расправила плечи и стала спускаться вниз.

Вернувшись в гостиную, она обнаружила, что Молли также сделала над собой некоторое усилие: она подобрала с пола упавшие листки и даже сумела растянуть дрожащие губы в вымученную улыбку.

– О, спасибо, родная... – Она с благодарностью взяла у дочери чистый носовой платок и высморкалась. – Мне так стыдно. Не знаю, что на меня нашло. Сегодня был такой тяжелый день. Наверно, я просто переутомилась...

Джудит села на прикаминную скамеечку.

– Можно мне прочитать письмо?

– Разумеется. – Мать подала ей конверт.

Дорогая Молли! – Четкий, ровный почерк. Текст письма очень отчетлив. Отец всегда писал черными чернилами. – Когда ты получишь это письмо, Рождество уже будет позади. Надеюсь, вы с девочками хорошо повеселились. Я должен сообщить тебе весьма важные новости. Вчера вечером меня вызвали и сообщили, что решено направить меня в Сингапур управляющим компании «Уилсон – Маккинон». Это повышение в должности, и, стало быть, я могу рассчитывать на большее жалованье, а также на другие привилегии, такие как более просторный дом и служебный автомобиль с личным водителем. Надеюсь, тебя это тоже обрадует. Я должен буду вступить в новую должность только через месяц после того, как вы с Джессс придете в Коломбо; так что у нас с тобой будет время подготовить наш дом для человека, который придет на мое место; а потом мы втроем поплывем в Сингапур. Я знаю, ты будешь скучать по Коломбо. Тем не менее я с волнением и восторгом думаю о том, что мы поплывем все вместе и будем вместе потом, когда устроимся в новом доме. Моя новая работа намного ответственнее и труднее, но я чувствую, что в состоянии с ней справиться и успешно выполнить все, что от меня потребуется. Не могу дождаться того момента, когда наконец увижу тебя и впервые встречу с Джессс. Я надеюсь, она не будет меня дичиться и в конце концов привыкнет к мысли, что я ее отец.

Передай Джудит, что ее рождественский подарок должен прийти со дня на день. Надеюсь, все приготовления, связанные с ее переводом в «Школу Св. Урсулы», идут по плану и что расставание не будет для вас слишком мучительным и горьким.

На днях видел в клубе Чарли Пейтона. Он сказал, что Мэри ждет ребенка. Они хотят пригласить нас на ужин...

И так далее. Читать дальше не было необходимости. Джудит сложила листки и вернула их матери. Потом сказала:

– По-моему, все идет как нельзя лучше. Я так рада за папу! Мне кажется, ты совсем не должна расстраиваться.

– Я не расстраиваюсь. Я просто... убита. Я знаю, во мне говорит эгоизм, но я не хочу ехать в Сингапур. Там так жарко и влажно, и потом – новый дом, новые слуги... заводить новые знакомства... и прочее. Для меня это слишком...

– Но с тобой же будет папа.

– Знаю...

– Тебя ждет масса удивительных вещей.

– Я не хочу удивляться. Я хочу мира и покоя, и мне не надо никаких перемен. Я хочу, чтобы у меня был дом, а не бесконечные переезды с места на место и разлуки. А все требуют от меня чего-то, и каждый говорит, что я все делаю неправильно, что я ничего не понимаю и не умею...

– Но это не так!..

– Бидди держит меня за идиотку. И Луиза тоже.

– Да не обращай ты на них внимания!

Молли еще раз высморкалась и снова отпила из своего стакана.

– Я не знала, что ты пьешь виски.

– Да обычно я и не пью. Но тут мне нужно было выпить. Поэтому я, видно, и распустила нюни. Наверно, я пьяна.

– Непохоже.

Молли обратила к дочери робкую, смущенную улыбку, пытаясь посмеяться над собственной слабостью:

– Мне очень жаль, что все так получилось утром. Мы так глупо повздорили с Бидди. Я не знала, что ты слушаешь. В любом случае мы не должны были вести себя как малые дети.

– Я не подслушивала.

– Я знаю. Надеюсь, ты не считаешь, будто я только о себе думаю и несправедлива к тебе. Ведь тетя Бидди хотела пригласить тебя к себе, а я встала поперек. Дело в том, что Луиза... ну, она и в самом деле недолюбливает Бидди, и поэтому возникла еще одна проблема, и мне надо было ее как-то решать... наверно, у меня не очень хорошо получилось.

Джудит ответила ей с полной откровенностью:

– Я и не думаю возражать против того, что ты решила, – и затем прибавила то, что давно мечтала сказать матери: – Это ничего, что я буду жить у тети Луизы или не поеду к тете Бидди. Но вот что мне совсем не нравится, так это то, что ты никогда не говоришь со мной о своих планах, не спрашиваешь, чего хочу я.

– То же самое сказала мне Бидди. Перед самым обедом она опять на меня надела. И я чувствую на себе огромную вину – оттого, что, пожалуй, слишком часто принимала решения на твой счет, не обсуждая их с тобой: о школе, о тете Луизе и все прочее... А теперь у меня такое чувство, что уже поздно пытаться что-то исправить.

– Тетя Бидди не должна была огорчать тебя. И ничего еще не поздно.

– Но мне еще так много предстоит сделать. – Молли снова панически запричитала: – Я оставила все на последний момент, даже не купила тебе одежду для школы, а ведь еще надо похлопотать насчет Филлис, разобрать вещи в доме и так далее...

Она производила такое жалкое впечатление, была так беспомощна, что Джудит внезапно почувствовала себя невероятно сильной и собранной, способной ее защитить.

– Мы тебе поможем. Я помогу. Мы все сделаем вместе. А что до этой ужасной школьной формы, то почему бы нам завтра не поехать и не купить ее? Где она продается?

– В магазине «Медуэйз», в Пензансе.

– Хорошо, значит, мы съездим в «Медуэйз» и расправимся со всем одним махом.

– Но надо еще купить все эти клюшки для хоккея на траве, и Библию, и несессер...

– Их мы тоже купим. Мы не вернемся, пока не закупим все. Поедем на машине. Ты должна набраться смелости и сесть за руль, не можем же мы везти такую груду вещей на поезде.

Молли несколько приободрилась и выглядела уже менее растерянной. Кто-то взялся решить за нее одну из проблем, и это, кажется, вернуло ей долю уверенности в себе. Она произнесла: «Хорошо» – и, подумав, добавила:

– Джесс мы оставим с Филлис, а то она нам все нервы истреплет. И предпримем этакую прогулку вдвоем, ты и я. А на обед зайдем в «Митру», побалуем себя за труды. К тому времени уже будет за что.

– А потом, – сказала Джудит твердым, не допускающим возражений тоном, – доедем до «Святой Урсулы», я хоть посмотрю, какая она из себя. Не могу же я идти в школу, которую никогда не видела.

– Но сейчас ведь каникулы. Там никого не будет.

– Вот и хорошо. Полазаем везде тайком, позаглядываем в окна... В общем, с этим покончено, так что не унывай, не расстраивайся. Ты уже лучше себя чувствуешь? Хочешь принять ванну? А хочешь – ложись в постель, Филлис принесет тебе ужин на подносе.

Но Молли отрицательно покачала головой:

– Нет-нет, хотя это было бы чудесно. Я уже в полном порядке. Ванну я приму попозже.

– В таком случае я пойду скажу Филлис, что мы уже можем приступить к ее вареной курице.

– Подожди еще минутку. Я не хочу, чтобы Филлис узнала, что я плакала. Это очень заметно?

– Нет. Просто покраснелась немножко, сидя возле огня.

Молли наклонилась к дочери и поцеловала ее:

– Спасибо. Благодаря тебе я почувствовала себя совсем другим человеком. Ты такая милая.

– Ерунда. – Джудит на мгновение задумалась, подыскивая какую-нибудь утешительную фразу. – У тебя просто был трудный день.

Молли открыла глаза, встречая новый день. За окном едва рассвело, вставать было рано, и она нежилась в теплой постели, завернувшись в льняные простыни и воссылая благодарения Небу за то, что уснула, едва голова ее коснулась подушки, и проспала без сновидений всю ночь, даже Джесс ее ни разу не разбудила. Последнее само по себе было уже маленьким чудом, поскольку Джесс была требовательным и капризным ребенком. Если она и не просыпалась в первые часы после полуночи, начиная призывать воплями свою мать, то вскакивала утром чуть свет и расталкивала Молли, бесцеремонно забираясь к ней в постель.

Но вчера, судя по всему, девочка тоже устала – в половине восьмого утра она все еще не давала о себе знать, и Молли продолжала наслаждаться непривычным покоем. Может быть, это из-за виски? Может, выпивать по стаканчику каждый вечер и тогда будешь спать крепко и спокойно? Или просто-напросто физическое изнеможение взяло верх над всеми нестерпимыми страхами и тревожностями вчерашнего дня. Так или иначе, ей удалось заснуть и как следует выспаться. Она чувствовала себя отдохнувшей, полной сил и готовой встретить во всеоружии новый день с его трудностями и заботами.

Главным делом была покупка школьной одежды для Джудит. Молли поднялась с постели и натянула на плечи халат, затем пошла к окну, чтобы закрыть его, и раздвинула шторы. Ее глазам предстало бледное, туманное утро. Ночная тьма еще не окончательно рассеялась, и было очень тихо. Под окном раскинулся спускающийся террасами сад, неподвижный и мокрый от росы, с берега за железнодорожной линией доносились крики кроншнепов. Но небо было ясное, и Молли подумалось, что сегодняшнее утро, может стать, сулит один из тех дней, которые весна похищает у корнуолльской зимы, когда все вокруг напоено ощущением пробуждающейся жизни: сквозь мягкую черную землю начинает пробиваться зелень, набухают почки на деревьях и воздух оглашается песнями вернувшихся перелетных птиц. Этот день,

проведенный от начала до конца со своей старшей дочерью, останется у нее в памяти как что-то особенное, словно яркая, четкая фотография, аккуратно вставленная в изящную рамку.

Она отверзлась от окна, села за туалетный столик и достала из выдвижного ящика объемистый конверт из оберточной бумаги, в котором находился список обязательной одежды для воспитанниц «Школы Святой Урсулы», вместе с многословными указаниями и инструкциями для родителей: «Пасхальный триместр начинается пятнадцатого января. Ученицам, остающимся в школе на полный пансион, необходимо прибыть не позднее 14.30 этого дня. Убедитесь, пожалуйста, что медицинская справка Вашей дочери подписана. Секретарь мисс Катто встретит Вас в вестибюле и проводит в отведенную Вашей дочери спальню. Если Вы пожелаете, мисс Катто будет рада пригласить каждого из родителей на чай в своем кабинете (начиная с 15.30). Ученицам, остающимся в школе на полный пансион, запрещается проносить в спальни какие-либо сласти или продукты питания. Разрешенная установленная норма сладостей составляет два фунта в семестр и должна быть передана экономке. Настоятельно просим Вас убедиться в том, что вся обувь Вашей дочери разборчиво помечена ее именем и фамилией...»

И так далее и тому подобное. Правила и предписания для родителей были, казалось, столь же строги, сколь и для бедных деток. Молли пробежала глазами список обязательной одежды, растянувшийся на три страницы. «Предметы одежды, отмеченные звездочкой, можно приобрести в магазине „Медуэйз: ткани и одежда“ (г. Пензанс)». Отмечено звездочками было практически все. «Пожалуйста, убедитесь... пожалуйста, не забудьте...» Ну ладно, если удастся купить все в одном месте, то хлопоты займут не очень много времени. А покончить с этим делом надо.

Молли засунула бумаги обратно в конверт и отправилась на поиски Джесс.

Во время завтрака, засовывая ей в рот с ложечки вареное яйцо (ложечку за папу, ложечку за Голли...), она сообщила младшей дочери, что сегодня уедет с Джудит по делам, а Джесс останется дома.

- Не хочу оставаться! – крикнула Джесс.
- Ну почему же ты не хочешь? Вы с Филлис прекрасно проведете время.
- Нет! – Девочка упрямо выпятила нижнюю губу.
- Возьмете Голли на прогулку, купите фруктовых леденцов у миссис Берри...
- Ты пытаешься подкупить ее леденцами, – тихо заметила Джудит с другого конца стола.
- Все лучше, чем истерика...
- Не хочу!
- Вряд ли это поможет.
- Но Джесс, ты же любишь фруктовые леденцы...
- НЕ ХОЧУ!.. – По лицу Джесс потекли слезы, рот перекосился, и она заревела.
- О господи, началось!.. – констатировала Джудит.

Но в этот самый момент вошла Филлис с горячими тостами на решетчатой подставке. Поставив их на стол, она спокойно поинтересовалась: «В чем тут дело?» – сгребла Джесс в охапку и, не обращая внимания на истошные завывания, вынесла ее из комнаты, закрыв за собой дверь. Вопли постепенно стали стихать.

– Слава тебе господи! – вздохнула Джудит. – Теперь мы можем окончить завтрак в тишине и спокойствии. И ты, мама, не ходи к ней прощаться, а то она снова начнет.

Молли вынуждена была признать, что старшая дочь права на сто процентов. Попивая кофе, она посматривала на Джудит, которая сегодняшним утром спустилась к завтраку с новой прической – волосы зачесаны назад и схвачены на затылке темно-голубой ленточкой. Молли не могла сказать наверняка, к лицу ли Джудит этот новый стиль. Она стала выглядеть совсем по-другому, уже не походила на маленькую девочку, а уши, теперь открытые, никогда ее не красили. Но Молли ничего не сказала и подумала, что Бидди одобрила бы такую сдержанность.

Вместо этого она внесла деловое предложение:

– Думаю, нам лучше выехать сразу после завтрака. Иначе мы не успеем сделать всего, что намечено. Ты бы только видела, какой длинный этот список! А потом надо еще будет пришивать ко всем вещам метки с твоим именем. Подумай только – сколько времени на это уйдет! Может быть, хоть Филлис мне поможет...

– А почему бы нам не воспользоваться швейной машинкой?

– Отличная мысль! И быстрее, и аккуратнее. Как это мне в голову не пришло!

Через полчаса они уже были готовы. Молли вооружилась списками, инструкциями, сумочкой и чековой книжкой и предусмотрительно экипировалась (никогда не знаешь, чего ожидать от погоды) на случай дождя: закрытые туфли, дорогой и элегантный плащ «берберри» и модная бордовая шляпа. Джудит надела свой старый темно-синий плащ и клетчатый шерстяной шарф. Плащ был ей уже коротковат, и ее худенькие ноги казались чересчур длинными. Она спросила у матери:

– Ничего не забыла?

– Как будто нет.

Они замерли, прислушиваясь к тому, что происходит на кухне, но оттуда доносились только мирные звуки: писклявый голосок Джесс, а в ответ – спокойный голос Филлис, которая, вероятно, взбивала заварной крем или мела пол.

– Мы должны выйти тихо, как мыши, не то она услышит и рванет за нами.

Они неслышно выскользнули из передней двери и прокрались на цыпочках по гравию к деревянному сараю, служившему гаражом. Джудит открыла двери, Молли осторожно пробралась внутрь и села за руль маленького «остина». После пары неудачных попыток машина завелась, Молли дала задний ход, и автомобиль, двигаясь рывками, покинул свое убежище. Джудит села рядом с ней, и они отправились в путь.

Молли понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть нервозность и вернуть себе самообладание, они уже миновали деревню и выехали на основную трассу, когда она наконец-то осмелилась повести «остин» со скоростью тридцать миль в час.

– Понять не могу, почему ты так боишься водить. У тебя отлично получается.

– Это потому, что у меня мало опыта: в Коломбо меня всегда возил наш шофер.

Катясь с ветерком, они въехали в полосу слабого тумана. Пришлось включить ближний свет, но на дороге им попадалось очень мало машин, и Молли немного успокоилась. Один раз впереди сквозь пелену тумана выступила лошадь и телега с целой горой репы, но Молли удалось прекрасно справиться с этой чрезвычайной ситуацией: она просигналила, сбавила скорость и аккуратно обошла неповоротливую колыхагу.

– Молодец! – похвалила Джудит.

Туман вскоре рассеялся – так же быстро и внезапно, как и появился; вдалеке показалось море, жемчужно-синее в неярком свете утреннего солнца, – это был залив Маунт, над водами которого возвышались гранитные скалы горы Сент-Майкл. Было время прилива, и узкая отмель, соединяющая остров с материком, скрывалась под водой. Средневековый замок на вершине скалистого острова словно явился из какой-то сказки. Потом дорога побежала между железнодорожной линией и отлогими склонами фермерских полей, покрытых зеленым ковром брокколи. Впереди уже виднелись город и гавань с целым флотом рыболовных судов. Они проехали мимо закрытых на зиму отелей, железнодорожного вокзала и стали подниматься по Маркет-Джу-стрит, в сторону высокого здания «Ллойдс банка» с куполообразным верхом и памятника сэру Хамфри Дэйви, изображенному со своей рудничной лампой¹⁵.

Они припарковались на Гринмаркет, возле магазина, торгующего овощами и фруктами. У дверей стояли жестяные ведра, наполненные букетами первых, нежных желтых нарциссов,

¹⁵ Дэйви Хамфри (1778–1829) – английский химик и физик, уроженец г. Пензанс, изобретатель безопасной осветительной лампы для работы в рудниках и шахтах.

изнутри доносились запахи земли, лука-порей и пастернака. По тротуару сновали покупатели, по большей части женщины из окрестных сел, нагруженные тяжелыми корзинами. Собираясь маленькими кучками, они оживленно болтали, обсуждая последние новости.

– Отличная погода!

– Как нога у Стэнли?

– Так распухла – в дверь не проходит!

Преодолев искушение остановиться и послушать, Молли решительным шагом двинулась вперед, не желая терять ни секунды драгоценного времени; перешла через улицу и устремилась к «Медуэйзу». Джудит вприпрыжку пустилась за ней следом.

Магазин «Медуэйз» был унылым, старомодным заведением со стеклянными витринами, демонстрирующими мужскую и женскую уличную одежду: твидовые пальто и костюмы, шерстяные свитера, шляпы и непромокаемые плащи. Внутри все было отделано темным деревом, а в воздухе стоял тяжелый запах керосиновых обогревателей и прорезиненных дождевиков, как раз под стать угрюмой чопорности продавцов. Один из них, стоявший так прямо, словно его голова держалась на плечах лишь благодаря тесному высокому воротничку рубашки, почти-точно выступил навстречу клиентам.

– Чем могу служить, сударыня?

– Нам нужно купить одежду для «Школы Святой Урсулы».

– Это на втором этаже, мадам. Не будете ли вы так любезны подняться по лестнице?

– Почему он спросил, не будем ли мы любезны? – прошептала Джудит, пока они поднимались по ступенькам.

– Тише! Он тебя услышит.

Лестница была широкая и величественная, огражденная роскошной балюстрадой с полированными перилами из красного дерева, по которым, подумала Джудит, наверно, здорово съезжать вниз. Просторный отдел детской одежды занимал весь второй этаж; по одну сторону тянулся сплошной длинный ряд полированных прилавков, а по другую – выходящие на улицу высокие окна. На этот раз к ним подошла женщина-продавщица. На ней было мрачное, темных тонов платье, да и сама она была совсем не молода и двигалась так, будто у нее болели ноги.

– Доброе утро, сударыня. Я могу вам помочь?

– Да. – Молли полезла в сумочку за списком. – Мы с дочерью пришли за одеждой для «Святой Урсулы».

– Прекрасная школа. Значит, это ты поступаешь в «Святую Урсулу»? Итак, что же именно вам нужно?

– Все.

– Это займет какое-то время.

Им принесли два гнутых деревянных стула. Молли, стянув перчатки, отыскала свою авто-ручку и уселась в полной готовности приступить к грандиозным закупкам.

– С чего бы вы хотели начать, сударыня?

– Прямо с начала списка. Зеленое твидовое пальто.

– Чудесный материал у этих пальтишек. Я и костюм захвачу заодно: в церковь ходить, по воскресеньям...

До Джудит, сидящей спиной к прилавку, доносились их голоса, но вскоре она перестала вслушиваться в разговор, так как ее внимание привлекло нечто во сто крат более интересное. Чуть подалее от них, у другого прилавка, стояла другая пара – явно мать и дочь, которые тоже покупали форменную одежду, причем для них этот процесс был, похоже, не серьезным делом, а какой-то забавой: оттуда доносились оживленная болтовня и веселый смех. Да и обслуживающая их продавщица была молодая и жизнерадостная. Создавалось впечатление, что вся эта троица развлекается не хуже, чем на вечеринке, хотя, как ни странно, они тоже покупали полный комплект одежды для «Святой Урсулы». Точнее, уже купили, и в данный момент продав-

щица заворачивала охапки новеньких одеяний, по большей части кошмарного бутылочного цвета, в шуршащую белую оберточную бумагу и укладывала свертки в картонные платяные коробки, крепко стягивая их целыми ярдами толстой белой бечевки.

– Если хотите, мы можем доставить ваши покупки, миссис Кэри-Льюис. Во вторник служебный автофургон поедет как раз в вашу сторону.

– Нет, мы все возьмем сейчас. Мэри хочет пришить к вещам метки с именем. К тому же я приехала на машине. Вот только неплохо было бы, чтобы кто-нибудь донес это до нее и погрузил в багажник.

– Я позову молодого Уилла со склада. Он вам поможет.

Они сидели спиной к Джудит, но это не имело особого значения: на дальней стене висело большое зеркало, и она могла не только наблюдать, но и, если повезет, оставаться незамеченной.

«Святая Урсула». Та девочка идет в «Школу Святой Урсулы»! Джудит изучала незнакомку с живым интересом. Той, должно быть, что-то около двенадцати лет, может быть – тринадцать. Она очень худенькая, длинноногая и плоскогрудая, точно мальчишка, в обшарпанных босоножках, коротких чулках, плиссированной юбке из шотландки и очень старом темно-синем свитере с заштопанными локтями, причем, похоже, с мужского плеча. Но при всем том обладательница неказистого наряда казалась на редкость хорошенькой и привлекательной, и коротко подстриженная шевелюра ее выющихся темных волос на тонкой и длинной шейке напомнила Джудит головку цветка на стебельке, скажем – какую-нибудь пышную хризантему. Под выразительными темными бровями незнакомки блестели фиалкового оттенка синие глаза, кожа у нее была медового цвета (или цвета скорлупы отборного коричневого куриного яйца), а на лице ее блуждала озорная ухмылка сорванца.

Незнакомка положила локти на прилавок и ссутулила костлявые плечи, а ее тонкие как спички ноги обвилились вокруг ножек стула. При всей неблагообразности этой позы она не лишена была какой-то грации, а во внешности и поведении девочки ощущалась такая раскованность, такая естественность и непринужденная самоуверенность, что, глядя на нее, становилось как-то само собой понятно, что никто ни разу в жизни не назвал ее некрасивой, глупой или неинтересной.

– Как вы предпочитаете расплатиться на этот раз, миссис Кэри-Льюис? – обратилась к ее матери продавщица.

– О, запишите на мой счет, это проще всего.

– Мама! Ты же знаешь, папчик сказал, что ты всегда должна расплачиваться наличными, потому что, когда тебе приходят счета, ты выбрасываешь их в мусорную корзину.

– Дорогая, зачем ты разглашаешь мои тайны? – расхохоталась миссис Кэри-Льюис.

Голос ее был звучным и сочным, он искрился весельем. С трудом верилось, что эта женщина – чья-то мать. Она могла быть актрисой, кинозвездой, отличной старшей сестрой или даже веселой теткой – кем угодно, только не матерью. На ее напудренном до фарфоровой бледности лице с тонкими изящными чертами выделялись тонкие дуги бровей и алый рот. Прямые шелковистые светлые волосы с золотистым отливом подстрижены коротко, почти как у мужчины, и это, хотя и шло вразрез с модой, выглядело чрезвычайно стильно. К тому же на ней были... уже просто из ряда вон! – брюки, «слаксы», как их называли. Серые, фланелевые, они туго обтягивали ее узкие бедра и раздавались книзу, достигая у лодыжек ширины знаменитых «оксфордских мешков»¹⁶. На плечи наброшен темно-коричневый меховой жакет, нежнейший и легчайший из всех нарядов, какие только можно себе вообразить. Пальцы миссис Кэри-Льюис с ярко-красными ногтями небрежно держали поводок из красной кожи, который тянулся к неподвижно лежащему поодаль мохнатому созданию кремового цвета.

¹⁶ «Оксфордские мешки» – очень широкие фланелевые брюки, вошли в моду в 20-х гг.

– Ну что ж, похоже, это все. – Ее руки скользнули в рукава жакета, и ей пришлось выпустить поводок. – Пойдем, дорогая, нам пора. На это ушло не так много времени, как я опасалась. Пойдем выпьем по чашечке кофе, и я куплю тебе мороженое, или пирожное, или какую-нибудь другую гадость.

Освободившись от привязи, лежавшая на полу лохматая бестия вдруг ожила – подтянулась на четырех бархатистых лапках, широко зевнула и обратила в сторону Джудит пару темных выпуклых глаз. Над спиной поднялся завитком пушистый хвост. Существо встряхнулось, некоторое время принюхивалось к окружающей обстановке, после чего, к восторгу Джудит, важно направилось по ковру прямо к ней, волоча за собой пурпурный поводок, словно королевский шлейф.

Собака. Джудит обожала их, несмотря на то что ей никогда не позволяли, по вполне понятным причинам, завести себе собаку. Пекинес. Само очарование. На мгновение Джудит позабыла обо всем на свете. Она соскользнула со стула псу навстречу и присела на корточки.

– Привет! – Она положила ладонь ему на голову – его шерсть была мягкой, словно кашемир. Он поднял к ней мордочку и снова задвигал ноздрями, принюхиваясь. Джудит просунула пальцы ему под подбородок и нежно потрепала мохнатую шею.

– Пеко! Ты чем там занимаешься? – Подошла хозяйка пса, и Джудит смущенно выпрямилась. – Он терпеть не может ходить по магазинам, – сказала миссис Кэри-Льюис, – но мы не любим оставлять его одного в машине. – Когда она наклонилась и подобрала с пола поводок, на Джудит повеяло ее духами, запах был густой и сладкий, как памятный аромат цветов «храмового дерева» в садах Коломбо, что начинают благоухать только после захода солнца, с наступлением ночной темноты. – Спасибо, что приласкала его. Ты любишь пекинесов?

– Я люблю всех собак.

– Но это собака особенная. Собака-лев. Не так ли, мой дорогой?

Ее немигающие, ослепительно-синие глаза, окаймленные длинными черными ресницами, зачаровывали. Джудит не могла отвести от них взгляда и молчала, не зная, что сказать. Как будто понимая ее состояние, миссис Кэри-Льюис улыбнулась и, повернувшись, пошла к выходу. За ней, как свита за королевой, последовала процессия, состоящая из ее пса, дочери и Уилла, который слегка пошатывался под тяжестью взваленных на него коробок. Проходя мимо Молли, миссис Кэри-Льюис на мгновение задержалась.

– Вы тоже снаряжаете ребенка в «Святую Урсулу»?

Молли несколько растерялась.

– Да. Да, я тоже...

– Скажите, вы видели когда-нибудь столько отвратительного тряпья? – Она рассмеялась и не стала ждать ответа. Только взмахнула рукой в неопределенном жесте прощания и повела свою маленькую свиту дальше, вниз по лестнице, пока все они не исчезли из виду.

Молли, Джудит, пожилая продавщица молча проводили их глазами. Этот уход оставил после себя какую-то пустоту, какой-то странный вакуум. Как будто внезапно потух свет или солнце скрылось за тучей. Джудит пришло в голову, что такое, вероятно, происходит всякий раз, когда миссис Кэри-Льюис выходит из комнаты. Она унесла свои чары вместе с собой, и осталась лишь серая повседневность.

Первой молчание нарушила Молли. Она откашлялась, прочищая горло.

– Кто это такая?

– Это? Миссис Кэри-Льюис, из Нанчерроу.

– Где это – Нанчерроу?

– Недалеко от деревни Роузмаллион, по дороге на Лендс-Энд. Очень красивое место, у самого моря. Я раз бывала там, в сезон цветения гортензий, мы ездили туда на пикник, когда я еще училась в воскресной школе. Ехали на автобусе, с воздушными шарами, пили чай на открытом воздухе, в общем – повеселились на славу. И нигде не видела я такого сада, как там.

– А эта девочка – ее дочь?

– Да, это Лавди, ее младшенькая. У нее еще двое детей, дочь и сын, но они уже почти взрослые.

– У нее есть взрослые дети? – В голосе Молли звучало недоверие.

– Глядя на нее, в это невозможно поверить. Стройна, как девочка, и на лице ни единой морщинки.

Лавди. Лавди Кэри-Льюис. «Джудит Данбар» – это звучало, как тяжелая поступь человека, страдающего плоскостопием, – один шаг вперевалку, другой... А «Лавди Кэри-Льюис» – удивительное имя, легкое как пух, как бабочки, кружащиеся на летнем ветру. Человеку с таким именем не о чем беспокоиться: удача сама идет в руки.

– Она идет в «Святую Урсулу» на полный пансион? – спросила Джудит у дамы в мрачном черном платье.

– Нет, не думаю. По-моему, она будет на выходные уезжать домой. Полковник и миссис Кэри-Льюис отправили ее в большую школу около Винчестера, но она пробыла там только полсеместра, а потом сбежала. Приехала домой на поезде и заявила, что назад не вернется, потому что скучает по Корнуоллу. Ну, они и решили отправить ее в «Святую Урсулу».

– Судя по всему, она довольно-таки избалованный ребенок, – заметила Молли.

– Самая младшая, к тому же всеобщая любимица – ей всегда во всем потакали.

– Понятно. – Молли немного замялась. Пора было вернуться к насущным делам. – Итак... На чем мы остановились? Блузки. Четыре хлопчатобумажные и четыре шелковые. Кстати, Джудит, иди-ка в примерочную и посмотри, как на тебе будет сидеть это платьице.

К одиннадцати часам они все необходимое приобрели. Пока лежащую горой одежду аккуратно складывали и упаковывали в коробки, Молли выписала чек на огромную сумму. Однако никто не предложил им доставить покупки на фургоне или послать за кем-нибудь из младшего персонала, чтобы донести коробки до машины и погрузить их. Может быть, подумала Джудит, если имеешь собственный счет в «Медуэйзе», то ты более важный клиент, чем прочие, и к тебе относятся не только с уважением, но даже с некоторым подобострастием? Но ведь миссис Кэри-Льюис выкидывала все свои счета в корзину для мусора, поэтому не могла быть особенно желанной покупательницей. Нет, дело в том, что она просто была сама собой – миссис Кэри-Льюис из Нанчерроу, важная дама и потрясающая красавица. Пусть у Молли был бы свой счет в дюжине магазинов, но, как бы своевременно ни оплачивала она покупки, к ней никогда не относились бы как к королевской особе.

И вот, нагруженные, точно пара выючных лошадей, Джудит и ее мать вдвоем потащили свои коробки на Гринмаркет, где с облегчением свалили их на заднее сиденье «остина».

– Хорошо, что мы не взяли с собой Джесс, – заметила Джудит, захлопывая дверцу. – Для нее в машине не осталось бы места.

Итак, с «Медуэйзом» они покончили. Но им предстояло еще посетить обувной магазин, магазин спорттоваров (хоккейная клюшка и щитки для ног), канцелярских принадлежностей (набор почтовой бумаги и конвертов, карандаши, ластик, готовальня, Библия) и кожаной галантереи (несессер для письменных принадлежностей). Они просмотрели немало несессеров, но, разумеется, Джудит захотела тот, что стоил в четыре раза дороже остальных.

– А разве не подойдет вот этот, на молнии? – спросила Молли без особой надежды.

– Мне кажется, в нем маловато места. А это – самый настоящий «дипломат». На крышке тут есть карманчики, туда можно что-нибудь положить. Посмотри: сюда уже вложена прелестная записная книжечка для адресов и телефонов! А главное – он с замочком, запирается на ключ, так что мои вещи будут храниться в надежном месте, и я могу не бояться, что кто-нибудь узнает мои секреты. Можно будет носить в нем мой дневник...

В конце концов несессер был куплен, и, выходя из магазина, Джудит сказала матери:

– Спасибо, ты такая добрая. Я знаю, он дорогой, но я буду беречь его, и он прослужит мне всю жизнь. К тому же у меня никогда не было собственной адресной книжки, она мне очень пригодится.

Еще одна прогулка на Гринмаркет и очередная погрузка коробок и свертков на заднее сиденье машины.

Часы показывали уже половину первого, и они направились по Чапл-стрит в ресторан гостиницы «Митра», где заказали роскошный обед: ростбиф с «йоркширским пудингом»¹⁷, свежую брюссельскую капусту и жареную картошку с мясной подливой, а на десерт – шарлотку с корнуольским кремом и по стакану яблочного сока.

– Что теперь? – расплачиваясь, спросила Молли у Джудит.

– Поедем в «Святую Урсулу» и все осмотрим.

– Ты действительно хочешь?

– Да.

Они проехали через весь город и выехали из него с противоположного конца, где кончались тесные скопления городских домов и начинались сельские просторы. Повернув на боковую дорогу, которая вилась вверх по склону холма, и взобравшись на вершину, они очутились перед открытыми воротами. Надпись на дощечке гласила: «Школа Св. Урсулы. Посторонним вход строго воспрещен». С легкостью нарушив этот категорический запрет, Молли въехала через ворота в подъездную аллею, окаймленную широкими газонами и зарослями рододендронов высотой с порядочное дерево. Подъездная дорога оказалась довольно короткой, и на другом ее конце возвышалось здание школы, перед внушительным парадным входом которой располагалась посыпанная гравием просторная площадка. Если не считать двух небольших автомобилей, припаркованных у крыльца, место казалось совершенно безлюдным.

– Как ты думаешь, может, стоит позвонить в дверь и дать знать, что мы здесь? – стала советоваться Молли. Она всегда испытывала робость, когда приходилось нарушать границы владений, опасаясь, что перед ней внезапно вырастет грозная фигура какого-нибудь разгневанного служащего и она получит по шапке.

– Нет, не надо. Если кто-нибудь спросит нас, что мы тут делаем, мы просто скажем все как есть...

Джудит окинула взглядом здание. Основная его часть, с каменными выступами наружных подоконников и одревеневшими побегам дикого винограда, тянущимися вверх по гранитным стенам, построена в стародавние времена. К ней примыкало другое, гораздо более современное крыло с вереницей окон и каменной аркой в дальнем конце, ведущей в небольшой прямоугольник внутреннего двора.

Гравий тревожно хрустел у них под ногами, пока они ходили туда-сюда, время от времени останавливаясь и заглядывая в окна. Классная комната: парты с открывающимися крышками и углублениями-чернильницами, бледная от мела классная доска. Далее – кабинет с деревянными столами для проведения опытов и газовыми горелками.

– Не очень веселая картина, – сказала Джудит.

– Пустые классы всегда наводят тоску – сразу вспоминается зубрежка формул и французских глаголов. Хочешь зайти внутрь?

– Нет. Обследуем лучше сад.

И они начали свою экскурсию по саду, пройдя по извилистой тропинке, ведущей через заросли кустарника к паре травяных теннисных кортов. Неразмеченные и неподстриженные сейчас, в январе, они казались заброшенными и не вызвали в памяти картин живой, энер-

¹⁷ *Йоркширский пудинг* – запекаемое под куском мяса на рашпере жидкое пресное тесто, которое впитывает стекающий сок и растопленный жир.

гичной игры. И все же здесь было очень опрятно: гравий разровнен, бордюры аккуратно подправлены.

– Похоже, у них целый штат садовников, – заметила Молли.

– Потому-то, наверно, они и берут такую огромную плату за обучение – тридцать фунтов в триместр!

Спустя какое-то время они нашли в саду укромное, защищенное от ветра место, вымощенное камнем, где стояла скамейка с изогнутой спинкой, и решили отдохнуть здесь минутку, наслаждаясь слабым теплом зимнего солнца. Вдалеке перед ними виднелся залив, еще дальше, на горизонте, – полоска океана и просвет бледного неба, обрамленные, словно рамой, парой эвкалиптов с серебристой корой и благоухающими листьями, дрожащими от неслышного, неошутимого бриза.

– Эвкалипты, – вспомнила Джудит. – Они росли на Цейлоне. От них пахло, как от душистого масла, которым натирают грудь при простуде.

– Верно, с лимонным ароматом. Они росли в центре острова, в Ньюара-Элии.

– Я нигде их больше не видела.

– Наверно, им подходит здешний мягкий климат. Здесь, у моря, так тепло... – Молли откинулась на спинку скамейки, подняла лицо к солнцу и закрыла глаза. Через минуту-другую она спросила: – Ну, и что ты думаешь?

– О чем?

– О школе, о «Святой Урсуле».

– Сад очень красивый.

Молли открыла глаза и улыбнулась:

– Это тебя утешает?

– Конечно. Если уж тебя сажают куда-нибудь под замок, так пусть это будет хотя бы красивое место.

– Ах, не говори так! А то у меня такое чувство, будто я бросаю тебя запертой в какой-то тюрьме. Я не хочу уезжать и оставлять тебя одну, где бы то ни было. Я бы хотела взять тебя с собой.

– Все будет хорошо.

– Если... если ты захочешь съездить к Бидди, я не возражаю. С Луизой я поговорю, даю слово. Мы устроили бурю в стакане воды. На самом деле для меня главное – чтобы ты была счастлива.

– Не всегда так получается.

– Ты должна поступать так, чтобы получалось.

– И ты тоже.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не должна ехать в Сингапур в таком подавленном настроении. Может, случится так, что он понравится тебе даже больше, чем Коломбо. Это как будто тебя пригласили в первый раз на вечеринку к незнакомым людям. Ты не ожидаешь ничего хорошего, а в результате это время может оказаться самым приятным в твоей жизни.

– Да, – вздохнула Молли, – ты права. Я вела себя глупо. Сама не знаю, отчего я так разнервничалась. Меня вдруг такой ужас обуял... Наверно, просто устала. Я знаю, что должна относиться ко всему этому как к увлекательному приключению. Твоего отца повысили, мы будем лучше жить... Но все равно не могу избавиться от панического страха. Все менять, ехать к чужим людям, заводить новых друзей...

– Не стоит заглядывать так далеко вперед. Думай только о том, что будет завтра, не пытайся решить все сразу.

Дымка, слишком легкая, чтобы назвать ее облаком, заслонила лик солнца. Джудит поежилась:

– Холодает. Пойдем.

Покинув свое убежище, они не спеша побрели обратно вверх по склону, по изрытой корнями кустов дорожке. Наверху участок сада был огорожен стеной, насаждения овощей и цветов уступили здесь место асфальтированной площадке для нетбола¹⁸. Они увидели садовника, сметающего листья с дорожки; он разжег несколько костерков, куда время от времени сваливал палую листву. Вкусно пахло дымом. Когда они приблизились, садовник поднял голову, прикоснулся рукой к своей шапке, приветствуя их, и поздоровался: «Добрый день». Молли остановилась.

– Чудесная погода.

– Да, сухо сегодня.

– Мы тут осматриваем школьную территорию...

– И ничего худого, по-моему, не делаете.

Они оставили его и вышли через калитку в высокой каменной стене к игровым полям, где возвышались стойки хоккейных ворот и деревянный павильон для спортивных игр. Покинув укромные уголки и тропинки сада, они почувствовали, что резко похолодало, ускорили шаг, сутулясь под неожиданными порывами ветра, пересекли игровые поля и оказались перед постройками и сараями фермы. Далее дорога вела мимо ряда коттеджей обратно к входным воротам «Святой Урсулы», расширяясь в подъездную аллею, а там виднелся уже и передний двор школы, где их заждался маленький «остин».

Они залезли в машину и захлопнули двери. Молли потянулась к ключу зажигания, но не повернула его. Джудит ждала, что скажет мать, но та только повторила сказанное ранее, будто заклинание:

– Я действительно хочу, чтобы ты была счастлива.

– Ты имеешь в виду: счастлива здесь, в школе, или счастлива вообще, в жизни?

– И то и другое.

– Счастье на всю жизнь – это сказка, так не бывает...

– Я хотела бы, чтобы это не было сказкой. – Молли вздохнула и включила зажигание. –

Пусть это и глупое желание.

– Нет, не глупое, а очень даже хорошее.

Они тронулись в обратный путь.

Хороший был день, решила Молли, конструктивный. Обступившие ее со всех сторон проблемы перестали ужасать, уже не представлялись неразрешимыми, как прежде. С того самого времени, как они повздорили с Бидди, ее преследовало сознание мучительной вины – не только из-за того, что она уезжает на Цейлон и покидает Джудит, но, главное, из-за отсутствия взаимопонимания с дочерью, из-за собственной непроницательности и неадекватности. К тому же она понимала, что у нее практически не осталось времени выправить их отношения, и это причиняло ей такие душевные муки, в которых она не осмеливалась признаться даже самой себе.

Однако так или иначе все уладилось. Им многого удалось достичь, и свою роль сыграли благоприятные обстоятельства, располагающие к общению и взаимной помощи. Молли осознавала, что обе они приложили максимум усилий, чтобы добиться взаимопонимания, это наполнило ее сердце благодарной радостью. Побывать с одной Джудит, без капризной, требующей постоянного внимания Джесс, было все равно что поговорить по душам с доброй подругой-сверстницей, и все маленькие удовольствия и безрассудные траты, наподобие обеда в «Митре» или покупки шикарного, пригласившегося Джудит несессера, стоили того, что ей удалось-таки подружиться со старшей дочерью. Вероятно, это произошло с большим запозданием, но лучше поздно, чем никогда.

¹⁸ Нетбол – род баскетбола для девочек.

На нее снизошли спокойствие и уверенность в себе. Не берись за все сразу, говорила ей Джудит; ободренная и воодушевленная участием дочери, Молли вняла этому совету и решила, что не позволит себе спасовать перед необъятной массой предстоящих дел. Она составила список задач и, разобравшись с какой-нибудь из них, помечала ее в перечне галочкой.

Таким образом в течение нескольких дней удалось решить все, связанное с Ривервью-хаусом и отъездом. Вещи, привезенные из Коломбо или приобретенные здесь, упакованы для отправки на хранение. Новенький, отделанный медью баул, купленный специально для «Святой Урсулы» и уже помеченный инициалами Джудит, стоял с открытой крышкой на лестничной площадке, и, по мере того как предметы школьной одежды снабжались нашивками с ее именем, их аккуратно складывали туда.

– Джудит, иди сюда, мне нужна помощь.

– Я занята, – доносится голос Джудит из-за двери ее спальни.

– Чем ты занимаешься?

– Собираю свои книги.

– Все? Ты возьмешь с собой к тете Луизе свои детские книжки?

– Нет, их я укладываю в отдельную коробку. Их можно сдать на хранение вместе с твоими вещами.

– Но тебе никогда больше не понадобятся твои детские книжки!

– Почему это не понадобятся? Я буду хранить их для своих детей.

У Молли, не знавшей, смеяться ей или плакать, не хватило решимости спорить. Да и в любом случае коробкой больше, коробкой меньше – особой разницы не будет.

– А... Ну тогда ладно, – ответила она и поставила в своем бесконечном списке галочку напротив пункта «хоккейные бутсы».

– Я нашла место для Филлис. По крайней мере, надеюсь на это. Она идет на собеседование послезавтра.

– Где это?

– В Порткеррисе. Неплохо, правда? Она будет ближе к дому.

– И у кого?

– У миссис Бессингтон.

– Кто это такая?

– Ах, Джудит, да ты ее знаешь. Мы иногда встречали ее, когда ездили за покупками в город. Она всегда останавливалась поговорить. У нее белый скотчтерьер, и она ходит с корзинкой. Живет на вершине холма.

– Она такая старая...

– Ну... скажем, в годах. Зато необычайно живая. Служанка, которая работала у нее двадцать лет, наконец решила уйти. Она собирается поселиться у своего брата и вести хозяйство в его доме. Ну, и я предложила ей Филлис.

– А миссис Бессингтон держит кухарку?

– Нет, Филлис будет и за кухарку, и за горничную.

– Ага, это уже лучше. Она призналась мне, что хотела бы хозяйничать в доме одна. Ей не хочется быть на побегушках у какой-нибудь суки-кухарки.

– Джудит, ты не должна употреблять такие выражения!

– Я просто повторяю то, что сказала Филлис.

– И она тоже не должна была...

– А по моему мнению, «сука» – нормальное слово. И означает всего-навсего собаку-девочку. Нет в нем ничего грубого.

Последние дни пролетели с устрашающей быстротой. Комнаты Ривервью-хауса, к тому времени полностью лишившись фотографий, картин и декоративных безделушек, приобрели свой первоначальный, безликий вид, словно давно уже были покинуты своими обитателями. Гостиная без горшков с цветами и милых мелочей, дорогих хозяевам, являла собой унылое, безотрадное зрелище, все углы, казалось, были заставлены коробками и ящиками. В то время как Джудит и Филлис героически сражались на трудовом фронте, Молли большую часть времени висела на телефоне – звонила в разные конторы и договаривалась насчет транспортировки вещей, насчет паспортов, хлопотала о сдаче имущества на хранение, о железнодорожных билетах, а также беседовала со своим адвокатом, с управляющим банка, с Луизой, с Бидди и, наконец, со своей матерью.

Последний звонок был самым тяжелым: миссис Эванс последнее время слышала все хуже, кроме того, она не доверяла телефону, подозревая телефонисток в том, что они подслушивают чужие разговоры. Поэтому от Молли потребовалось серьезное напряжение голосовых связок и нервов, прежде чем настал долгожданный момент истины и до миссис Эванс дошла суть дела.

– О чем шла речь? – спросила Джудит, явившаяся к матери под самый конец переговоров.

– Ох, она невыносима. Но кажется, мне удалось все утрясти. После того как я оставлю тебя в «Святой Урсуле», мы с Джесс проведем последнюю ночь у Луизы. Она пообещала – очень мило с ее стороны – отвезти нас на вокзал на своей машине. А потом мы проживем недельку у бабушки с дедушкой.

– Но, мама, разве это так уж необходимо?

– Я чувствую, что обязана сделать для них хотя бы эту малость. Они уже такие старенькие, и одному Богу известно, когда я увижу их снова.

– Ты хочешь сказать, они могут умереть?

– Ну, я имела в виду не совсем это. – Молли задумалась. – Хотя, конечно, могут... – признала она и закончила: – Но я и думать об этом боюсь.

– Да, понимаю. Но я все-таки думаю, что ты слишком безжалостна к себе... Ты не видела случайно мои резиновые сапоги?

К переднему входу Ривервью-хауса подъехала запряженная лошадью телега возчика с вокзала, и на нее был погружен письменный стол Джудит и другие ее пожитки, которым предстояло отправиться к тете Луизе. Понадобилось некоторое время, чтобы надежно закрепить вещи веревками, и вскоре воз медленно двинулся в дорогу, в трехмильное путешествие до Уиндириджа. Джудит смотрела, как телега удаляется, подпрыгивая на ухабах. Потом приехал владелец деревенской бензоколонки и сделал предложение насчет продажи «остина». Не ахти какое предложение, но ведь и машина была не ахти какая. На следующий день он явился за покупкой, вручил чек на весьма скромную сумму и угнал машину. Поглядев на нее в последний раз, Джудит испытала такое чувство, будто прощается со своим старым псом, которого ветеринар увозит в лечебницу, чтобы усыпить.

– Как же ты собираешься отвезти меня в «Святую Урсулу», у нас ведь нет теперь машины?

– Мы вызовем такси. Все равно твой сундук не влез бы в «остин». А потом, после того как ты благополучно устроишься на месте, такси отвезет нас с Джесс обратно.

– Вообще-то, я не хочу, чтобы Джесс ехала с нами.

– О, Джудит! Почему?

– Она будет только мешать. Заплачет или еще что-нибудь. Если она заплачет, то и ты не выдержишь, а тогда и я тоже...

– Ты никогда не плачешь.

– Да, но это не значит, что я не умею. Проститься с ней я могу и здесь, когда буду прощаться с Филлис.

– По-моему, это будет не очень справедливо по отношению к ней.

– А я думаю, это будет нормально. В любом случае она вряд ли заметит мой отъезд.

Однако Джесс заметила. Она была неглупым ребенком и с большой тревогой наблюдала за тем, как разрушается уютная обстановка жилища. Все на глазах менялось. Исчезали знакомые предметы, в холле и в столовой появились упаковочные ящики, а ее мать была слишком занята и не уделяла ей обычного внимания. Кукольный дом, выкрашенная в красный цвет игрушечная лошадка, собачка на колесиках, еще вчера стоявшие на своих местах, сегодня бесследно пропали. Ей оставили одного только Голли, и, не вынимая пальца изо рта, она повсюду таскала его за собой, волоча за ногу.

Она не могла понять, что происходит с ее маленьким мирком, но одно знала твердо: все это ей не нравится.

В последний день, когда столовая уже стояла пустая, они обедали на кухне; сидя за выскобленным столом, ели тушеное мясо и запеченную в тесте ежевику с обитых по краям тарелок из той посуды, что сдавалась вместе с Ривервью-хаусом. Крепко держа Голли, Джесс позволила матери покормить себя с ложечки – ей снова хотелось стать маминной любимой крошкой, – а после пудинга получила крошечный пакетик разноцветных леденцов. Пока Филлис убирала со стола, она раздумывала о том, с каких леденцов начать, и едва заметила, как мама с Джудит исчезли наверху.

Но вскоре Джесс увидела из окна, как в воротах показался незнакомый черный автомобиль, он медленно проехал по гравию и встал у переднего входа. С набитым ртом и раздувшимися щеками она пошла сообщить новость Филлис.

– Там машина!

Филлис стряхнула воду с покрасневших рук и потянулась к посудному полотенцу, чтобы вытереть их.

– Это, должно быть, такси...

Джесс пошла за ней в холл, и они впустили в дом приехавшего на машине человека. На голове у него была форменная фуражка, как у почтальона.

– У вас есть багаж?

– Да, все это.

Багаж был сложен у лестницы. Обитый медью баул, чемоданы и сумки, хоккейная клюшка, новый несессер Джудит. Шофер ходил туда и обратно, перетаскивая вещи к машине, где складывал их в открытый багажник, крепко привязывая веревками, чтобы по дороге ничего не вывалилось.

Куда он все это забирает? Джесс изумленно наблюдала за происходящим. Таксист улыбнулся ей и спросил, как ее зовут, но она не улыбнулась в ответ и не собиралась открывать ему свое имя.

А потом спустились мама и Джудит, и это было хуже всего, потому что мама была в пальто и шляпе, а сестра в зеленом костюме, которого Джесс никогда прежде не видела, с воротничком и галстуком, совсем как у мужчины, и коричневых туфлях на шнурках; все это выглядело некрасивым, жестким и неудобным, а Джудит смотрелась так странно, так чуждо, что бедная Джесс от неожиданности пришла в ужас и, не в силах сдержаться, залилась истерическим плачем.

Мама и Джудит уезжают навсегда и бросают ее одну. Она смутно ожидала этого, и вот самые страшные предчувствия сбывались. Обливаясь слезами, Джесс стала умолять маму не бросать ее, взять с собой. Вцепившись в мамино пальто, девочка пыталась взобраться на нее, как карабкаются на дерево.

Тут к ней подошла Джудит, подняла ее на руки и крепко сжала в объятиях, и девочка, с отчаянием утопающего, который хватается за последнюю соломинку, обвила руками шею старшей сестры и, захлебываясь от рыданий, уткнулась мокрыми щеками ей в лицо.

– Вы куда?!

Джудит и предположить не могла, что произойдет нечто столь ужасное, она поняла, что недооценивала младшую сестру. Они вели себя с ней как с младенцем, воображая, будто достаточно горстки конфет – и все обойдется, туча пройдет стороной. И ошиблись – подтверждением тому была эта мучительная сцена.

Не выпуская Джесс из объятий, Джудит стала ее тихонько укачивать:

– Ну, Джесс, не плачь. Все будет хорошо. С тобой останется Филлис, а мама скоро вернется.

– Я хочу тоже...

Джудит ощущала приятную тяжесть маленького тела, мягкие нежные пухленькие ручки и ножки. От малышки пахло грушевым мылом, ее шелковистые волосики щекотали Джудит щеку. Как часто она злилась на младшую сестру... Теперь все было в прошлом, ведь они прощаются друг с другом. Джудит поняла, что нежно любит Джесс, и осыпала поцелуями пухлые щечки.

– Не надо плакать, – уговаривала она. – Я буду писать тебе письма, а ты присылай мне свои рисунки и картинки, ладно? Ты только подумай: ведь, когда мы снова встретимся, тебе будет уже восемь лет и ростом ты будешь почти с меня!

Рыдания поутихли. Джудит опять поцеловала сестру и, расцепляя обвившиеся вокруг ее шеи ручонки, шагнула к Филлис, передавая ей ребенка. Девочка продолжала всхлипывать, но уже не кричала и снова сунула большой палец себе в рот.

– Как следует приглядывай за Голли, не дай ему упасть за борт. Прощай, Филлис, прощай, миленькая!

Они обнялись, но Филлис не могла как следует прижать к себе Джудит, ее руки были заняты маленькой Джесс. Да и что сказать на прощание, она явно не знала и проговорила только: «Удачи тебе».

– И тебе тоже. Я буду писать.

– Смотри не забывай.

Все втроем они вышли из дома к такси. Поцеловав заплаканное личико Джесс, Молли пообещала:

– Я скоро вернусь. Будь хорошей девочкой, слушайся Филлис.

– Можете не торопиться, мадам. Не стоит нестись назад сломя голову. Все будет в порядке.

Молли и Джудит уселись в машину, таксист захлопнул за ними дверцы и уселся за руль. Двигатель завелся, и выхлопная труба изрыгнула облако едкого дыма.

– Помаши ручкой на прощание, Джесс, – сказала Филлис. – Помаши ручкой, как храбрая девочка.

Джесс помахала своим Голли, взлетевшим в воздух, точно флаг; гравий захрустел под колесами тронувшегося автомобиля, и они увидели прижавшееся к заднему стеклу лицо Джудит, которая тоже махала им рукой, махала, пока такси не скрылось за поворотом и звук мотора не замер вдали.

Уиндиридж

Суббота, 18 января 1936 г.

Дорогой Брюс!

Я пишу это письмо у себя в спальне в доме Луизы. Джесс уже спит, а я через несколько минут спущусь вниз к Луизе, и мы выпьем вина перед ужином. Ривервью-хаус уже закрыт и пуст, мы распростились с ним. Наша

любимая Филлис покинула нас, несколько дней она поживет у себя дома, а затем приступит к новой работе в Порткеррисе. В понедельник утром Луиза отвезет меня и Джесс на вокзал, и, прежде чем отправиться в Лондон и сесть на корабль, мы проведем несколько дней у моих родителей. Отплываем мы тридцать первого числа. В среду я отвезла Джудит в «Святую Урсулу». Мы решили не брать с собой Джесс, и она закатила кошмарную истерику. Ее горе было для меня полной неожиданностью, я не думала, что она сообразит, что к чему, и воспримет все настолько серьезно. Очень досадно, но Джудит упорно не желала, чтобы Джесс ехала с нами в школу, впрочем она была права. К лучшему, что все это случилось в интимной обстановке нашего дома.

Я боялась, что эта сцена окажется последней каплей для Джудит, но она вела себя молодцом, совсем как взрослая, как любящая и добрая сестра. В такси мы говорили о делах – я как-то не могла заставить себя разговаривать о чем-нибудь другом. В своей школьной одежде Джудит выглядела очень элегантно, но совсем по-новому, и у меня даже возникло странное чувство, будто я везу в школу какую-то чужую девочку, а не свою собственную дочь. Она значительно и резко повзрослела за последние недели и очень помогла мне со всеми приготовлениями и сборами. Какая ирония судьбы: долгие годы растишь ребенка, а когда он наконец станет тебе другом и ровней, приходится с ним расстаться. Четыре года сейчас, в эту минуту, кажутся мне вечностью. На корабле, по пути в Коломбо, меня, вероятно, все это уже не будет так угнетать, просто сейчас я переживаю тяжелый период.

Что касается «Святой Урсулы», то предполагалось, что я зайду в школу вместе с Джудит, провожу ее в дортюар, помогу разобраться с вещами, а потом выпью чашку чая с директрисой мисс Катто. Но когда мы ехали в такси, уже на полпути к Пензансу, Джудит вдруг заявила, что не хочет ничего этого. Она решила, что наше прощание будет простым и как можно более кратким, потому что, по ее мнению, в противном случае я стану частью школы, а она не хочет, чтобы два мира – тот, в котором она жила, и тот, в котором будет жить, – соприкоснулись, столкнулись друг с другом. Меня это немного смутило: я-то как раз чувствовала, что должна быть с ней рядом и показать свою заинтересованность, но не стала ей противоречить, подумав, что лучшее, что я могу для нее сделать, – это уступить ей.

Таким образом, все заняло считанные минуты. Мы выгрузили багаж, и подоспевший с тележкой привратник взял на себя заботы о сундуке и чемодане. Были и другие машины прибывших в школу на новый триместр. Все девочки выглядят одинаково в своей зеленой форме, и Джудит неожиданно стала одной из них, слилась с остальными, как будто потеряла свое лицо. Трудно сказать, стало ли от этого наше расставание легче или, наоборот, тяжелее. Я взглянула в ее дорогие черты и увидела в них предвестие красоты, которая уже полностью расцветет к тому времени, когда мы наконец-то увидимся снова. У нее в глазах не было слез. Мы поцеловались и обнялись, пообещали писать друг другу и опять поцеловались, и потом она ушла – отвернувшись от меня, пошла к крыльцу, поднялась по ступеням и исчезла в открытых дверях. Она ни разу не оглянулась. В руках у нее был портфель, хоккейная клюшка и маленький несессер, который я купила ей для хранения писчей бумаги, почтовых марок и дневника. Я знаю, ты считаешь это глупостью, но я проплакала в такси всю обратную дорогу и не могла успокоиться, пока Филлис не приготовила мне чашку горячего чая. Потом я

позвонила мисс Катто и попросила извинения за то, что не зашла в школу и к ней в кабинет. Она сказала, что все понимает, и заверила меня, что будет держать нас в курсе насчет успехов Джудит. Но мы будем так далеко! А письма идут так долго!..

Молли остановилась, положила ручку и прочла написанное. Письмо показалось ей чересчур эмоциональным. Они с Брюсом редко бывали откровенны друг с другом. Она старалась понять, будет ли он расстроен ее очевидным материнским горем, и раздумывала о том, не разорвать ли ей исписанные страницы и не начать ли все заново. Но письмо в том виде, в каком оно написалось, облегчило ей душу, и у нее не хватило ни решимости, ни сил хладнокровно притворяться, что все в порядке.

Она взяла ручку и продолжила.

Итак, все кончено, и я разыгрываю бодрость духа ради Джесс и потому, что рядом Луиза. Но в душе я словно скорблю об умершем ребенке. Об утраченных возможностях и о предстоящих годах, которые нам суждено прожить врозь. Я знаю, что тысячи других женщин проходят через то же самое, но почему-то мне от этого нисколько не легче.

Не позднее чем через месяц мы с Джесс будем у тебя. Жду дальнейших известий о нашем переезде в Сингапур. Ты молодец, я так рада за тебя.

С любовью,

Молли.

Р. S. Твой рождественский подарок для Джудит все еще в пути, я поручила миссис Саути, которая служит в пенмарронском почтовом отделении, переслать его в «Святую Урсулу», как только он прибудет.

Перечитав письмо еще раз, Молли сложила его, запечатала в конверт и надресовала. Дело сделано. Она сидела, прислушиваясь к нарастающему ветру, что завывал и стучал в окно за плотно задернутыми шторами. Судя по звуку, снаружи разыгралась настоящая буря. Маленький письменный стол, за которым она сидела, был залит светом стоявшей на нем лампы, но за спиной Молли спальня была погружена в полумрак и тишину. На одной из двух сдвинутых вместе кроватей спала Джесс, прижавшись щекой к Голли. Молли встала, поцеловала дочь, подоткнула одеяло. Потом подошла к зеркалу над туалетным столиком, поправила прическу и складки шелкового платка на плечах. Ее бледное отражение мерцало в темном зеркале, словно привидение. Она вышла из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь, пересекла лестничную площадку и стала спускаться по ступенькам.

Молли давно пришла к выводу, что Уиндиридж, как говорится, ни пава ни ворона. Построенный сразу после Первой мировой войны, он был недостаточно современен, чтобы обеспечить обитателям комфортное существование, но и не настолько стар, чтобы привлечь очарованием старины. Располагаясь на вершине холма, возвышающегося над полем для гольфа, он находился на перекрестке всех возможных ветров. Однако самой удручающей особенностью дома была гостиная, которую злополучный архитектор спроектировал как гостиничный вестибюль или холл, так что передняя входная дверь открывалась прямо в нее, и сюда же спускалась ведущая на второй этаж лестница. Следствием подобной планировки явились завывающие сквозняки и неуютное ощущение «проходного двора», какое испытывает человек, сидящий, к примеру, в привокзальном зале ожидания.

В этой-то гостиной и ожидала ее Луиза, удобно устроившись в мягком кресле у загруженного углем ревущего очага. Для полного удобства здесь же, у нее под рукой, находились сигареты и виски с содовой, а на коленях лежало вязанье – шерстяные «охотничьи» чулки. Луиза вечно вязала «охотничьи» чулки. Закончив очередную пару, она клала ее в комод до ближай-

шей церковной распродажи или благотворительного базара и начинала следующую, включая ее в счет своих Добрых Дел.

Услышав шаги Молли на лестнице, она подняла голову:

– А, наконец-то! Я уж думала, что ты заблудилась.

– Извини. Я писала Брюсу.

– Джесс спит?

– Да. И крепко.

– Налей себе чего-нибудь.

На столике у стены выстроилась целая батарея бутылок, чистые стаканы и сифон. Эта очень мужская черточка интерьера напоминала о покойном Джеке Форрестере. Впрочем, в доме ничего и не изменилось со дня его смерти. Каминную полку по-прежнему украшали награды, полученные им в соревнованиях по гольфу, на стенах висели его армейские фотографии времен пребывания в Индии, и повсюду можно было видеть его охотничьи трофеи: слоновья ступня, ковры из тигриных шкур, олени рога.

Молли плеснула себе хереса и села в кресло по другую сторону камина. Луиза оторвалась от вязания и протянула руку к своему виски. «Твое здоровье», – сказала она, отпила большой глоток и взглянула на Молли поверх очков.

– У тебя не очень-то веселый вид.

– Я в порядке.

– Для тебя это тяжелое испытание – разлука с Джудит. Я понимаю. Но не переживай так. Время – лучший лекарь. Твоя рана заживет.

– Надеюсь, – откликнулась Молли слабым голосом.

– По крайней мере, теперь уже все позади. Дело сделано. И точка.

– Да, дело сделано. – Какое-то мгновение Молли размышляла над этими словами. – Мне кажется...

Но ей не удалось продолжить свою мысль. Ее внимание привлек звук, донесшийся сквозь вой ветра с улицы. Хруст шагов по гравиию.

– Кто-то идет.

– Это, должно быть, Билли Фосетт. Я пригласила его пропустить стаканчик. Подумала, он поднимет нам настроение.

Передняя дверь открылась, и на них обрушился шквал холодного воздуха: ковры захлопали по полу, а из камина в комнату вырвалось облако дыма с копотью. Луиза повысила голос:

– Билли, закройте же скорее дверь. – Дверь с грохотом захлопнулась. Ковры мирно улеглись на место, пламя очага успокоилось. – В такой вечерок лучше носа не высовывать на улицу. Проходите к нам.

Молли была захвачена врасплох и раздосадована этим несвоевременным вторжением. В данный момент она меньше всего нуждалась в компании. У нее не было ни малейшей охоты беседовать с незнакомыми людьми, и она сердилась на Луизу, которой вздумалось пригласить своего друга не когда-нибудь, а именно сегодня, в этот вечер. Однако ничего другого не оставалось, как смириться с этой неприятностью, и она, придав лицу любезное выражение, повернулась в кресле, чтобы поприветствовать гостя.

– Молодец, что зашли, Билли! – прокричала Луиза.

Он предстал перед ними не сразу – очевидно, снимал пальто и шляпу. Но когда наконец появился, потирая озябшие руки, вид у него был такой, будто он оказывал им неоценимые благодеяния.

– А вот и я, дорогая Луиза... Потрепанный бурей.

Взгляду Молли предстал мужчина невысокого роста, сухой, жилистый. На нем был костюм в крупную, яркую клетку – пиджак с брюками гольф. Худощавые, обтянутые ярко-

желтыми вязаными чулками голени, торчащие из широких штанин, походили на тоненькие цыплячьи ножки.

«Уж не Луиза ли связала ему чулки, – подумала Молли, – и если это так, интересно, кто из них выбирал расцветку?»

Седые волосы Фосетта начинали редеть, а щеки покрывала сеточка красных вен. Он щеголял в галстуке армейского стиля, его усики бодро топорщились, а в голубых глазах горел веселый огонек. На вид Молли дала ему около пятидесяти.

– Молли, это мой сосед Билли Фосетт. Или полковник Фосетт, ежели по всей форме. Билли, познакомьтесь с моей невесткой Молли Данбар.

Молли растянула губы в улыбку, подала ему руку и проговорила: «Здравствуйте». Она ожидала, что он пожмет ей руку, но он схватил ее пальцы и низко склонил к ним голову. Испугавшись, что он собирается поцеловать ей руку, Молли чуть было не вырвала ее из пальцев полковника. Однако это был лишь низкий поклон, демонстрирующий высшую степень галантности.

– Счастлив познакомиться... много наслышан о вас. – Эта фраза, как водится, гарантированно убивала всякую возможность непринужденной беседы.

Но Луиза оставила свое рукоделие и, поднявшись с кресла, приступила к обязанностям гостеприимной хозяйки.

– Присаживайтесь, Билли. После ваших трудов вам не помешает капля виски с содовой.

– Не откажусь. – Он, однако, не сел, а подошел к камину и встал напротив огня, похлопывая себя по бедрам, – так близко, что от его мешковатого твидового костюма пошли легкие облачка пара и вокруг распространился когда-то давно впитавшийся в ткань слабый запах тлеющего костра.

Молли вновь уселась в кресло и взяла свой херес. Билли Фосетт послал ей сверху обворожительную улыбку. Зубы у него были ровные и желтые, как у здоровой лошади.

– Я слыхал, вы последнее время в хлопотах – приводите в порядок дом перед возвращением на Восток.

– Да. Скоро мы снимемся с места, как перелетные птицы. Луиза любезно пригласила нас провести пару дней под ее кровом до отъезда.

– Должен признаться, я вам завидую. Не отказался бы слегка погреться в лучах старого доброго солнышка... Ах, Луиза, дорогая, благодарю вас! Как раз то, что нужно.

– Садитесь-ка, Билли, а то на вас сейчас брюки загорятся. Сюда, на диван, между нами.

– Хочу прогреть немножко свои старые кости. Ну, леди, ваше здоровье! – Он отхлебнул из наполненного темной жидкостью стакана, испустил благодарный вздох, как будто предвкушал этот момент целую неделю, и только после этого отошел от обжигающего пламени очага, чтобы усесться на предложенное ему место и откинуться на диванные подушки. Молли невольно отметила, что он держится совсем как дома. Интересно, как часто он вот так запросто забегает к Луизе? А может, планирует обосноваться в Уиндиридже на более прочных правах, чем положение соседа и друга?

– Луиза говорит, что вы совсем недавно поселились в Пенмартоне, – сказала Молли.

– Три месяца назад. Увы, в арендованном доме.

– И вы играете в гольф?

– Да, люблю сыграть раунд-другой. – Он подмигнул Луизе. – Хотя до вашей золовки мне далеко. А, Луиза? Когда-то мы вместе играли в Индии. Еще при жизни Джека.

– И давно вы вышли в отставку? – Ей это было абсолютно безразлично, но она чувствовала, что ради Луизы обязана быть любезной и выказать хоть сколько-нибудь притворной заинтересованности.

– Пару лет тому назад. Выписался из полка и вернулся в родную Англию.

– Долго прожили в Индии?

– Весь срок своей службы. – Нетрудно было представить, как он играет в поло или отчитывает подчиненных. – В девятнадцать лет я начал младшим офицером на северо-западной границе. Нелегкая это была работа, скажу я вам, – держать этих афганцев в ежовых рукавицах, чтобы они не забывали свое место. Никому не хотелось попасть кому-нибудь из этих молодчиков в руки. А, Луиза? – Луиза промолчала, ей явно не хотелось продолжать разговор на эту тему, но Билли Фосетт нимало не смутился. – После Индии, – продолжал он, – я понял, что холод – это не по мне, и решил: а почему бы не попытать счастья в Корнуолльской Ривьере?¹⁹ К тому же знакомство с Луизой сыграло свою роль. Когда столько лет проживешь за границей, испытываешь, знаете ли, дефицит друзей.

– А жена разделяет ваши чувства?

Он малость опешил, как Молли и рассчитывала.

– Прошу прощения?..

– Ваша супруга, она тоже боится холода?

– Я холостяк, моя дорогая. Так и не встретил свою маленькую мемсаиб²⁰. В тех местах, где я воевал, хорошенькие девушки были наперечет.

– Да, – согласилась Молли. – Конечно.

– Да ведь вы и сами испытали на себе все тяготы жизни на форпостах нашей обширной империи. Где вы жили? Луиза как будто говорила, в Рангуне?

– Нет, в Коломбо. Но мой муж получил новую работу, и теперь мы переезжаем в Сингапур.

– Да-да! Большой бар в отеле «Раффлз». Не жизнь, а сказка!

– По-моему, мы будем жить на Орчард-роуд.

– И у вас есть дочка-школьница? Будет гостить у Луизы на каникулах? С нетерпением жду встречи с ней. Нам здесь не хватает молодежи. Я бы мог познакомить ее с окрестностями...

– Она четыре года прожила в Пенмарроне, – холодно заметила Молли, – так что едва ли нуждается в экскурсоводе.

– Ну да. Разумеется, вы правы. – Язвительное замечание Молли, похоже, ничуть не обескуражило толстокожего полковника, и он все не унимался. – Но все-таки неплохо, когда рядом старый друг.

При мысли о таком друге для Джудит Молли переполнило глубокое отвращение. Фосетт не нравился ей. Она не могла сказать почему, указать определенную причину – просто безотчетная антипатия. Очевидно, он абсолютно безобидный человек, к тому же – старый друг Луизы, а Луиза далеко не глупа, она – стреляный воробей. И все же – как она терпит его присутствие? Почему не возьмет за шкуру и не выкинет за дверь, как собачонку, наделавшую на дорогой ковер?

Жар от камина вдруг сделался нестерпимым, в комнате стало нечем дышать. Молли ощутила, как горячая волна поднимается по телу вверх, добирается до лица и бросается в щеки пылающим румянцем. Она почувствовала, что не может больше выносить этого ни единой секунды, оттянула манжету и посмотрела на часы.

– Простите меня, я на минутку вас покину. – Нужно выбраться на улицу, на свежий воздух, или она, не дай бог, упадет в обморок прямо у них на глазах. – У Джесс такой беспокойный сон, проверю, как она... – Молли встала и попятилась к лестнице. – И сразу назад.

Луиза, к счастью, не заметила ее замешательства и лихорадочного румянца на лице.

– Почему бы тебе не налить себе еще полбокала, когда вернешься, – предложила она.

Оставив их вдвоем, Молли поднялась наверх, в спальню. Джесс мирно спала. Молли достала из гардероба теплое пальто и накинула его на плечи. Выйдя из комнаты, спустилась по

¹⁹ Корнуолльская Ривьера – так иногда называют Корнуолл с его морскими курортами и исключительно мягким климатом.

²⁰ Мемсаиб – почтительное обращение к замужней европейской женщине в Индии.

черной лестнице в столовую, где для них с Луизой уже был накрыт стол на двоих. Двустворчатая застекленная дверь в дальнем конце столовой вела в маленький садик с вымощенными дорожками, окруженный высокой живой изгородью из эскалонии, частично защищающей его от ветра. Здесь Луиза выращивала скальные растения и душистый тимьян, а в хорошую погоду устраивала непринужденные, неофициальные ужины или вечеринки на свежем воздухе. Отдернув тяжелые бархатные портьеры, Молли отодвинула задвижку двустворчатых дверей и вышла наружу. В ту же секунду на нее яростно набросился ветер, вырывая из рук тонкие створки, и пришлось с ним побороться, пока она осторожно закрывала за собой дверь, опасаясь громким стуком привлечь внимание. Потом она обернулась навстречу вечерней тьме и с облегчением отдала наконец свое разгоряченное тело пронизывающему холоду, словно встав под ледяной душ. Набрав полные легкие чистого, холодного воздуха, Молли уловила запах далекого моря. Ей было безразлично, что ветер растрепал ее прическу.

Стало лучше. Молли закрыла глаза, ощущение удушья прошло. Она освежилась, остудилась, успокоилась. Открыв глаза, посмотрела в небо. В вышине мерцал, то угасая, то снова загораясь, лунный серп, неслись черные тучи. Над головой раскинулось звездное небо – бесконечное пространство, космос. Молли превратилась в ничто, в микроскопическую частичку разума, затерявшуюся в мироздании, и сердце ей сдавил невыносимый страх, знакомое паническое чувство. «Кто я? Где я? Куда я иду и что меня там ждет?» Она знала, что охвативший ее ужас не имеет отношения к этой ночи с ее разбушевавшимися стихиями. Ветер и мрак были явлениями знакомыми и привычными, а страх и неясные предчувствия коренились не где-то вовне, а внутри нее самой.

Она затрепетала от ужаса. «И призрак, вставший над твоей могилой...», – прозвучало у нее в памяти. Нашупав полы своего толстого пальто, Молли запахла их на груди. Попыталась думать о Джудит, но это было тяжелее всего – словно вспоминать дитя, которого уже нет на свете, с которым никогда больше не свидишься.

Она заплакала, изливая в слезах свое материнское горе. Слезы подступали к глазам, переполняли их и скатывались солеными каплями вниз по щекам, тотчас осушаемые порывами ветра. Они дарили чувство облегчения, и она не пыталась их сдерживать. Постепенно ее ужас и растерянность растаяли, Молли снова стала сама собой. Она не имела представления, сколько времени прошло, но почувствовала внезапно, что очень замерзла и не может больше стоять на ветру. Она повернулась и вошла в дом, закрыв за собой створки дверей и задернув их портьерами. Поднялась вверх в спальню по черной же лестнице, ступая мягко, по возможности беззвучно. Повесила пальто в шкаф и, кинув взгляд на кровать, испытала искушение забиться под одеяло и уснуть в блаженном одиночестве. Но вместо этого отерла лицо смоченным в горячей воде хлопчатобумажным полотенцем, припудрилась и причесалась и тогда только, полностью приведя себя в порядок, вернулась в гостиную.

Когда она спустилась, Луиза взглянула на нее с недоумением:

– Молли, где ты так долго пропадала?

– Сидела с Джесс.

– Все в порядке?

– О да, – ответила Молли. – В полном порядке.

Школа Св. Урсулы

2 февраля 1936 г.

Дорогие мама и папа!

Воскресенье у нас день переписки, и вот я пишу вам это письмо. У меня все отлично, понемногу привыкаю к новому месту. Выходные тут проходят интересно. По утрам в субботу мы готовим уроки, а днем играем на воздухе в игры. Вчера мы играли в нетбол и в «банку». Воскресным утром мы ходим в церковь, выстроившись парами в ряд, – очень скучное путешествие, и в

самой церкви порядком скучно, приходится часто вставать на колени, там кадят ладан, и одной девочке от него стало плохо. Потом мы возвращаемся на обед, после чего опять променады (будто прогулки в церковь мало), и вот – время, отведенное для писания писем, и чай. После чая наступает самое приятное: мы идем в библиотеку, и мисс Катто читает нам вслух. Сейчас она читает «Овечий остров» Джона Бакана – очень интересно, дожидаться не могу продолжения, так хочется узнать, что будет дальше.

С учебой все в порядке, я не отстаю от остальных, если не считать французского, но французским я занимаюсь дополнительно. По вторникам у нас занятия физкультурой, очень трудно лазать вверх по канату. Каждое утро мы ходим на молитву в спортзал и поем церковный гимн. Вообще, музыки много, и раз в неделю мы слушаем классику в грамзаписях. По пятницам целый час занимаемся пением – мне очень нравится. Пою песни вроде «Красавицы с Ричмондского холма» и «Как-то раз рано утром».

Нашу классную наставницу зовут мисс Хорнер, она преподает английский и историю. Ужасно строгая. Меня назначила дежурной по доске: я должна следить, чтобы доска была чистой и чтобы всегда был мел.

Со мной в комнате спят еще пять девочек. Госпожа экономка ни капельки не доброжелательная. Надеюсь, что я не заболею и не попаду к ней в руки. Ты помнишь девочку, которая покупала школьную одежду вместе с нами? Ее зовут Лавди Кэри-Льюис, мы с ней в одной спальне, только она спит у окна, а я – у двери. Она единственная во всей школе уезжает на выходные домой. Она на год младше меня. Я с ней еще толком не общалась, потому что у нее есть подруга, Вики Пейтон, которая ездит домой каждый день. Они давно знают друг друга.

Я получила письма от тети Луизы и тети Бидди. И открытку от Филлис. Короткие каникулы в середине триместра начинаются 6 марта, мы будем отдыхать четыре дня, и тетя Луиза купит мне велосипед.

Сейчас здесь очень холодно и сыро. Только некоторые местечки в школе более или менее теплые, а вообще везде стоит холодина. Самое ужасное – это хоккей, потому что мы играем с голыми коленями и без перчаток. У некоторых девочек бывают даже легкие обморожения.

Папин подарок все еще не пришел. Только бы он не потерялся в дороге и миссис Саути не забыла переслать его сюда.

Надеюсь, что все вы здоровы и что морское путешествие было приятным. Я нашла на карте Сингапур. Это ужасно далеко!

Люблю всех вас и целую Джесс,
Джудит.

Почетную должность «старшей ученицы» в «Святой Урсуле» занимала рослая девица по имени Диэдри Лидингем. Она заплетала свои каштановые волосы в две длинные косы и обладала великолепным бюстом, а ее темно-зеленое форменное платье-сарафан украшали многочисленные школьные спортивные награды и знаки отличия. По слухам, после окончания школы она собиралась поступать в Бедфордский колледж физической культуры – учиться на школьного игрового тренера. На опорные прыжки через «коня» в ее исполнении стоило посмотреть. Кроме того, Диэдри солировала в школьном хоре, и неудивительно, что она была предметом страстного обожания для многих впечатлительных девочек помладше, которые писали ей анонимные послания на выданных из тетрадок листах и отчаянно краснели, стоило ей бросить им похода хотя бы одно словечко.

Обязанности ее были многочисленны и разнообразны, и она выполняла их с превеликим тщанием: давала звонки, сопровождала мисс Катто на утреннюю молитву, выстраивала девочек попарно в длинную, расхлябанную вереницу для еженедельного похода в церковь. Помимо прочего, выдавала адресованные ученицам письма и посылки, которые ежедневно доставлял почтовый автофургон. Это мероприятие происходило каждый день во время свободного полу-часового перерыва перед обедом. С видом многоопытного продавца за прилавком Диэдри вставала за большим дубовым столом в главном вестибюле и раздавала конверты и пакеты.

– Эмили Бэкхаус!.. Дафни Тэйлор! Дафни, приведи в порядок свои волосы к обеду – они выглядят ужасно... Джоан Бетуорти!.. Джудит Данбар!

Объемистая тяжелая посылка, обклеенная заграничными почтовыми марками и багажными ярлыками, была зашита в толстую мешковину и крепко перетянута бечевкой.

– Джудит Данбар! – повторно позвала Диэдри.

– Ее нет, – сказала одна из девочек.

– Где она?

– Не знаю.

– Так... Почему она отсутствует? Эй, кто-нибудь, сходите за ней и приведите сюда! Хотя нет, подождите. Есть здесь кто-нибудь из ее спальни?

– Я.

Найдя глазами девочку, стоявшую в задних рядах, Диэдри нахмурилась: это была Лавди Кэри-Льюис. Старшая уже успела настроиться против этой самоуверенной новенькой. Уже дважды Диэдри поймала девчонку с поличным, когда та бежала по коридору (тягчайшее преступление), а один раз была шокирована, застав ее в раздевалке с мятной конфетой во рту.

– Почему Джудит отсутствует?

– Я тут ни при чем, – ответила Лавди.

– Не груби! – Похоже, на эту Кэри-Льюис стоило сегодня наложить небольшую епитимью. – Давай-ка отнеси ей эту посылку. И скажешь: пусть присутствует на «письмах» каждый день. Посылка увесистая, смотри не урони.

– И где мне ее искать?

– Это меня не касается. Поищешь – найдешь... Розмари Касл! Тебе письмо...

Лавди подошла, забрала огромную посылку и, прижав ее к своей худенькой груди, направилась по натертому до блеска полу в длинную столовую, а оттуда – в коридор, который вел в классы. Зайдя в класс Джудит и увидев, что там никого нет, она повернула обратно и стала подниматься по широкой лестнице, ведущей в спальни.

Навстречу ей спускалась дежурная.

– Господи, что это у тебя?

– Посылка для Джудит Данбар.

– Куда ты ее тащишь?

– Диэдри приказала мне отнести посылку Джудит, – с апломбом ответила Лавди, чувствуя себя в неприкосновенности, поскольку исполняла поручение начальства.

Это охладило пыл дежурной.

– А... ну, тогда ладно. Но чтобы ни один из вас не опоздал на обед!

Показав язык спине удаляющейся дежурной, Лавди продолжила свой путь. Ее ноша с каждым шагом становилась все тяжелее. Что же там такое? Вскарabкавшись на лестничную площадку, девочка свернула в очередной длинный коридор, добралась наконец до своей спальни, толкнула плечом дверь и ввалилась внутрь.

Джудит мыла руки, стоя у раковины, единственной на шестерых обитательниц комнаты.

– Наконец-то я тебя нашла! – выдохнула Лавди, свалила посылку на кровать Джудит и сама упала рядом, словно в полном изнеможении.

Неожиданное появление Лавди, и знаменательный повод для него, и сам факт, что впервые они оказались вдвоем, без докучливых посторонних, – все это вызвало у Джудит приступ мучительной, нелепой застенчивости. С первой же их встречи Лавди очаровала ее, и Джудит очень хотела познакомиться с ней поближе. Поэтому самым большим разочарованием для Джудит за первые две недели пребывания в «Святой Урсуле» было то, что Лавди не обращала на нее никакого внимания, даже, по всей видимости, не вспомнила ее, из чего Джудит сделала неутешительный вывод о своей полнейшей никчемности.

«...У нее есть подруга, Вики Пейтон, которая ездит домой каждый день. Они давно знают друг друга», – обмолвилась она в письме к матери, но эти нейтральные фразы были призваны завуалировать истинные чувства Джудит, скрыть, как страдает ее природная гордость: вдруг мама подумает, что она обижена и расстроена безразличием Лавди! На переменах и после спортивных игр она тайком наблюдала, как Лавди и Вики, болтая и заливаясь смехом, вместе пьют утреннее молоко или возвращаются в школу с хоккейного поля, – и страшно завидовала их закадычной дружбе.

Нельзя сказать, чтобы Джудит осталась без подруг. Она уже познакомилась со всеми своими одноклассниками и знала по именам всех постоянных посетительниц школьной комнаты отдыха, но среди них для нее не нашлось настоящей, близкой подруги, какой была Хетер Уоррен. А довольствоваться вторым сортом Джудит не собиралась. Ее отец когда-то говорил: «Если ты попадаешь на многолюдную вечеринку, лучше держаться подальше от того, кто первым полезет к тебе с разговорами, – он наверняка окажется главнейшим местным занудой». Эти мудрые слова запечатлелись у нее в сознании. В конце концов, в школе-интернате тоже попадаешь в компанию множества людей, с которыми у тебя мало общего, и требуется время, чтобы отделить зерна от плевел.

Но Лавди Кэри-Льюис, смутно ощущала Джудит, была не такой, как все. Она была особенной. И вот она говорит с нею.

– Мне велено сделать тебе выговор за то, что ты не явилась на «письма».

– Я заправляла ручку и запачкала ладони чернилами. А теперь никак не отмыть.

– Попробуй потереть пемзой.

– Я не выношу ее, она противная на ощупь.

– Да, я тоже терпеть не могу до нее дотрагиваться... Короче, Диэдри сказала, чтобы я нашла тебя и принесла тебе вот это. Весит целую тонну. Давай откроем – хочется глянуть, что там внутри.

Джудит стряхнула капли воды с рук, потянулась к полотенцу и принялась вытирать их.

– Вероятно, это рождественский подарок мне от папы.

– Рождественский подарок?! Но ведь уже февраль.

– Знаю. Шел целую вечность. – Она подошла и присела на свою кровать, внушительных размеров куб оказался между нею и Лавди. Увидев марки, почтовые штампы и таможенные ярлыки, Джудит улыбнулась. – Так и есть. Я уж думала, никогда не придет.

– Почему он шел так долго?

– Он послан из Коломбо, с Цейлона.

– Твой отец живет на Цейлоне?

– Да. Он там работает.

– А мама?

– Она как раз недавно уехала к папе, теперь будет жить там. И моя младшая сестра поехала с ней.

– Так, значит, ты совсем одна? Одна как перст! Где же твой дом?

– В данный момент – нигде. У нас больше нет своего дома в Англии. А живу я у тети Луизы.

– Кто это? Где она живет?

- Я же говорю – моя тетя. Она живет в Пенмарроне.
- У тебя есть братья или сестры?
- Только Джесс.
- Та, что уехала с твоей мамой?
- Да.
- Господи, какой кошмар! Очень тебе сочувствую. Я и не знала... Когда я увидела тебя в магазине...
- Так ты меня видела?!
- Ну конечно видела. Что же я, по-твоему, слепая?
- Нет, конечно. Просто ты не говорила со мной. Я думала, может, ты меня не узнала.
- Но ты сама не говорила со мной.
- Это было верно, и Джудит попыталась объяснить:
- Ты всегда ходишь с Вики Пейтон. Я думала, она твоя подруга.
- Естественно, она моя подруга. Мы вместе начали ходить в школу, я знаю ее чуть ли не всю свою жизнь.
- Мне казалось, она – твоя лучшая подруга...
- Ах, «лучшая подруга»! – передразнила Лавди, на ее живом лице заиграло лукавое выражение. – Так говорят образцовые персонажи детских книжек. Как бы там ни было, – заметила она, – мы уже разговариваем, так что все в порядке. – Она положила ладонь на посылку. – Ну, открывай. Мне не терпится посмотреть, что там. Раз уж я тащила ее на своем горбу через всю школу, могу я хоть взглянуть, что это за штука?
- Я и так знаю, там то, что я просила: большой ларец из кедрового дерева с китайским замочком.
- Тогда поторапливайся. А то прозвенит звонок на обед, и мы ничего не успеем.
- Но Джудит не хотелось открывать посылку второпях. Она так долго предвкушала этот момент, что теперь, когда долгожданный подарок наконец лежал перед ней, ей хотелось продлить свою радость как можно дольше. Если уж распаковывать посылку, то не спеша, когда будет время внимательно рассмотреть каждую деталь новой вещи, о которой она так давно мечтала.
- Сейчас нет времени. Потом распакую, перед ужином.
- Лавди была вне себя от досады и разочарования.
- Но я тоже хочу посмотреть!..
- Мы откроем посылку вместе. Обещаю, я не стану ничего делать без тебя. Переоденемся к ужину поскорее, и у нас останется масса времени. Тут долго придется повозиться, чтобы снять все эти обертки и упаковки. Так что давай подождем. И полдня можно будет предвкушать что-то приятное.
- Ну ладно, будь по-твоему, – очень неохотно согласилась Лавди на ее уговоры. – Одного понять не могу – откуда у тебя столько терпения?
- Просто я хочу растянуть удовольствие.
- У тебя есть фотография твоего отца? – Лавди бросила взгляд на ее комод, который ничем не отличался от остальных пяти.
- Есть, но снимок не очень удачный. – Джудит взяла с комода карточку и протянула ее Лавди.
- Это он, в шортах? Очень приятный на внешность. А это твоя мама? Да, ну разумеется, это она. Я узнала ее. А почему здесь нет Джесс?
- Ее тогда еще не было на свете. Ей всего четыре года. Папа еще никогда ее не видел.
- Никогда не видел ее?! Ушам своим не верю. Что же он скажет, когда наконец увидится с ней? Она же подумает, что он какой-то чужой человек, в крайнем случае – дядя или там... еще кто-нибудь, но никак не отец. Хочешь посмотреть мои фотографии?

– Да, очень. Если ты не возражаешь.

Они встали с кровати и перешли в другой конец комнаты, где спала Лавди. Благодаря соседству с большими окнами здесь было гораздо уютнее и светлее. Школьные правила разрешали иметь только две фотокарточки, но у Лавди их было штук шесть.

– Это мама в белом песце, здесь она такая красивая. А это папчик... ну разве он не чудо? В тот день он охотился на фазанов, поэтому с ружьем. А с ним – Тигр, это его пес, породы лабрадор. А здесь – моя сестра Афина и мой брат Эдвард. А вот и Пеко Пекинесский, его ты видела в магазине.

Джудит рассматривала фотографии в безмолвном восхищении: вся эта семья, состоящая из таких красивых, элегантных, блистательных людей, словно сошедших с глянцевых страниц какого-нибудь дорогого светского журнала, безвозвратно покорила ее сердце.

– Сколько лет твоей сестре?

– Восемнадцать. В прошлом году был ее первый лондонский светский сезон, а потом она отправилась в Швейцарию изучать французский. Она и сейчас еще там.

– Она хочет стать учительницей французского или что-нибудь в этом роде?

– Ты с ума сошла! Да она за всю свою жизнь палец о палец не ударила.

– Чем же она будет заниматься, когда вернется из Швейцарии?

– Просто жить в Лондоне. У мамы есть домик на Кэдоган-Мьюз. У Афины целая толпа поклонников, ее постоянно приглашают на уик-энды и все такое.

Неплохо, наверно, вести такой образ жизни.

– Она похожа на кинозвезду, – мечтательно, с легкой завистью проговорила Джудит.

– Да, есть немного.

– А твой брат?

– Эдвард? Ему шестнадцать. Он учится в Харроу²¹.

– Моему двоюродному брату тоже шестнадцать. Он учится в Дартмуте. Его зовут Нед. Твоя мама... – Джудит запнулась, – по ней никак не скажешь, что у нее почти взрослые дети.

– Все так говорят. Мне уже надоело это выслушивать. – Лавди положила обратно последний снимок и плюхнулась на свою застеленную белым покрывалом кровать. – Тебе нравится здесь? – вдруг спросила она.

– Где? В школе, ты хочешь сказать?.. В общем, да.

– Ты хотела здесь учиться?

– Не очень-то. Но у меня не было выбора. Я должна была поступить в пансион.

– Из-за того, что твоя мама уезжала?

Джудит кивнула.

– А я хотела пойти именно сюда, – призналась Лавди. – Потому что эта школа рядом с домом. В сентябре меня отправили в одно ужасное заведение в Хэмпшире, и я так тосковала по дому, что плакала недели напролет, а потом взяла и убежала.

Хотя Джудит и знала эту историю от продавщицы из «Медуэйза», она снова пришла в восхищение.

– Как ты только могла решиться на такое, ты такая смелая!

– Никакая я не смелая. Просто я поняла, что больше не могу оставаться в том гадком месте ни минуты. Я должна была вернуться домой. Сбежать – это только кажется трудно, а на самом деле очень даже легко. Я просто доехала на автобусе до вокзала в Винчестере, а потом села на поезд.

– Тебе нужно было делать пересадки?

– Да, два раза, но я просто спрашивала у людей. А когда вышла в Пензансе, позвонила маме из телефона-автомата, чтобы она приехала и забрала меня. Когда мы вернулись домой,

²¹ Престижная закрытая частная средняя школа для мальчиков в лондонском пригороде Харроу.

я сказала ей, чтобы она никогда-никогда не отправляла меня так далеко от дома, и она пообещала, что больше не будет. Вот я и поступила в «Святую Урсулу», и когда мисс Катто узнала о моем побеге, то предложила маме забирать меня на выходные домой: она не хотела, чтобы такое повторилось у нее в школе.

– Значит...

Но у них не хватило времени для продолжения этого увлекательного разговора, ибо в это мгновение все здание школы сотряслось от пронзительного звонка, сзывающего учениц на обед.

– О черт, это невыносимо! Как я ненавижу этот звук. Сегодня у нас вторник – на сладкое будет чернослив с заварным кремом. Пошли скорее, а то опоздаем и получим нагоняй.

Они побежали вниз по лестнице, возвращаясь каждая в свой класс, и успели перекинуться еще парой слов.

– Ну так встречаемся перед ужином в спальне. И распакуем посылку вместе.

– Жду не дождусь!..

Все изменилось словно по волшебству. Джудит, конечно, и раньше посещали резкие смены настроения, и иногда она ощущала беспричинное счастье. Но сейчас все было по-другому. Произошло событие. Целый ряд событий. Пришел наконец ее рождественский подарок, и благодаря этому удалось завязать дружеские отношения с Лавди Кэри-Льюис, а впереди ее ждала торжественная распаковка кедрового ларца. По мере того как время близилось к вечеру, воодушевление Джудит подкреплялось другими приятными неожиданностями, и ей стало казаться, что сегодняшний день заколдован какими-то добрыми чарами и все ее желания будут исполняться. Во время обеда на сладкое оказался не чернослив с заварным кремом, который она терпеть не могла, а ванильный бисквит с патокой – пальчики оближешь. А потом она получила восемь баллов из десяти за тест по французским глаголам, а когда пришло время облачаться в хоккейную форму и отправляться на ветреное поле, хмурое, дождливое утро уже успело превратиться в прекрасный день: небо прояснело, девственно засинело, ветер был несильный, вполне терпимый, а ранние нарциссы, растущие вдоль дорожек, ведущих на игровые поля, уже начинали распускаться желтыми цветками. Джудит даже хоккей понравился, энергия в ней переливалась через край, и она легко носилась взад и вперед, точными ударами посылая кожаный мяч в нужное место всякий раз, как он попадал к ней. Она настолько хорошо показала себя на поле, что тренер мисс Фэншоу – вооруженная свистком крепко сбита дама с мальчишеской стрижкой, всегда скупая на похвалу, – похлопала ее по спине в конце игры: «Браво, Джудит! Продолжай в том же духе, и зачислим тебя в школьную команду».

Потом был чай, приготовление уроков – и вот наконец пришло время переодеться к ужину. Джудит опрометью бросилась на второй этаж, в спальню, перескакивая через две ступеньки разом, задернула свое спальное место белой хлопчатобумажной занавеской и сорвала с себя одежду. Ей удалось даже захватить душевую, пока туда не забежал кто-нибудь еще, но, как она ни спешила, Лавди ее все-таки опередила: когда Джудит вернулась из душа, она уже поджидала в спальне, одетая в уставной вечерний костюм – грязновато-зеленое габардиновое платье с белыми полотняными манжетами и воротничком.

– Ого! Ну и быстро же ты управилась! – вскричала Джудит.

– Мы играли в нетбол, так что я не очень вспотела и не стала принимать душ. Одевайся скорей, и приступим. Я уже достала свои маникюрные ножницы, чтобы обрезать веревку.

Джудит натянула как попало платье, застегивая пуговицы на лифе и одновременно запиная ноги в туфли, прошлась разок щеткой по волосам, завязала их сзади ленточкой в хвост, и – готово! Она взяла ножницы Лавди и разрежала бечевку, но потом ей пришлось еще распарывать грубые швы, которые держали мешковину. Под ней оказался слой коричневой оберточной бумаги, далее – толстая амортизирующая прокладка из покрытых причудливыми восточными

письменами газетных листов, которые сами по себе представляли увлекательное зрелище. Все имело пряный чужеземный запах. Последним слоем упаковки оказалась белая глянцевая бумага. Наконец и она была безжалостно сорвана, и рождественский подарок предстал во всей красе. Девочки молча сидели, не в силах оторвать от него глаз.

Наконец Лавди нарушила молчание.

– Вот это да! – выдохнула она удовлетворенно.

Ларец в самом деле был искусной работы, о такой красоте Джудит даже не дерзала мечтать. Дерево медового цвета, гладкое, как атлас, сплошь покрывала замысловатая резьба. На декоративной серебряной защелке был вычеканен цветочный узор, «китайский» замок, выполненный в виде маленького висячего замочка, изящно врезан в дерево. Ключ был прикреплен полоской клейкой бумаги к крышке ящика. Лавди тотчас же отцепила его и вручила Джудит, и та вложила ключ в замочек. Скрытая пружинка сжалась, и замочек открылся. Джудит подняла крышку ларца. Сверху выскользнуло зеркало, и крышка оказалась подпертой в открытом положении. Передняя часть ларца распаивалась надвое, наподобие крыльев, открывая два вертикальных ряда миниатюрных выдвижных ящичков. Воздух наполнился благоуханием кедра.

– Ты заранее знала, что все будет так? – спросила Лавди.

– Примерно. У мамы был такой ларец, когда мы жили в Коломбо. Поэтому я и попросила в подарок что-то подобное. Но я и представить не могла, что он будет такой красивый.

Она открыла один из выдвижных ящичков. Он легко и мягко вышел наружу, обнажая «ласточкины хвосты» крепежных соединений и блестящую красноватую лакировку внутренней поверхности.

– Какое чудесное место для хранения драгоценностей! И главное – ты можешь запереть его на ключ. А ключ повесить на шею. Я тебе страшно завидую, честное слово... Давай опять закроем его и запрем, я теперь сама хочу попробовать...

Они могли бы играть в эту новую игрушку до бесконечности, если бы в комнату не ворвалась экономка. Услышав их голоса, она резко задернула занавески, за которыми уединились Джудит и Лавди, куски ткани со зловещим присвистом разъехали в стороны, и девочки, вздрогнув от испуга и неожиданности, подняли головы и встретились со свирепым взглядом экономки. Ее грозную наружность несколько не смягчал платок медсестры, который она носила, низко надвинув на самые брови, словно монахиня.

– Чем это вы тут занимаетесь вдвоем? Шушукаетесь? Знаете же отлично, что устраивать посиделки на кроватях запрещается!

Джудит открыла было рот, чтобы извиниться, – она побаивалась экономки. Зато Лавди не боялась никого на свете.

– Вы только взгляните, госпожа экономка, – просто чудо, правда? Это Джудит получила от своего отца в подарок на Рождество, только вот с Цейлона посылка долго сюда добиралась, поэтому и вышло с запозданием.

– А ты почему находишься на спальном месте Джудит?

– Я всего лишь помогала ей распаковать посылку. Нет, вы все-таки посмотрите сюда: в этом ларце есть замок и прелестные выдвижные ящички...

Демонстрируя экономке красоты цейлонского ларца, Лавди выдвинула один из ящичков, и ее вкрадчивые движения, слова и взгляды были исполнены такого соблазна, что фурия слегка успокоилась и даже сделала шаг вперед, чтобы поглядеть через очки на предмет, лежащий на кровати.

– Ничего не скажешь, – признала фурия, – изящно сработано. Какая милая вещица... – Но тут же вернулась к своей обычной манере. – Джудит, и где же ты, интересно, собираешься его держать? В твоём шкафчике для него нет места!

Об этой проблеме Джудит как-то не подумала.

– Может быть... я заберу его к тете Луизе на каникулах.

– А у вас не найдется надежного местечка, госпожа экономка? – встряла хитрая Лавди. – В палате для больных, например, или еще где-нибудь? В одном из тех шкафов? На время, только до каникул?..

– Ладно, посмотрим. Может быть, где-нибудь найдется. А вы пока уберите отсюда весь этот мусор и приведите все в порядок до звонка к ужину. А ты, Лавди, как все сделаете, ступай назад к себе, и держитесь, если я опять застану вас...

– Слушаюсь, госпожа экономка. Простите, госпожа экономка. И спасибо вам, госпожа экономка.

Тон, которым все это говорилось, был так кроток и полон раскаяния, что экономка растерялась. С минуту она подозрительно всматривалась в лицо Лавди, но та лишь невинно улыбалась, и, не найдя повода для претензий, экономка торжественно удалилась. Девочки сохраняли на своих лицах самую что ни на есть серьезную мину, дожидаясь, пока она окажется за пределами слышимости, и только тогда залились безудержным смехом.

*Школа Св. Урсулы
Воскресенье, 9 февраля
Дорогие мама и папа!*

Наконец-то! Мой рождественский подарок пришел на этой неделе, и огромное, огромное спасибо тебе, папа, это как раз то, что я хотела, и даже лучше! Я так боялась, что он затерялся в дороге. У меня нет места, чтобы держать его в спальне, поэтому госпожа экономка забрала его и положила к себе, в нижнее отделение медицинского шкафа, что, по-моему, очень любезно с ее стороны. Правда, теперь я не могу любоваться им. Когда тетя Луиза придет, чтобы увезти меня на каникулы (29 февраля), я возьму ларец с собой и оставлю его в своей комнате в Уиндириджес. Еще раз спасибо, я просто в него влюбилась.

И спасибо тебе, мама, за письмо, которое ты отправила из Лондона перед отплытием. Надеюсь, что твой вояж прошел очень приятно и что Джессс понравился корабль.

Лавди Кэри-Льюис помогала мне распаковывать посылку, и вообще она очень милая. Она озорная и настырная, но всегда как-то умудряется выйти сухой из воды, и ей совершенно безразлично то, что говорят другие. Ее отправили в «Святую Урсулу» потому, что она хочет быть поближе к дому. Их дом называется Нанчетроу, и там у нее есть собственный пони.

В комнате отдыха мы сейчас делаем вещи для благотворительного базара. Мы с Лавди шьем из лоскутков наволочку для диванной подушки. Я ошиблась, думая, что у Лавди с Вики Пейтон какая-то особенная дружба, просто они давно знают друг друга. Мы всегда очень приветливы с Вики, когда она говорит с нами, к тому же Вики дружит еще с одной девочкой, которую тоже каждый день забирают домой, так что, я думаю, она не в обиде на нас с Лавди.

У Лавди есть сестра Афина, которая сейчас живет в Швейцарии, и брат Эдвард, он учится в Харроу. У ее отца есть собака по кличке Тигр.

Я делаю успехи во французских глаголах, а завтра у меня тест по пению: решится, буду я петь в школьном хоре или нет.

*С любовью, и обнимаю Джессс,
Джудит.*

На следующей неделе, в среду, когда Джудит послушно явилась на «письма», готовая забрать любую имеющуюся для нее почту, Диэдри Лидингем сообщила ей, что писем для нее сегодня нет, но зато ее хочет видеть мисс Катто, тотчас же, до обеда.

Джудит помертвела от страха, у нее засосало под ложечкой. Она почувствовала обратившиеся на нее со всех сторон взгляды, исполненные трепета и невольного почтения, словно она, набравшись невообразимой смелости и наплевав на все школьные правила, совершила некий ужасающий проступок.

Она живо прозондировала свою совесть и не нашла за собой ничего предосудительного. Не бегала по коридору, не болтала после вечернего отбоя.

– Зачем она хочет меня видеть? – пискнула она с мышиной отвагой.

– Сама скоро узнаешь. Поторапливайся, она у себя в кабинете.

Джудит, трепеща, отправилась к директрисе.

Несмотря на то что строгое око мисс Катто постоянно держало под своим надзором все происходящее в школе, сама директриса – не исключено, что вполне сознательно, – держалась в отдалении от повседневных дел вверенного ей заведения. В то время как остальные учителя довольствовались простенькими спальнями, а большую часть времени проводили в вечно переполненной учительской, заваленной горами чайной посуды и кипами ученических тетрадей, мисс Катто имела собственные небольшие апартаменты на втором этаже старого корпуса здания, а ее кабинет, располагавшийся на первом этаже, был поистине святилищем и мозговым центром всей школьной жизни. Она пользовалась большим уважением, и стоило ей появиться в своей развевающейся черной мантии на утренней молитве или в столовой, где она занимала центральное место за преподавательским столом, как шум голосов разом умолкал и все – вся школа, как один человек, – поднимались на ноги.

Преподавала она только в старших классах, где ученицы боролись за хороший аттестат или готовились к поступлению в высшее учебное заведение, а с девочками из младших классов практически не соприкасалась. С Джудит мисс Катто разговаривала лишь однажды, в день ее приезда в «Святую Урсулу»: она поздоровалась, спросила, как ее зовут, и пожелала ей успехов. Но, как и любая другая ученица, Джудит ни на миг не забывала о существовании директрисы, она часто видела ее издали и постоянно ощущала ее незримое присутствие.

Поэтому вызов к мисс Катто был для Джудит серьезным испытанием.

Кабинет директрисы находился в конце длинного коридора, куда выходили двери многочисленных классных комнат. Выкрашенная в коричневый цвет дверь была закрыта. С пересохшим от волнения ртом Джудит легонько постучала костяшками пальцев по деревянной обшивке.

– Войдите.

Джудит открыла дверь. Мисс Катто сидела за столом. Она подняла глаза и положила ручку:

– А, Джудит,ходи.

Джудит вошла в комнату и прикрыла за собой дверь. Стояло ясное утро, и кабинет, выходящий окнами на южную сторону, где раскинулся школьный сад, был залит солнечным светом. На столе мисс Катто стоял кувшинчик с букетом первоцвета, а на стене у нее за спиной висела написанная маслом картина – небольшая бухта, море цвета индиго, вытасенная на берег лодка.

– Бери стул и присаживайся. И не смотри на меня таким затравленным взглядом – я не собираюсь тебя ни за что ругать, просто хочу поговорить. – Она откинулась на спинку кресла. – Как дела?

Мисс Катто не было еще и сорока; для высокой должности, связанной с большой ответственностью, она была сравнительно молода и обладала здоровым цветом лица и пружинистой походкой женщины, для которой отдых немыслим без свежего воздуха и физических упражнений. Ее темные, начинающие седеть волосы были зачесаны с гладкого лба назад и уложены на

затылке в безупречный пучок. Пронизывающий взгляд голубых ясных глаз мог быть в зависимости от обстоятельств и чарующим, и грозным. Под своей директорской мантией она носила синий костюм и шелковую блузку с галстуком-бабочкой. На руках никаких украшений, зато в ушах – жемчужные сережки-гвоздики, а к отвороту пиджака в деловом стиле приколата жемчужная брошка, похожая на мужскую булавку для галстука.

Джудит нашла стул, села и повернула голову к мисс Катто:

– Хорошо, мисс Катто, спасибо.

– У тебя очень даже неплохие оценки, я довольна твоей работой.

– Спасибо, мисс Катто.

Директриса улыбнулась, и строгое выражение на ее лице растаяло, сменившись выражением неподдельной сердечной теплоты.

– Получала известия от мамы?

– Да, я получила от нее письмо, посланное с Гибралтара.

– Все в порядке?

– В общем, да.

– Рада слышать. Итак, к делу. Ты, кажется, подружилась с Лавди Кэри-Льюис?

– Да, – ответила Джудит, а про себя подумала: неужели ни одна мелочь не ускользает от внимания мисс Катто?

– У меня сразу возникло чувство, что у вас с ней есть что-то общее, поэтому я и попросила госпожу экономку поместить вас в одном дортуаре. Дело в том, что мне позвонила миссис Кэри-Льюис, и речь шла о тебе: Лавди, как я понимаю, хочет, чтобы ты на выходные поехала к ним. Она что-нибудь говорила тебе об этом?

– Нет, ни слова.

– Молодец. Мать взяла с нее обещание, что она будет молчать, пока сама миссис Кэри-Льюис не поговорит со мной. Ты хочешь поехать в Нанчерроу?

– Хочу ли я?.. – Джудит не верила собственным ушам. – Ах, мисс Катто, я была бы счастлива!

– Однако ты должна понимать, что, разрешая тебе поехать, я делаю для тебя исключение, так как официально ты можешь покинуть школу только в каникулы. Но, учитывая все обстоятельства – то, что твоя семья за границей, – я подумала, что выходные в гостях у Кэри-Льюисов только пойдут тебе на пользу.

– О, я так вам благодарна!

– Ты поедешь вместе с Лавди в субботу утром и вернешься с ней в воскресенье вечером. Я позвоню твоей тете Луизе и поставлю ее в известность; она твой законный опекун и должна быть в курсе всех твоих дел.

– Я уверена, она не будет против.

– Я тоже так думаю, но необходимо соблюсти все формальности, к тому же этого требует вежливость. Итак... – Директриса встала и улыбнулась, давая понять, что разговор окончен; Джудит поспешно вскочила со стула. – Вопрос решен. Я дам знать миссис Кэри-Льюис. Теперь можешь идти и сообщить Лавди приятную новость.

– Хорошо, мисс Катто, и огромное вам спасибо...

– И не забывай, – мисс Катто повысила голос, – чтобы никакой беготни в коридорах!..

Джудит нашла Лавди в ее классе – вместе с другими девочками она дожидалась звонка на обед.

– Лавди, как ты могла не сказать! Гадкая девчонка!

Но Лавди заметила восторженное, счастливое выражение на разгрозившемся лице подруги и радостно взвизгнула.

– Не-Бегай-По-Коридору дала добро! Она согласилась! Вот уж не думала, что это получится!

Они схватились за руки и начали иступленно прыгать, точно воины дикого племени, исполняющие ритуальный танец по случаю одержанной победы.

– Но ты никогда не говорила мне, что просила свою маму...

– Я обещала ей, что ничего тебе не скажу. Мы боялись, что мисс Катто не согласится, а что может быть хуже разочарования? Ты не представляешь, чего мне стоило держать наш план в секрете! Это была мамина идея. Я рассказала ей о тебе, и она говорит: «Пригласи Джудит к нам», а я говорю ей, что тебя не отпустят из школы; тогда она отвечает: «Предоставь это мне». И ей удалось. У нее всегда получаются такие штуки. Папчик любит повторять, что она женщина с величайшим даром убеждения. Ах, это будет здорово! Мне не терпится показать тебе все. Скорей бы... Чего это ты вдруг погрузилась?

– Просто вспомнила, что у меня нет никакой одежды, кроме школьной. Вся моя домашняя одежда – у тети Луизы.

– О господи, что за ерунда! Возьмешь что-нибудь из моей.

– Твои вещи мне будут маловаты.

– Ну, тогда одолжишь у Афины. Или у Эдварда. Какая разница, в чем ты будешь одета? А я покажу тебе...

Но тут их разговор был прерван резким звонком на обед.

– Почему так хорошо дома, – сказала Лавди своим громким, звучным голосом, – так это потому, что там нет этих проклятых звонков! – И, получив от шокированной классной старосты «галочку» за поведение, вызывающе засмеялась.

Отъезд был намечен на десять часов утра. Девочки уже оделись, собрали вещи и были совсем готовы, когда Лавди вдруг осенила очередная блестящая идея:

– Твой кедровый ларец!

– Что такое?

– Давай возьмем его с собой. Сможем показать его маме.

Джудит засомневалась:

– А ей будет интересно?

– Ну конечно же интересно, что за дурацкий вопрос! Я уже рассказала ей о нем.

– Экономка придет в ярость.

– Отчего ей приходиться в ярость? Она только рада будет избавиться от лишней вещи, загромождающей ее шкаф. Ну а если она и будет недовольна, то нам-то какое дело? Если хочешь, я сама к ней схожу...

Но в конце концов они пошли вместе. Экономку они нашли в палате для больных, она пичкала какую-то тщедушную девочку солодовым экстрактом с ложечки. Как и ожидалось, она не выразила ни малейшей радости по поводу их прихода.

– Вы еще здесь? – Экономке не понравилось, что мисс Катто делает ради Джудит исключение из правил и отпускает ее на выходные к Кэри-Льюисам; она не скрывала своего неодобрения с того самого момента, как узнала об этой затее. – Если я не ошибаюсь, вам пора уезжать.

– Да, мы как раз собирались, – начала вкрадчивым голосом объяснять Лавди. – Но подумали и решили, что возьмем с собой ларец Джудит. Так он и вам больше не будет мешать, – прибавила она лукаво.

– Зачем вам понадобилось брать его с собой?

– Маме очень хочется посмотреть его. И у меня есть ракушки, которые мы хотели бы положить в ящички.

– Что ж, очень хорошо. Он внизу в медицинском шкафу. Но не приносите его опять ко мне, здесь не так много места, чтобы хранить чужие вещи. Слушай, Дженифер, может, хватит притворяться, что тебя сейчас стошнит? Это всего лишь солод, и он очень полезен для здоровья.

Девочки вызволили сундучок из его временного убежища, попрощались с экономкой и выскользнули вон; Джудит несла свое сокровище, а у Лавди в каждой руке было по сумке с самыми необходимыми для поездки вещами. Вниз по лестнице, потом по длинному коридору, самым скорым шагом, каким только возможно, не переходящим, однако, в запрещенный бег. Через столовую, через вестибюль...

Диэдри Лидингем прикрепляла расписание игр к обшитой грубым зеленым сукном доске объявлений.

– Куда это вы направились? – спросила она начальственным тоном.

– Домой, – бросила Лавди, и без дальнейших разъяснений они, пулей вылетев из открытых дверей, сбегали вниз по каменным ступенькам, оставив старшую ученицу стоять с разинутым ртом.

Стоял чудесный день – настоящая суббота: холодно и ветрено, по абсолютно голубому небу несутся большие белые облака. Машина Кэри-Льюисов уже стояла на гравиевой площадке, миссис Кэри-Льюис ожидала их за рулем, а на сиденье возле нее сидел Пеко Пекинеский.

Машина была великолепна – новый темно-синий «бентли» с длинным блестящим капотом и огромными серебристыми фарами. Несмотря на прохладную погоду, складной верх автомобиля был опущен. Миссис Кэри-Льюис была в мантии, а вокруг головы обмотан блестящий шелковый платок, чтобы волосы не лезли в глаза.

Лишь только они появились, она подняла руку:

– Ах, вот вы, милые мои! Я уже отчаялась вас дожидаться. Вы опоздали на пять минут.

– Мы ходили за ларцом Джудит. Мама, это Джудит.

– Здравствуй, Джудит, рада тебя видеть. Боже мой, а он прилично весит! Положите это все на заднее сиденье. Лавди, ты садись сзади и возьми к себе Пеко, а Джудит пусть садится со мной. Какое изумительное утро! Я не устояла перед искушением и опустила верх, в воздухе такой восхитительный аромат. Пеко, угомонись сейчас же! Ты же любишь сидеть на заднем сиденье. Держи его хорошенько, Лавди, а то он бросится в погоню за какой-нибудь коровой или овцой. Ну что, все готовы?..

И, не тратя времени на лишние разговоры, она включила зажигание. Мощный двигатель заурчал, и машина тронулась. Джудит откинулась на мягкую кожаную спинку и тайком испустила глубокий удовлетворенный вздох: последние несколько дней ее преследовали предчувствия, что случится нечто непредвиденное и их планы сорвутся. Но ничего не произошло – слава богу! Они проскочили в ворота, поехали по дороге, и вскоре «Святая Урсула» осталась позади и из настоящего стала прошлым.

Лавди трещала без умолку.

– В последний момент мы решили взять с собой ларец, и экономка разозлилась... да, Джудит? Понять не могу, отчего она вечно такая раздраженная, отчего она не может быть как Мэри? Боюсь, мы с Джудит не очень-то ей по душе. Правда, Джудит? Ма, а кто у нас будет в эти выходные? Кто-нибудь особенный?

– Вообще говоря, никого особенного. Только Томми Мортимер приедет из Лондона.

– О-го-го! – игриво воскликнула Лавди и хлопнула мать по плечу. – Томми Мортимер – это мамин ухажер, – пояснила она Джудит. – Он всегда привозит ей в подарок самые дорогие шоколадные конфеты из «Хэрроуз»²².

– О, Лавди, что за вздор ты мелешь! – Однако миссис Кэри-Льюис ничуть не казалась раздосадованной словами дочери – они позабавили ее, и только. – Джудит, ты не должна верить ни единому слову, которое произносит этот ребенок; да ты и сама, наверно, уже поняла.

²² «Хэрроуз» – фешенебельный универсальный магазин в Лондоне.

– Я говорю истинную правду, это тебе прекрасно известно. Афина считает, что уже много лет Томми от тебя без ума, поэтому он так и не женился.

– Афина любит выдумывать всякую чепуху даже больше, чем ты.

– Ты не получала от нее писем?

– Ах, дорогая, что за глупый вопрос! Ты же знаешь, в отношении писем Афина безнадежна. Зато Эдвард черкнул несколько строк. Пишет, что взял второе место по ракеткам²³. А сегодня утром появился Джереми Уэллс. Его пригласил папчик, и они втроем – папчик, Томми и Джереми – отправились в лес стрелять голубей.

– Джереми... Господи, я не видела его целую вечность! – Лавди любезно принялась просвещать Джудит: – Он очень славный. Когда-то Джереми был учителем Эдварда, еще в то время, как Эдвард готовился к поступлению в Харроу. И еще он был как бы кавалер Афины. Он брал ее на вечеринки, когда ей было лет шестнадцать. Его отец – наш семейный врач. А папчик просто души в нем не чаёт, потому что Джереми здорово играет в регби и в крикет, он капитан команды нашего графства.

– Дорогая, он любит его не только поэтому...

– Во всяком случае, он всегда ездит в Твикенхем, когда играет Корнуолл, а летом – на Лордз-Крикет-Граунд. И не устает твердить, какой Джереми первоклассный стрелок и какую уйму фазанов он перестрелял.

Диана Кэри-Льюис снисходительно рассмеялась.

– В этом есть доля правды, – согласилась она, – и все же я думаю, что их дружба не сводится к пальбе по всему, что пролетает мимо...

Джудит уже не слушала. Она начала немножко нервничать. Столько людей, столько нового, и весь этот мир бесконечно далек от всего, к чему она привыкла. Она очень надеялась, что в ближайшие два дня не опростоволосится и не обескуражит всех, себя в первую очередь, какой-нибудь бестактностью или невежественным промахом. Что касается Лавди, то Джудит никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из детей так разговаривал со своей матерью. Непридуманно болтая с ней, точно со своей одноклассницей, и даже поддразнивая насчет ее «ухажеров». Томми Мортимер. Более чем кто-либо другой из упомянутых он вызывал недоумение Джудит. У матерей, которых она знала, вообще не было «ухажеров», а если таковые и имелись, то это держалось в строжайшей тайне. Однако миссис Кэри-Льюис, похоже, совершенно не стыдилась того, что у нее есть поклонник-мужчина; пожалуй, даже гордилась этим. Она не только ни капли не беспокоилась, что вся ее семья (включая, по-видимому, и ее мужа) знает об этом, но и с удовольствием позволяла обсуждать такую деликатную тему.

«Похуже, меня ждет масса интересного», – подумала Джудит.

Они уже выехали за черту города, миновали маленькое рыбацкое селение и взобрались по крутому склону холма на уходящую вдаль пустынную равнину. Узкая дорога петляла вдоль прихотливо извивающихся каменных стен и изредка встречающихся ферм со старыми, низкими строениями, сбившимися в кучи, словно ищущими друг у друга защиты от ветра. Отлогие холмы, увенчанные доисторическими пирамидками, сложенными из гранитных валунов, тянулись до самых прибрежных скал, а за ними ослепительно блестело море, испещренное крапинками солнечных бликов. Далеко в море крошечные рыболовные суденышки боролись с волнами, в вышине с криками кружили чайки, карауля идущего за плугом пахаря с его лошадью, в ожидании, когда можно будет поживиться на свежевспаханной земле.

Пейзаж этой части Корнуолла сильно отличался от тех мест, где жила Джудит.

– Здесь очень красиво, – заметила она.

Миссис Кэри-Льюис улыбнулась:

– Ты разве никогда раньше не ездила по этой дороге?

²³ Ракетки – упрощенный вид тенниса на закрытом корте.

- Нет, так далеко мы не заезжали.
- Это не так далеко от Пенмаррона. В Корнуолле вообще не бывает больших расстояний.
- Да, если, конечно, есть машина.
- Разве у твоей мамы не было машины?
- Был «остин», семерка. Но она не очень-то любила на нем ездить. Так что мы обычно добирались до Порткерриса поездом.
- Вот как? Значит, она не любит водить?
- Да. Она постоянно очень нервничала, говорила, это потому, что в Коломбо ее всегда возил шофер. Но это нелепость, ей-богу, на самом деле она отличный водитель.
- Какой смысл иметь машину, если ты на ней не едешь? – вставила Лавди.
- Джудит почувствовала, что переусердствовала с упреками в адрес своей мамы и что пора ей, как верной дочери, заступиться за нее.
- Во всяком случае, лучше вообще не ездить на машине, чем водить, как моя тетя Луиза. Она гоняет свой «ровер» на скорости чуть ли не сто миль в час, причем, как правило, несется по встречной полосе. Мама всегда страшно боялась ездить с ней.
- Думаю, я бы тоже боялась на ее месте, – сказала миссис Кэри-Льюис. – Тетя Луиза – это кто?
- Сестра моего папы. Пока мама за границей, я буду проводить каникулы у нее. Она живет в Пенмарроне.
- Надеюсь, она не станет возить тебя на скорости сто миль в час?
- Нет, она обещала купить мне велосипед.
- Какая разумная женщина. И все-таки очень жаль, что твоя мама не любит водить машину. В этой части Корнуолла столько дивных бухточек и пляжей, а без машины их не обнаружишь. Ну да это ничего – мы покажем тебе все эти места, так и нам будет гораздо веселее, ты ведь никогда не видела их раньше. – Несколько секунд она молчала, потом спросила: – Как ты зовешь свою маму?
- Довольно странный вопрос, подумала Джудит.
- Мама.
- А как ты собираешься звать меня?
- Миссис Кэри-Льюис.
- Что ж, очень пристойно и почтенно. Мой муж одобрил бы. Но знаешь, я просто ненавижу, когда меня зовут «миссис Кэри-Льюис». У меня возникает ощущение, что за моей спиной стоит свекровь. Она была древней, как Господь Бог, и страшной, точно сам дьявол. Слава Небу, ее уже нет в живых, так что, по крайней мере, от этой головной боли ты избавлена.
- Джудит потеряла дар речи, но миссис Кэри-Льюис, к счастью, продолжала говорить:
- Если честно, мне нравится, когда меня называют либо Диана, либо «любимая», либо «мама». Поскольку ты мне не дочь, а «любимая» звучало бы в твоих устах странно, думаю, тебе лучше всего звать меня Дианой.
- Она повернула к ней голову, улыбнулась, и Джудит заметила, что расцветка ее узорчатого головного платка идеально подходит к ее синим глазам. Интересно, это случайность или же миссис Кэри-Льюис специально выбрала именно такой платок?
- Если вы не будете против...
- Да, мне было бы очень приятно. И проще всего начать прямо сейчас. Потому что если ты начнешь звать меня «миссис Кэри-Льюис», то никогда не сможешь перейти на «Диану». А для меня, признаюсь, это будет невыносимо.
- Я никогда не называла взрослых просто по имени.
- И очень зря. Это абсурд. Для чего тогда нам даются при рождении прекрасные имена? Ты скоро познакомишься с Мэри Милливей, няней Лавди – точнее, бывшей няней. Так вот, мы никогда не звали ее «няня», как принято, ведь Мэри – такое красивое имя. Да и вообще,

я терпеть не могу слова «няня». Мне тут же вспоминаются все эти занудные маменьки. – И, состроив презрительную мину, Диана произнесла гнусаво, с пародийной точностью воспроизводя великосветский выговор: – «Не-а-а-ни-ичка так сердита из-за того, что я разрешила Лусинде сидеть с нами допоздна...» Брр!.. Так что давай начнем сразу, как договорились. Значит, как ты меня будешь называть?

– Диана.

– А теперь так, чтобы все слышали.

– Диана!

– Ага, уже лучше. А теперь как насчет того, чтобы оглушить всю округу. Раз, два, три, все вместе...

– ДИАНА!!!

Ветер унес их голоса высоко в небо. Они громко хохотали, а дорога продолжала виться впереди серой лентой.

Через десяток-другой миль ландшафт неожиданно изменился, и они оказались в местности, покрытой глубокими лесистыми долинами с быстрыми маленькими речушками. На дне одной из таких долин расположился Роузмаллион: горстка побеленных домиков, огороженный двор фермы, паб и старинная церквушка с прямоугольной башней-колокольней, окруженная покосившимися, пожелтевшими от лишайника надгробиями. Они проехали по горбтому мосту, что перекинулся через сладко журчащую речку, затем дорога поползла круто вверх, и, когда они взобрались на вершину холма, в поле зрения показалась извилистая линия стены, а в ней – внушительные, высокие кованые ворота. В проеме распахнутых ворот, как картина в раме, открывался вид на длинную подъездную аллею, которая уходила, извиваясь, вдаль и терялась из виду. Диана повернула, и «бентли» шмыгнул в ворота.

– Это и есть?..

– Да. Это Нанчерроу.

Джудит замолчала, наблюдая за тем, как петляет впереди дорога, сворачивая то в одну, то в другую сторону; казалось, она будет тянуться бесконечно и не выведет их никуда. Внезапно ей стало немножко страшно в этом огромном парке. Она ни разу еще не видела такой длинной подъездной дороги и стала подозревать, что Нанчерроу – не простой дом, а настоящий замок, не исключено, что с крепостным рвом, подъемным мостом и даже собственным безголовым призраком, какие обычно водятся в старинных замках. Ее охватило тревожное чувство близящейся встречи с неизвестным.

– Нервничаешь? – спросила Диана. – Мы всегда называли это «фобией подъездных аллей». Я знаю, как замирает сердце, когда впервые приближаешься к незнакомому месту.

«Неужели она, плюс ко всему, еще умеет читать чужие мысли?» – поразилась Джудит.

– Подъездная дорога такая длинная...

– А как, по-твоему, будет выглядеть дом? – Диана рассмеялась. – Не волнуйся, это нисколько не страшно. Никаких привидений. Все они сгорели вместе со старым зданием во время пожара в тысяча девятьсот десятом году. Мой свекор просто пожал плечами и выстроил на этом месте новый дом, гораздо просторнее и удобнее. И оказалось, что это только к лучшему, – продолжала она с улыбкой, – в новом Нанчерроу старина слилась с современностью, при этом никаких тебе призраков или потайных ходов. Просто самый лучший в мире дом, в который мы все влюблены.

И когда они наконец подъехали к Нанчерроу, Джудит поняла, что имела в виду Диана. Дом вырос перед ней неожиданно. Обступающие дорогу деревья стали редеть и вскоре исчезли совсем, холодное зимнее солнце еще раз блеснуло из-за туч, дорога сделала последний поворот, и они оказались перед усадьбой. Выстроенная из гранита местной выработки, с шиферной крышей, она походила на традиционный фермерский дом. Два этажа и два ряда высоких окон, а выше – еще ряд маленьких мансардных окошек. Перед домом раскинулась обширная, усы-

панная морской галькой площадка для парковки автомобилей. Восточная стена одета густым покровом ломоноса и вьющихся роз. Парадная дверь – в основании круглой башни с зубчатым верхом, как у средневековой крепости в нормандском стиле. Вокруг – зеленые газоны с клумбами и луга, желтые и лиловые ковры нарциссов и крокусов, подальше виднеются заросли кустарника и лес. С южной стороны, куда выходит фасад дома, луг спускается террасами, с каменными ступеньками между ними. В самой дали, на горизонте, голубизна неба сливается с синевой моря.

И все же, несмотря на это великолепие, Нанчерроу не устрашал своим размахом, не подавлял своим величием. С этого самого мгновения, с первого взгляда Джудит влюбилась в Нанчерроу и сразу же почувствовала, что теперь намного лучше понимает свою подругу. Теперь она точно знала, почему Лавди сбежала из той школы в Хэмпшире, возвратилась в это волшебное место и вытребовала у матери обещание никогда в жизни не увозить ее далеко отсюда.

«Бентли» величественно остановился у парадных дверей, и Диана выключила двигатель.

– Ну, голубки мои, вот мы и дома, целые и невредимые.

Они вышли из машины, забрали вещи и гуськом направились в дом; впереди с важным видом вышагивал Пеко, а Джудит со своим увесистым кедровым ларцом в руках замыкала процессию. Они поднялись по каменным ступенькам на круглое, выложенное плиткой крыльцо и через внутренние застекленные двери попали в холл. На первый взгляд он казался громадным и роскошным, но невысокие потолки создавали ощущение скромного и гостеприимного сельского жилища. Джудит тотчас же расслабилась и почувствовала себя как дома.

Стены холла были обшиты настоящим деревом, а лакированные полы застелены потертыми, полинялыми персидскими коврами. Широкая, покрытая толстым ковром лестница поднималась тремя прямыми пролетами на второй этаж, из широкого лестничного окна, обрамленного тяжелыми складками портьер из желтой шелковой парчи, лился солнечный свет. В середине холла находился круглый стол на одной ножке, на нем – круглая глазурированная жардиньерка, из которой вырывалась огромная шапка белых нарциссов. Здесь же лежали потрепанная «книга посетителей» в кожаном переплете, пара собачьих поводков, чьи-то перчатки, стопка писем. Полка расположенного напротив лестницы камина богато украшена резьбой и заставлена безделушками и сувенирами. В топке камина лежала горка потухшей золы, но Джудит не сомневалась, что скоро с помощью одного-двух сухих поленьев и каминных мехов огонь оживет и пламя снова весело запляшет в очаге.

Пока она озиралась по сторонам, жадно вбирая новые впечатления, Диана, остановившись у стола, развязала свой шелковый платок и сунула его в карман мантии.

– Лавди, позаботься о нашей гостье. Мэри, наверно, в детской. Мужчины будут на обед к часу, так что смотри не опаздывай. Жду тебя в гостиной без четверти час.

Отпустив девочек ленивым взмахом руки, она взяла со стола свою корреспонденцию и направилась по длинному широкому коридору, обставленному старинной полированной мебелью, громадными фарфоровыми вазами, зеркалами в изысканных рамах. Пеко засеменил за хозяйкой.

– Не забудьте помыть руки...

Как тогда в магазине, где Джудит увидела ее впервые, они зачарованно следили за тем, как Диана удаляется, до тех пор пока она не подошла к закрытой двери в дальнем конце коридора, открыла ее и, сделав шаг навстречу потоку солнечных лучей, исчезла из виду.

Ее внезапный уход представлял собой любопытный комментарий к вопросу о взаимоотношениях матери и дочери Кэри-Льюис. Лавди была на самой короткой ноге с матерью и разговаривала с ней, как с сестрой, но это право предоставлялось ей отнюдь не даром. Если к ней относились как к равной, то и от нее ожидали поведения, подобающего взрослому человеку,

что в данном случае означало радушно принять и удобно устроить подругу. По-видимому, это было в порядке вещей, и Лавди без колебаний взяла на себя эту обязанность.

– Пошла читать почту, – зачем-то пояснила она. – Пошли, найдем Мэри.

И Лавди, таща их сумки, повела Джудит вверх по лестнице. Слегка отставая, Джудит шла за ней со своим ларцом, который, казалось, становился с каждой ступенькой все тяжелее. С лестничной площадки открывался еще один длинный проход, точная копия нижнего коридора, по которому Диана уплыла от них своей грациозной, воздушной поступью.

– Мэри! – Лавди внезапно бросилась бегом по коридору, и сумки застучали по ее тонким ногам.

– Я тут, милая моя!

Нянек Джудит случалось видеть на пляже в Порткеррисе – это были суровые тучные дамы в практичных хлопчатобумажных платьях, в неизменных чулках и шляпках даже в самую нестерпимую жару; они занимались вязанием и непрерывно понукали своих подопечных то пойти искупаться, то, наоборот, возвращаться назад, то надеть панамку, то скушать имбирное печенье либо отойти от того отвратительного ребенка, чтобы не подхватить от него какую-нибудь заразу. Но у нее самой никогда няни не было.

Что же до «детских», то при этом слове у нее в памяти всплывала больничная палата в «Святой Урсуле», находившаяся в ведении госпожи экономки, – с коричневым линолеумом на полу, окнами без занавесок и странным запахом лекарств вперемешку с корицей.

Поэтому Джудит входила в детскую Нанчерроу не без тайного трепета, однако все ее страхи мгновенно развеялись, как только она поняла, что до этих пор находилась в плену предрассудка. «Детская» оказалась просторной, солнечной гостиной с большим эркером и большим окном на южную сторону, из которого открывался вид на сад и заманчиво искрящуюся вдали морскую синеву.

Здесь был открытый камин, книжные шкафы, заставленные книгами, диваны и кресла с цветастыми чехлами, толстый турецкий ковер и круглый стол, покрытый тяжелой синей скатертью с узором из птиц и листьев. Кругом полно очаровательных вещей: яркие картины, радио на столе у камина, портативный граммофон и стопка пластинок, корзинка с вязаньем, кипа журналов. О раннем детстве напоминали лишь высокая каминная решетка с медными полированными перекладинами, выдававший виды бесхвостый конь-качалка и гладильная доска.

За этой гладильной доской и стояла Мэри Милливей – работа кипела вовсю. На полу стояла плетеная корзинка с выстиранным бельем, на столе уже возвышалась горка безупречно отутюженных вещей, а на самой доске была разложена наполовину выглаженная голубая рубашка. В воздухе стоял приятный, уютный запах чистого, теплого хлопка, заставивший Джудит вспомнить кухню Ривервью-хауса и Филлис. Она улыбнулась, у нее было такое чувство, будто она вернулась к себе домой.

– А, вот и вы... – Поставив утюг и отвлекшись от недоглаженной рубашки, Мэри протянула руки к своей любимице, та побросала сумки на пол и влетела в ее крепкие объятия. Мэри приподняла девочку с пола, словно та весила не больше перышка, и стала раскачивать из стороны в сторону, как маятник часов. – Шалунишка этакая! – Тут в комнату вошла Джудит, и Мэри, запечатлев поцелуй на темной кудрявой макушке Лавди, с глухим стуком опустила девочку обратно на пол.

– А это, стало быть, твоя подруга. Навьюченная не хуже ослика. Что это ты тащишь?

– Это мой ларец из кедрового дерева.

– Похоже, весит целую тонну, ставь его скорее на стол, ради бога. – (Джудит охотно освободилась от своей ноши.) – Зачем вы привезли это?

Лавди пустилась в сбивчивые объяснения:

– Мы хотим показать его маме. Он совсем новенький. Джудит получила его в подарок на Рождество. Мэри, это Джудит – познакомься.

– Я уже догадалась. Здравствуй, Джудит.

– Здравствуйте.

Мэри Милливей. И не толстая, и не старая, и не суровая – рослая, сухопарая корнуоллка не старше тридцати пяти. У нее были жесткие светлые волосы и веснушчатое лицо, грубоватое, но приятное. До красавицы ей было далеко, но ее черты поражали какой-то идеальной слаженностью. Вдобавок ко всему, на Мэри не было никакой особой униформы – простая серая твидовая юбка, белая хлопчатобумажная блузка с брошкой на воротничке и дымчато-голубой, из тонкой пряжи джемпер на пуговицах.

Они рассматривали друг друга. Наконец Мэри заговорила:

– Ты выглядишь взрослее, чем я думала.

– Мне четырнадцать.

– Она на один класс старше меня, – пояснила Лавди, – но мы в одной спальне. Да, Мэри, ты должна нам помочь: у Джудит нет с собой никакой домашней одежды, а моя будет ей мала. Может, нам позаимствовать кое-что у Афины?

– Ты нарвешься на неприятности, если будешь брать вещи Афины.

– Я имею в виду не настоящие ее вещи, а то, что она больше не носит. Ну, ты сама знаешь, о чем я...

– Конечно, конечно. Где еще найдешь девушку, которая надевает что-нибудь один-единственный раз и потом выбрасывает, будто последнее старье...

– Подбери для Джудит что-нибудь, ладно? И прямо сейчас, чтобы мы как можно скорее могли снять с себя эту жуткую школьную форму.

– Вот что я тебе скажу. – Мэри спокойно, уверенным движением снова взялась за утюг. – Ты сейчас проводишь Джудит в ее спальню, покажешь ей все...

– А в какой комнате она будет спать?

– В «розовой», в конце коридора.

– О, как здорово, Джудит, тебе досталась самая лучшая комната!..

– ...А когда я закончу с гладкой, то пойду пороюсь в моем специальном ящике в шкафу и посмотрю, не найдется ли там чего подходящего.

– Тебе еще много гладить?

– Нет, за пять минут управлюсь. Так что вы идите, а когда вернетесь, все уже будет готово.

– Ладно. – Лавди взглянула на подругу с торжествующей улыбкой. – Пойдем.

Через секунду она была уже за дверью, и Джудит, задержавшейся только для того, чтобы прихватить свою сумку, пришлось нагонять ее бегом. По обе стороны длинного коридора шли ряды закрытых дверей с веерообразными окошками сверху, благодаря чему здесь было много света и воздуха. В дальнем конце коридор свернул направо, неожиданно выводя в другое крыло здания, и тут Джудит впервые осознала всю величину дома. Здесь из высоких окон были видны газоны позади усадьбы, упиравшиеся в высокие живые изгороди из кустов эскалонии, а за ними расстилались разделенные каменными оградами фермерские поля, где паслись стада коров.

– Поторапливайся! – Лавди задержалась на секунду, поджидая отставшую подругу, у которой не оставалось времени, чтобы остановиться и как следует все осмотреть.

– Дом такой большой!.. – с восхищением сказала Джудит.

– Да уж, просто огромный. Но по-другому нельзя – нас так много, к тому же здесь всегда уйма гостей. Это и есть флигель с комнатами для гостей. – Теперь, двигаясь вперед, Лавди стала открывать и закрывать двери, так что Джудит могла хотя бы мельком заглянуть внутрь комнат, мимо которых они проходили. – Это «желтая» комната. И ванная. А это «голубая»... Здесь обычно спит Томми Мортимер. Да, точно, узнаю его щетки для волос. И его запах.

– И как от него пахнет?

– Божественно. Этой его штукой, которой он мажет волосы. А вот большая комната на двоих. Как тебе нравится эта изумительная кровать с пологом на четырех столбиках? Очень

старинная вещь. Не удивлюсь, если на ней спала сама королева Елизавета... Еще ванная. А вот гардеробная, здесь тоже есть кровать – на тот случай, если гости приехали с ребенком или какой-нибудь другой кошмар в этом роде. Если это самый настоящий младенец, Мэри водружает здесь детскую кроватку... Еще ванная. И наконец – твоя комната.

Они остановились у последней двери, и Лавди не без гордости провела подругу в комнату. Как и все прочие в этом восхитительном доме, она была обшита деревянными панелями, но здесь было не одно, а два окна, с занавесками из набивного ситца. На полу розовый ковер, а высокая кровать с круглыми медными головками застелена белоснежным льняным покрывалом, вышитым маргаритками. У изножья кровати располагалась подставка для чемоданов и сумок, Джудит положила туда свой скромный багаж, и ее сумка показалась ей такой бедной, маленькой, как бы беззащитной.

– Как тебе комната?

– Здесь просто очаровательно!

Она увидела туалетный столик с тройным зеркалом, убранным занавесочками из той же ткани, что и оконные. Там стоял расписанный розочками фарфоровый поднос и фарфоровая кружка с букетом ярких махровых нарциссов. Кроме того, в комнате был огромный викторианский платяной шкаф и кресло с розовыми подушками, а у кровати – маленький столик, на котором стояли графин воды с опрокинутым на горлышко стаканом и накрытая кретоновой салфеткой жестяная банка, полная (как в один миг догадалась Джудит) сдобного чайного печенья – на случай, если ей вдруг захочется перекусить посреди ночи.

– А вот твоя ванная.

Просто как в сказке! Джудит пошла осматривать ванную: пол в черно-белую клетку, огромная ванна, блестящие краны, мягкие белые полотенца, флаконы с отдушкой для ванн и стеклянные баночки с душистым тальком.

– Моя личная ванная?!

– Вообще-то, она предназначена для двух комнат – твоей и той, что напротив. Но раз там сейчас никто не живет, то ванная остается тебе в единоличное пользование. – Лавди вернулась в спальню, распахнула окно и высунулась из него. – А вот какой вид из твоего окна; стоит только выглянуть – и увидишь море.

Джудит подошла к ней, и они встали бок о бок, опершись руками о каменный подоконник и чувствуя на своих лицах холодный, пропахший морской солью ветер.

Вытянув шею, Джудит с готовностью полюбовалась полоской моря, однако во сто крат интереснее был ближний план открывающейся панорамы – большой внутренний двор, вымощенный булыжником, с одноэтажными строениями с трех сторон, крытыми шифером. В центре возвышалась голубятня, вокруг нее порхали белые голуби; садились, чистили клювом перья и оглашали двор довольным воркованием. По кромке двора тянулся ряд деревянных кадок, в которых росла желтофиоль, бросались в глаза и свидетельства отлаженного усадебного хозяйства – шкаф для складывания дичи, размером с добрый гардероб, несколько мусорных баков, веревка для сушки белья, увешанная белоснежными кухонными полотенцами. За двором виднелась посыпанная гравием дорога, а дальше – кошенный луг и ряд покуда еще голых деревьев, которые гнулись и трепетали ветвями под порывами дующего с моря ветра.

Вокруг, казалось, было безлюдно, но вот внизу открылась дверь, и из-за нее вышла девушка в розовато-лиловом переднике. Сверху они внимательно уставились на ее макушку. В руках у нее была миска с овощными очистками, которую она опорожнила в один из мусорных баков.

– Это для свиней миссис Мадж, – многозначительно шепнула Лавди, как будто они были шпионами, которым непременно нужно остаться незамеченными. Однако девушка в переднике не подняла глаз на верхние окна. Она с лязгом накрыла бак крышкой, остановилась потрогать развешанные полотенца, проверяя, не пора ли их снимать, и снова исчезла в доме.

– Кто это?

– Хетти, новая судомойка. Она помогает миссис Неттлбед. Миссис Неттлбед – наша кухарка, а ее муж, мистер Неттлбед, – наш дворецкий. Она очень милая, а он бывает ужасно не в духе. Мама говорит: это все его желудок. У него язва.

Дворецкий. Чем дальше, тем все грандиознее и великолепнее. Джудит высунулась еще дальше и стала вглядываться в строения по сторонам двора.

– А это конюшня, где ты держишь своего пони?

– Нет, это котельная, дровяной сарай, угольный сарай и тому подобное. И уборная для садовников. Конюшни немного подальше, отсюда их не видно. Я возьму тебя туда после обеда – познакомишься с Тинкербелл. Если захочешь, можешь на ней прокатиться.

– Я никогда не ездила верхом, – призналась Джудит, и это было лишь полправды: она вообще боялась лошадей.

– Тинкербелл – не лошадь, а пони. Она смирная, никогда не брыкается и не кусается. – После секундного раздумья Лавди добавила: – Сегодня суббота, – может быть, там будет Уолтер.

– Кто это такой?

– Уолтер Мадж. Его отец управляет «Лиджи», нашей фермой, а еще помогает папчику в управлении поместьем. Уолтер очень милый. Ему шестнадцать. Он иногда приходит на выходные, чтобы вычистить конюшни и помочь садовнику. Он копит деньги на мотоцикл.

– Он тоже ездит верхом?

– Он выгуливает охотничью лошадь папчика, когда тот заседает в суде или уезжает на какую-нибудь деловую встречу. – Внезапно Лавди отпрянула от окна. – Я замерзла. Пойдем разберем твои вещи.

Они занялись этим делом вместе. Вещей у Джудит было немного, но каждой нужно было найти подходящее место. Шляпа и пальто были убраны в гардероб, пальто устроилось на мягких, обтянутых розовым бархатом плечиках. Внутри шкафа пахло лавандой. Ночная рубашка легла на подушку, халат был повешен на дверь, щетка для волос и гребешок расположились на туалетном столике, смена нижнего белья укрылась в выдвижном ящике, а зубная щетка и флаanelовое полотенце для лица заняли свои места в безразмерной ванной. Свой дневник и авто-ручку Джудит положила на ночной столик, вместе с часами и новой книжкой Артура Рэнсома.

Когда они закончили, она огляделась по сторонам и отметила про себя, что ее ничтожные, неприметные пожитки не оставили особого отпечатка на роскошном убранстве комнаты. Но Лавди некогда было замечать эти тонкости. Как всегда стгорая от нетерпения, она уже порядком утомилась от хозяйственных хлопот и, забросив пустую сумку под кровать, объявила:

– Все. Теперь пойдем к Мэри и посмотрим, что ей удалось откопать для тебя из одежды. Не знаю, как ты, но если я в самое ближайшее время не сброшу с себя эту мерзкую форму, то у меня начнется истерика.

Она миглом выскочила из комнаты и с громким топотом понеслась по коридору обратно в детскую – словно наперекор всем школьным правилам, которые вдалбливались в ее упрямую голову, но теряли свою силу здесь, дома, где она снова становилась вольной птицей.

Мэри уже закончила гладить, сложила гладильную доску и поставила утюг остывать. Они застали ее стоящей на коленях перед высоким гардеробом, который был самым внушительным предметом обстановки в детской; его вместительный нижний ящик был выдвинут, и вокруг разложена аккуратными кучками самая разная одежда.

Лавди умирала от нетерпения.

– Нашла что-нибудь? Не обязательно что-то нарядное – сгодится любое...

– Как это «сгодится любое»? Ты же не хочешь, чтобы твоя подруга выглядела, будто только что явилась с благотворительной распродажи?

– Мэри, это же совсем новый пуловер! Афина купила его в прошлые каникулы. Что он делает в твоём «специальном» ящике с ненужными ей вещами?

– Хороший вопрос. Она зацепилась локтем за кусок колючей проволоки. Я починила это место, но станет ли она его носить, эта маленькая леди? Как бы не так.

– Кашемир... Да он просто великолепен! Держи! – Лавди кинула пуловер подруге, и, когда Джудит поймала его, ей показалось, будто ветер бросил ей в руки пушинку чертополоха – такой невесомой и нежной была шерсть. Кашемир. У нее никогда не было кашемирового пуловера. К тому же красного, как ягода остролиста, – один из любимых ее цветов.

– А вот прелестная бумажная блузка в полоску, с круглым отложным воротничком. Одному Небу известно, почему Афина перестала ее носить. Надоела она ей, не иначе. И шорты. В школе она в них играла в хоккей. Я их сохранила: подумала, что они могут еще пригодиться тебе, Лавди.

Мэри подняла шорты для всеобщего обозрения. Они были из темно-синей фланели, плиссированные, наподобие короткой юбки.

– То, что надо, – одобрительно отозвалась Лавди. – Сгодятся, а, Джудит? Ах, Мэри, ты просто чудо! – Она наклонилась и стиснула шею Мэри своими тонкими ручонками. – Ты самая лучшая Мэри на свете! Теперь, Джудит, отправляйся к себе и переоденься, да поживее, потому что мне еще надо успеть показать тебе все-все остальное.

Джудит прошла к себе в спальню, прикрыла дверь и неторопливо, торжественно, словно на какой-то важной церемонии, разложила шорты, пуловер и блузку на кровати, как делала ее мать, наряжаясь к праздничному ужину. И в самом деле, несмотря на то что была самая обыкновенная суббота, Джудит не оставляло ощущение, будто она переодевается, чтобы выйти к праздничному столу, в комнату, полную гостей. Во всей этой сказочной усадьбе, в самом здешнем воздухе была разлита атмосфера праздника.

Но что еще важнее, она очутилась в полном одиночестве. Ей трудно было припомнить, когда в последний раз она оставалась совершенно одна и никто не досаждал ей разговорами или вопросами, не толкался и не пихался, не приказывал сделать то или не делать этого, не звонил в звонок и не требовал ее внимания. В этот момент Джудит неожиданно открыла для себя, какое это удивительное благо. Одна. В покойном уединении своей собственной спальни, просторной и тихой, в окружении красивых, радующих глаз вещей. Она подошла к окну, открыла его, облокотилась о подоконник и стала наблюдать за белыми голубями, слушать их нежное воркование.

Одна. Столько в последнее время было событий. Недели, даже месяцы непрерывной суматохи и суеты. Рождество в Плимуте, все эти сборы, упаковка вещей, подготовка к отъезду из Ривервью-хауса, ажиотаж по закупке вещей для «Святой Урсулы» и, наконец, расставание с матерью, Филлис и Джесс. А потом – школа, где невозможно остаться наедине ни секунды.

Одна. Джудит только теперь осознала, как ей недоставало роскоши уединения, и поняла, что такие, пусть редкие, моменты необходимы ей как воздух. Пребывание наедине с собой дарило, пожалуй, не столько духовное, сколько чувственное наслаждение, какое бывает, когда надеваешь шелковое белье, или купаешься без купальника, или идешь по пустынному пляжу в компании одного лишь солнца, ласкающего тебе плечи. Уединение восстанавливало силы, освежало. Следя за голубями, Джудит единственно чего желала, это чтобы Лавди не ворвалась в комнату, не нарушила ее покоя. Конечно, она была очень признательна подруге за ее бесконечную доброту и гостеприимство. Но ей требовалось какое-то время, чтобы внутренне собраться, снова почувствовать себя отдельной и самостоятельной личностью, найти в самой себе точку опоры.

Издаലെка, со стороны леса, до ее слуха донеслась трескотня выстрелов. Охотники из Нанчерроу все еще стреляли голубей. Когда внезапный резкий звук разорвал тишину, белые голуби под окном взвились со своих мест в воздух и, хлопая крыльями, продолжали беспо-

койно носиться над двором до тех пор, пока им не показалось, что опасность миновала. Джудит смотрела, как они снова опустились на свои жердочки, надувая белоснежные грудки и опять принимаясь чистить себе перья.

Лавди все еще не было. Вероятно, она искала себе какую-нибудь одежду позатрапезнее, чтобы продемонстрировать самое непримиримое презрение к неукоснительной строгости школьного костюма. Немного погодя Джудит закрыла окно, сняла школьную форму и, медленно смакуя прелесть новизны, нарядилась в «обноски» Афины Кэри-Льюис. Потом вымыла руки (мылом «Шанель»), пригладила щеткой волосы и завязала их сзади новенькой темно-синей лентой. Тогда только она пошла поглядеться в высокое зеркало на внутренней стороне дверцы гардероба. И это было что-то поразительное, потому что она стала выглядеть совсем по-другому – такой ухоженной, такой холеной. Просто другой человек, почти взрослая девушка и совершенно незнакомая. Джудит не смогла не усмехнуться, заметив, каким довольством светится ее собственное лицо. Она подумала о своей матери: как жалко, что ее нет рядом и она не может за нее порадоваться; и в то же самое время Джудит была почти уверена в том, что мама с трудом узнала бы ее сейчас.

Дверь распахнулась.

– Готова? – требовательно спросила Лавди. – Чем ты тут занималась? Прошло чуть ли не полдня. Господи, у тебя совсем другой вид. Наверно, это из-за вещей Афины. Она всегда выглядит потрясающе, и даже если напялит старую робу, то все равно будет в ней великолепна. Наверно, она заколдовывает все, к чему прикасается, и ее чары остаются во всех ее вещах. Ну что, чем теперь будем заниматься?

Джудит робко проговорила, что она, право, не знает, и это была чистая правда. Ей просто не приходило на ум ничего особенного. В теперешнем состоянии эйфории любая идея показалась бы ей отличной.

– Можно сходить в конюшни и посмотреть на Тинкербелл, но это займет немало времени, а скоро уже обедать. Давай лучше облазим весь дом, я покажу тебе каждую-прекаждую комнату, и ты будешь лучше ориентироваться.

Джудит оказалась права в своих предположениях насчет Лавди. Она переоделась в истрепанные бриджи для верховой езды, уже слишком короткие для ее длинных ног, и в темно-фиолетовый, цвета зрелого тернослива свитер. Этот цвет подчеркивал фиалковую синеву ее необыкновенных глаз, но, учитывая полнейшее отсутствие в Лавди какого бы то ни было женского кокетства и стремления нравиться, невозможно было и предположить, чтобы она сознательно выбрала именно этот свитер; скорее всего, ее привлекли в нем заштопанные локти и то, что после многократных стирок он совершенно утратил первоначальную форму.

– Хорошо, давай осмотрим дом, – согласилась Джудит. – Откуда начнем?

– С самого верха, с мансардных комнат.

Всем этим помещениям с наклонными потолками, казалось, не было числа: кладовые, чуланы, две маленькие ванны, четыре спальни.

– Здесь спят горничные. – Лавди наморщила нос. – Тут вечно немножко пованивает... нематыми ногами и потными подмышками.

– Сколько у вас всего горничных?

– Три. Джанет убирает в комнатах, Неста прислуживает за столом, а Хетти помогает миссис Неттлбед на кухне.

– А где спит миссис Неттлбед?

– У Неттлбедов маленькая квартирка над гаражом. Сейчас мы спустимся по черной лестнице на первый этаж. Гостевое крыло ты уже видела, так что начнем прямо с маминой комнаты.

– Разве нам можно туда входить?

– Конечно можно, она не стала бы возражать, при условии, что мы не будем хозяйничать среди ее вещей, не выльем на себя все ее духи. – Лавди открыла дверь и заскочила внутрь впе-

ред Джудит. – Разве здесь не изумительно?! Мама как раз недавно заново ее отделала. Дизайнер, чрезвычайно экстравагантный коротышка, специально приезжал из самого Лондона. Папчик пришел в ярость оттого, что он расписал панели. А по мне, получилось очень мило. Как ты думаешь?

По мнению Джудит, назвать эту комнату «очень милой» значило просто ничего не сказать. Она никогда не видела такой огромной и такой женственной спальни, наполненной таким множеством прелестных, чарующих вещей. Солнечный свет играл на стенах неувимого бледного оттенка – нечто среднее между белым, розовым и персиковым. За необычайно плотными шторами, щедро усыпанными розовыми цветами, под дуновением прохладного ветерка из раскрытого окна колыхались тоненькие, почти прозрачные белые занавески. Широкая белоснежная двуспальная кровать, на которой лежали горкой кружевные вышитые подушки, была застелена такой же тончайшей белой тканью, а сверху опускался балдахин, украшенный в центре маленькой золотой короной, словно здесь почивала какая-нибудь принцесса.

– А ты загляни в ванную! Здесь тоже все сделано заново...

Онемевшая Джудит прошла за ней и воззрилась на блестящий черный кафель, нежно-розовые зеркальные шкафчики, белый фарфор и толстый белый ковер. Ковер – в ванной! Заключительный штрих невообразимой роскоши!

– Смотри сюда: это зеркало все кругом увешано лампами, прямо как в гардеробной какой-нибудь актрисы. А эти зеркала открываются, как дверцы, и там, внутри, шкафчики, где хранится вся мамина косметика, духи и прочее.

– А это что?

– Это? Ее биде. Французское! Это чтобы подмывать себе зад.

– Или пятки.

– Папчик был в ужасе.

Они согнулись в приступе заливистого смеха, пошатываясь и держась за животы. Вдруг у Джудит мелькнула одна мысль. Сдерживая хохот, она вернулась в благоухающую цветами спальню и внимательно осмотрелась еще раз, тщетно пытаясь обнаружить хоть какой-то признак мужского присутствия.

– Где же твой отец держит свои вещи?

– Да он здесь не спит. У него своя спальня на дальнем конце, над парадным. Он не любит, чтобы утром в комнате было много солнца, к тому же он так безбожно храпит, что рядом с ним невозможно заснуть. Пойдем дальше, я покажу тебе остальное...

Они покинули эту обворожительную спальню и продолжили экскурсию.

– Вот здесь спит Афина. А здесь – Эдвард. А это ванные. Вот комната Мэри, рядом с детской; когда-то это была вторая детская спальня, и Мэри так там и осталась. Тут вот детская ванная, в углу сделана как бы маленькая кухня, чтобы Мэри могла тут же приготовить чай и что-нибудь перекусить. А это моя комната...

– Могла бы и не говорить.

– Как ты догадалась?

– По разбросанной на полу одежде. И все эти пони на стене.

– Да, и мои награды и значки-розетки от пони-клуба. И плюшевые мишки, я собираю их чуть ли не с самого рождения. Сейчас у меня уже двадцать штук, и у каждого свое имя. Здесь мои книги и старый кукольный дом: Мэри не хотела, чтобы он оставался в детской. Кровать моя стоит головой туда, чтобы было видно по утрам, как встает солнце... Двигаемся дальше – нам надо осмотреть еще много всего... Это хозяйственный чуланчик, здесь хранятся метлы и все такое. Это бельевая. А эта запасная комнатка используется только в случаях, когда дом переполнен гостями до отказа.

Они уже сделали полный круг и опять оказались на площадке парадной лестницы. На противоположной стороне площадки находилась последняя закрытая дверь, в этой комнате они еще не были.

– А здесь спит папчик.

После великолепия остальных комнат усадьбы эта не очень большая спальня показалась Джудит простой и даже мрачноватой. Мебель была громоздкая, в викторианском стиле, односпальная кровать – узкая и высокая. Все дышало безукоризненной чистотой и опрятностью. На окне висели шторы из темной парчи, а на высоком комодe – точно посередине – были аккуратно разложены мужские щетки для волос с ручками из слоновой кости. За исключением фотографии Дианы в серебряной рамке, мало что говорило о личности живущего здесь человека. Эта комната не выдавала тайн своего хозяина.

– Тут ужасно мрачно. Но папчику эта комната нравится, потому что она всегда была такой. Он ненавидит перемены. И очень любит свою ванную: она круглая, потому что находится в башне, прямо над парадным крыльцом, и, когда он сидит в своей потешной старинной ванне, ему оттуда все слышно – как приезжают люди, их голоса; он может узнать, кто это, и если прибывшие гости ему не по душе, то он ни за что не выберется из ванны, пока не услышит, как они уезжают. Как ты понимаешь, он не очень общительный человек.

– А про меня он знает? Что я приехала к вам? – встревожилась Джудит.

– О господи, конечно знает!.. Точнее, узнает, когда мама ему скажет. Не волнуйся, ты ему понравишься. Это он маминых занудных друзей старается избегать.

Потом они сошли вниз и отправились в последний тур своей экскурсии – по достопримечательностям первого этажа. Джудит была переполнена впечатлениями и немножко ошеломлена. И проголодалась. Со времени завтрака, казалось, прошло уже много часов. Однако Лавди казалась неутомимой.

– Так, в холле ты была. Тут вот папчиков кабинет, а это мужская уборная. Здесь стоит совершенно потрясающий унитаз, папчик закрывается тут каждое утро после завтрака и сидит часами, читая «Лошадь и гончую», свой журнал. Ну как, впечатляет? Мама называет его «папчиковым тронem». А это бильярдная. Бывает, мужчины собираются здесь после ужина и играют часы напролет, до поздней ночи. Незаменимое развлечение в сырую погоду. А вот и столовая... все уже накрыто к обеду, как видишь. Здесь – маленькая гостиная, но мы ею не пользуемся, разве что иногда, зимними вечерами, когда жуткая стужа. В большую гостиную я тебя не поведу – ты и так ее увидишь перед обедом. Пойдем, я познакомлю тебя с миссис Неттлбед.

Наконец они пришли в кухню – сердце всякого дома. Она ничем не отличалась от прочих корнуолльских кухонь, разве что была гораздо просторнее. Остальное было знакомо и привычно: темно-зеленые стены, поднятая высоко к потолку вешалка для сушки белья, шкаф для посуды, заставленный столовым фарфором, громадный, чисто выскобленный стол посреди комнаты.

За этим столом они и увидели миссис Неттлбед – она украшала кусочками засахаренных фруктов верх бисквита, пропитанного вином и залитого взбитыми сливками. Миссис Неттлбед оказалась низенькой коренастой женщиной в белом фартуке, надетом поверх розового рабочего халата; на голове у нее был нахлобучен белый поварской колпак, который не шел ей, был велик и скрывал чуть ли не пол-лица. Лицо у нее было красное, а лодыжки – отекавшие от стоячей работы, но когда Лавди ворвалась в кухню – «Здравствуйте, миссис Неттлбед, это мы...», – кухарка не ответила девочке гримасой недовольства или просьбой не путаться под ногами (она, к вящей радости Джудит, как раз собиралась подавать на стол). Как раз напротив, ее круглое лицо расцвело восторженной улыбкой. Сразу стало ясно, что Лавди – ее радость и ее сокровище.

– Ненаглядная моя! Иди-ка сюда и хорошенько поцелуй миссис Неттлбед... – Раскинув руки, так что ее липкие ладони с расставленными пальцами стали похожи на морских звезд,

она наклонилась вперед, подставляя для поцелуя щеку. – Нет, ну только взгляните, какая она большая! Ты подросла. Скоро будешь выше меня. А это, стало быть, подруга, которую ты привезла...

– Ее зовут Джудит.

– Рада познакомиться, Джудит.

– Здравствуйте.

– Ты приехала на выходные? Не пожалеешь. Наша маленькая разбойница не даст тебе скучать.

– Что сегодня на обед, миссис Неттлбед?

– Мясное рагу с картофельным пюре и отварная капуста.

– А капуста – с мускатным орехом?

– Разве я могу подать на стол капусту без мускатного ореха?

– Тогда я, может быть, и буду ее есть. Наши охотники еще не вернулись?

– Только что слышала, как они во дворе подсчитывали добычу. Завтра на обед обещаю пирог с крольчатинной. Думаю, сейчас они в оружейной комнате, чистят ружья. Минут через десять управятся.

– Минут через десять... – Лавди состроила недовольную гримасу. – Я умираю с голоду. – Она подошла к буфету, сняла крышку с жестяной банки и достала оттуда два печенья. Одно протянула Джудит, а другое сунула себе в рот.

– Послушай, Лавди...

– Знаю-знаю. Я испорчу аппетит и не захочу есть твой чудесный обед. Пойдем, Джудит, разыщем маму и попросим у нее чего-нибудь попить.

Они нашли Диану в гостиной, она читала роман, уютно устроившись с ногами в уголке огромного кремового дивана. В руке у нее дымилась душистая турецкая сигаретка, вставленная в мундштук из нефрита, а на маленьком столике сбоку стояли пепельница и коктейль. Когда девочки вбежали в комнату, она подняла голову и приветливо улыбнулась им:

– Милые мои, вот и вы! Ну как, приятно проводите время?

– Да, мы обошли весь дом и побывали в каждой комнате, потом зашли поздороваться с миссис Неттлбед. Можно нам теперь взять чего-нибудь попить?

– Что именно ты хочешь?

У стены стоял зеркальный столик, заставленный аккуратными рядами бутылок и сияющих чистотой стаканов. Лавди подошла к нему и, изучив ассортимент напитков, сказала:

– Вообще-то, я хотела «Апельсиновую корону», но ее здесь нет.

– Это та мерзкая шипучая жидкость, от которой потом все губы оранжевые? Вероятно, этого добра еще навалом в кладовой. Позвони Неттлбеду и спроси, не найдется ли в его закромах бутылочки для тебя.

Звонок находился на стене над столиком. Лавди нажала на кнопку большим пальцем. Диана с улыбкой посмотрела на Джудит:

– Как тебе понравился наш любимый дом?

– Он великолепен! Но эта комната, по-моему, самая прекрасная из всех.

Возможно, так оно и было. Обшита деревянными панелями, с паркетным полом, покрытым коврами, гостиная была залита солнечным светом и наполнена цветами. И не скромными нарциссами, а более экзотическими оранжерейнными растениями с лиловыми, белыми и пурпурными цветками, а в одном углу стояла фаянсовая кадка, в которой росло деревце камелии с темной глянцевиной листвой и ярко-розовыми цветками. Плотные занавески и покрывала были из кремовой парчи, по всем диванам и креслам щедро разбросаны пухлые атласные подушки самых нежных оттенков зеленого, розового и голубого – ни дать ни взять гигантские разноцветные леденцы. На центральном столе лежали ровным рядом журналы, обязательные для любой уважаемой сельской усадьбы: «Татлер» – светская хроника; «Скетч» – новости

театра и балета; «Иллюстрированные лондонские известия» – обзор текущих событий; «Спортинг драматик» – скачки; а кроме того – «Поле, лошадь и гончая», последние номера «Вог» и «Женского журнала» и кипа ежедневных газет, которые, похоже, ни разу не раскрывали.

Джудит так хотелось, чтобы никого сейчас не было рядом, чтобы она могла смотреть и смотреть на все это, впитывая в себя каждую мелочь, – если ей никогда не суждено приехать сюда вновь, то пусть хотя бы у нее в памяти сохранится совершенный и полный образ Нанчерроу. На высокой каминной полке, выкрашенной в белый цвет, стояла группа прелестных фигурок из мейсенского фарфора – «обезьяний оркестр». Над камином висел портрет Дианы, дымчато-голубой шифон изящно покрывал ее хрупкие плечи, волосы цвета спелой пшеницы сверкали золотом в лучах света. В глазах Дианы на портрете искрился смех, а на губах застыла тень улыбки, словно они были связаны с художником какой-то очень личной и очень занятой тайной.

Проследив за взглядом Джудит, Диана поинтересовалась:

– Нравится?

– Вы здесь очень похожи...

Диана рассмеялась:

– Ты мастерски льстишь. Да и сам де Ласло всегда был льстецом.

Из высоких окон открывался уже знакомый вид. Строго распланированный сад спускался террасами по склону, сливаясь в отдалении с зарослями кустарника и лугами высокой, нестриженной травы, в которой пестрели желтые нарциссы. Застекленная дверь с одной стороны вела на маленькую закрытую веранду, которая напоминала уединенную беседку посреди сада. К ней примыкал зимний сад, обставленный очаровательной в своей старомодности плетеной мебелью, по стеклянным стенам его вились жасмин и виноградная лоза. Все здесь навевало мысли о лете и о жгучем солнце, о праздных деньках и ленивом смаковании прохладительных напитков. Или же китайского чая, сервированного в тончайших чашечках, с огуречными бутербродами на закуску.

Погруженная в чарующие видения, Джудит не заметила, как к ней подошла Лавди:

– Это мамино любимое местечко. Правда, мам? Она любит тут полеживать и загорать – совсем нагишом.

– Только если поблизости никого нет.

– Я-то тебя видела.

– Ты не в счет.

В этот момент дверь позади них тихо открылась, и низкий глухой голос произнес:

– Вы звонили, мадам?

Мистер Неттлбед. Джудит уже знала от Лавди о его язве и непредсказуемых переменах настроения, но все же ее застигло врасплох появление пожилого мужчины аристократической наружности, от которого веяло таким холодом, что мурашки бежали по коже. Высокий и седовласый, мистер Неттлбед был, можно сказать, даже красив – своеобразной мрачной красотой. Он напоминал почтенного владельца похоронного бюро. Это впечатление подчеркивал и его костюм: черный пиджак, черный галстук и брюки в полоску. У него было бледное, морщинистое лицо, глаза полузакрыты, и выглядел он так величественно и надменно, что Джудит недоумевала, как только у кого-то хватает смелости обратиться к нему с просьбой, не говоря уже о том, чтобы отдать ему какое-либо распоряжение.

– А, Неттлбед, благодарю вас, – сказала Диана. – Лавди захотела лимонаду...

– Я хочу «Апельсиновую корону», мистер Неттлбед, но ее нет на столике.

Последовала долгая, многозначительная пауза. Неттлбед не шелохнулся, он молча оставил на Лавди свой холодный пронизывающий взгляд, словно протыкая мертвую бабочку длинной стальной булавкой. Диана тоже не говорила ни слова. Затянувшаяся тишина становилась неловкой. Диана повернула голову к дочери и требовательно посмотрела на нее.

Лавди покорно начала все заново:

– Мистер Неттлбед, прошу вас, будьте так добры проверить, не осталось ли в кладовке немного «Апельсиновой короны»...

Обстановка мигом разрядилась.

– Разумеется, – ответил Неттлбед. – Думаю, на полке в кладовой еще имеется один ящик. Я схожу и удостоверюсь.

Он собрался уходить, но тут к нему обратилась Диана:

– Неттлбед, мужчины уже вернулись?

– Да, мадам. Они чистят ружья.

– Как прошла охота?

– Несколько кроликов и голубей, мадам. И два зайца.

– Боже милостивый, бедная миссис Неттлбед! Сколько дичи ей придется выпотрошить!

– Вероятно, я помогу ей, мадам.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Лавди, скорчив гримасу, передразнила:

– «Вероятно, я помогу ей, мадам...» Напыщенный осел!

– Лавди! – ледяным тоном одернула ее Диана.

– Так его называет Эдвард.

– Эдвард тоже хорош. А ты и сама прекрасно знаешь, что надо говорить «пожалуйста», когда просишь о чем-то Неттлбеда или кого-нибудь еще, и «спасибо», после того как твоя просьба выполнена.

– Я просто забыла.

– В следующий раз не забывай. – Она снова склонилась над своей книгой.

Джудит почувствовала себя жалкой и виноватой, будто этот выговор предназначался ей, однако Лавди ничуть не смутилась. Она встала за спинкой дивана и, подлизываясь, наклонилась к матери, почти прильнув темной кудрявой головой к гладким золотистым волосам Дианы.

– Что ты читаешь?

– Роман.

– Как называется?

– «Погожие деньки».

– О чем это?

– О любви. О несчастной любви.

– Я думала, любовь – это всегда счастье.

– О, не всегда, дорогая. Далеко не всем женщинам выпадает такая удача.

Диана потянулась за своим коктейлем. Трехгранный стакан был наполнен золотистой жидкостью. На дне его, словно редкостная речная галька или какое-то причудливое существо – обитатель морских глубин, притаилась оливка. Диана отпила маленький глоток, поставила стакан на место, и в этот миг дверь гостиной снова отворилась, но, вопреки ожиданиям, то был не Неттлбед. «Папчик!» – вскричала Лавди и, покинув мать, бросилась в его распростертые объятия.

– Здравствуй, дочка. – Он нагнулся, снисходя до нее с высоты своего роста, они обнялись и поцеловались. – Мы так скучали по тебе. И вот ты снова дома... – Он взъерошил Лавди волосы, глядя на нее с обожанием.

Такой любовью была окружена Лавди! Ее любили все. И, наблюдая за этим открытым проявлением чувств, которого ей самой так не доставало, Джудит почувствовала себя как бы лишней и немножко обделенной и не могла не позавидовать подруге.

– Диана... – Таща за собой Лавди, повисшую, будто котенок, у него на плече, мистер Кэри-Льюис подошел к дивану, где сидела его жена, и наклонился поцеловать ее. – Извини, дорогая, мы не слишком поздно?

Склонив голову набок, она с улыбкой посмотрела ему в лицо.

- Ничуть. Еще только без четверти час. Как прошло утро?
- Превосходно.
- А где Томми и Джереми?
- Томми будет с минуты на минуту. А Джереми чистит за меня ружье.
- Славный мальчик!

Наблюдая за этим разговором со стороны, Джудит поспешила изобразить на лице приятную, вежливую улыбку. Но в глубине души она была потрясена наружностью мужа Дианы. Ибо полковник Кэри-Льюис был очень, очень стар; Джудит подумала, что по виду он больше годится Диане в отцы, чем в мужья, и легко мог бы быть дедом Лавди. Держался он, правда, по-армейски прямо и двигался легким, размашистым шагом физически активного человека, но его волосы – точнее, то, что от них осталось, – были совсем седые, а на изборожденном морщинами лице тускло светились глубоко посаженные выцветшие голубые глаза. Его обветренные щеки покрывала мертвенная бледность, а длинный нос над подстриженными на военный манер усиками походил на птичий клюв. Высокий, сухопарый полковник был в пиджаке из английского твида и в молескиновых бриджах, из-под которых выглядывали тонкие, аистинные ноги в чулках, обутые в крепкие спортивные, начищенные до блеска башмаки каштанового цвета.

– Он заверил, что это не составит ему никакого труда. – С этими словами полковник распрямился, высвободился из цепких объятий Лавди, пригладил волосы руками и обернулся к Джудит: – А ты, должно быть, подруга Лавди...

Она посмотрела ему в глаза: они светились вниманием и добротой, но вместе с тем в них таилась и глубокая печаль. Но вот он улыбнулся, и лицо его чуть просветлело. Он двинулся к ней, протянул руку:

- Я несказанно рад, что ты смогла приехать к нам.
- Ее зовут Джудит, – сообщила Лавди.

Джудит поздоровалась, и они обменялись официальным рукопожатием. Обхватившие ее руку пальцы были на ощупь сухими и шершавыми, от твидового пиджака исходил резкий сладковатый запах. Каким-то инстинктом Джудит вдруг поняла, что этот человек так же застенчив, как и она сама, и сразу же прониклась к нему симпатией. Как бы она хотела избавить его от смущения!

- Лавди хорошо о тебе позаботилась?
- Да. Она показала мне весь дом.
- Отлично. Теперь ты знаешь, что где находится...

Полковник замолчал. Ясно было, что легкая светская беседа не его конек, и очень кстати случилось, что в эту минуту их разговор прервало появление второго джентльмена, вслед за которым показался Неттлбед, неся перед собой, словно обещанный подарок, серебряный поднос, на котором стояла бутылка «Апельсиновой короны».

- Диана, мы не впали в немилость, вынудив вас прождать так долго?
- Ах, Томми, дорогой, не говорите глупостей! Удачная охота?
- Повеселились на славу!

Несколько секунд Томми Мортимер стоял в дверях, потирая руки, будто войдя с холодной улицы в тепло дома и предвкушая глоточек чего-нибудь расслабляющего. Он тоже был одет в элегантный охотничий костюм из твида. У него было мальчишеское, веселое, улыбчивое лицо с гладкой, загорелой, безупречно выбритой кожей, но голова почти полностью седая. В его появлении было что-то театральное, всем своим видом он, казалось, говорил: «А вот и я – теперь можно начинать...»

Томми пересек комнату и склонился к Диане, чтобы поцеловать ее в щеку, потом взглянул на Лавди:

– Привет, привет, егоза! Как насчет того, чтобы поцеловать своего почти что дядюшку? Что в школе? Там еще не сделали из тебя маленькую леди?

– О, Томми!

– Могла бы, по крайней мере, представить Томми своей подруге, – напомнила дочери Диана.

– О, пардон! – Слегка рисуясь, Лавди произнесла: – Джудит Данбар, с которой мы вместе учимся в школе... А это наш глубокоуважаемый и прочее и прочее Томми Мортимер.

Томми рассмешила ее дерзость.

– Здравствуй, Джудит.

– Здравствуйте.

Полковник, похоже, был уже сыт по горло светскими любезностями. Стоящий у стола с напитками Неттлбед наполнил бокалы. Сухой мартини для мистера Мортимера, пиво для полковника, «Апельсиновая корона» для девочек. Диана, лениво потягивавшая свой мартини, отказалась от второй порции. Взяв бокал, Томми уселся подле Дианы, повернулся к ней впол-оборота и небрежно закинул руку за диванные подушки. Уж не актер ли он, подумала Джудит. Она отнюдь не была искушенной театралкой, но зато просмотрела вместе с Хетер достаточно фильмов в порткеррисском кинотеатре, чтобы мгновенно распознать эту деланую позу с вытянутой рукой и изящно скрещенными ногами. Может быть, Томми – знаменитость, кинозвезда, просто она в своем невежестве не знает о нем. Но если бы это было так, Лавди не преминула бы просветить ее на сей счет.

Подав напитки, Неттлбед удалился.

Джудит тихонько потягивала свой лимонад. Он был сильно газированный, терпкий, очень сладкий и вкусный. Она боялась, как бы от газа ее не одолела отрыжка. Стоя немного в стороне от остальных, она старалась глотать шипучую жидкость медленно и осторожно, чтобы избежать недоразумений, и, сосредоточившись на этой задаче, не заметила, как вошел последний участник утренней охоты.

Мягко ступая в своих ботинках на резиновой подошве, он вошел так тихо, что его не заметил никто из присутствующих, и остановился на пороге открытой двери – молодой человек в очках, одетый в вельветовые штаны и толстый свитер «в резинку». Почувствовав на себе его взгляд, Джудит повернулась и увидела, что он разглядывает ее – точно так же, как когда-то она разглядывала его. Мгновение они смотрели друг на друга в некотором замешательстве, не веря своим глазам, потом он улыбнулся, и после этого у Джудит уже не осталось никаких сомнений – все в нем было ей знакомо.

Через всю комнату он направился прямо к ней:

– Ведь это ты, я не ошибся? Та девчушка с поезда?

От радости Джудит не могла проронить ни слова, лишь кивнула головой.

– Какое удивительное совпадение! Ты школьная подруга Лавди?

Девочка почувствовала, как губы сами собой, по своей воле растягиваются в улыбке, которую она не могла бы сдержать, даже если бы очень захотела.

Она опять кивнула.

– Как тебя зовут?

– Джудит Данбар.

– А меня – Джереми Уэллс.

Наконец она обрела дар речи:

– Знаю, я догадалась.

– Джереми! Я не слышала, как ты вошел. – Диана наконец заметила его появление. – Ты, должно быть, прокрался сюда на цыпочках. Заводишь знакомство с Джудит?

Он рассмеялся:

– В этом нет необходимости. Мы уже встречались. В поезде. Когда ехали из Плимута.

Все были приятно поражены таким совпадением и желали услышать подробный отчет об их встрече. Как они оказались в одном купе, как смотрели в окно на военные корабли, проезжая через салташский мост, как распрощались наконец в Труро.

– Как поживает твоя маленькая сестренка? С той тряпичной куклой? – спросил Джереми.

– Она вернулась в Коломбо. Вместе с мамой.

– Какая жалость. Я не знал, что они уезжают так далеко. Ты будешь скучать по ним.

– Они, наверно, уже добрались туда. А потом поплывут дальше, в Сингапур: мой отец получил туда назначение.

– Ты к ним скоро присоединишься?

– Нет; во всяком случае, не в ближайшие годы.

Это было настоящее чудо. Одетая в дорожные вещи Афины, с бокалом в руке, Джудит ощутила себя взрослой девушкой, ибо теперь у нее появился собственный взрослый друг, и все вокруг радовались этому. Украдкой она все посматривала в лицо Джереми Уэллса, желая убедиться, что все это ей не приснилось и он действительно здесь, в Нанчерроу, Джереми Уэллс – молодой врач с поезда и вместе с тем член клана Кэри-Льюисов. Она вспомнила, как тогда, в поезде, когда он открывал окно, конец его длинного шарфа коснулся ее колена; вспомнила свой рассказ о нем Филлис. «Он очень приятный человек, – сказала Джудит тогда. – Я бы хотела познакомиться с кем-нибудь вроде него».

И вот они встретились. Он здесь. Теперь они познакомились по-настоящему. Надо же такому произойти...

В холле зазвонил звонок, приглашающий на обед. Диана допила свой martini, передала пустой бокал Томми Мортимеру, поднялась на ноги и повела гостей и домочадцев в столовую.

– Теперь ты должна объяснить мне, как так получилось, что вы повстречались с Джереми, – попросил полковник, когда они уже сидели за столом.

– Мы сели на один и тот же поезд в Плимуте. Это было сразу после Рождества. И оказались в одном купе.

– А что ты делала в Плимуте?

– Гостила у тети с дядей. Он капитан ВМС, сейчас служит в Кейхаме. Мы ездили к ним на Рождество.

– Мы – это кто?

– Я, мама и моя младшая сестра. Он сошел в Труро, а мы поехали дальше, до Пенмаррона.

– Понятно. Ты тогда и узнала, что он врач?

– Да, он нам сказал. А еще... Диана сказала мне сегодня утром, что его отец – ваш семейный доктор. – Джудит чуть замешкалась, прежде чем фамильярно назвать жену важного престарелого полковника Дианой, но он, казалось, не придал этому значения. Вероятно, привык к тому, как вольно Диана относится к правилам этикета.

– Он славный малый. – Полковник глянул в сторону Джереми. – Отлично играет в крикет. И капитан корнуолльской регбийной команды. Я видел их игру в прошлом году в Твикенхеме – волнующее зрелище!

– Диана рассказывала мне.

Он улыбнулся:

– В таком случае я рискую показаться занудой. Что ж, расскажи мне тогда о своей семье. Они сейчас на Востоке?

– Да, в Коломбо.

– А ты была там?

– Я там родилась и прожила до десяти лет, а потом мы вернулись с мамой домой. Тогда-то и родилась Джесс. Сейчас ей уже четыре года.

– Твой отец на государственной службе?

– Нет, он работает в транспортном деле, в фирме под названием «Уилсон – Маккинон». Сейчас его направляют в Сингапур, и скоро они все вместе отправятся туда... Мама так не хотела переезжать, – добавила она, – но, я надеюсь, когда она приедет, ей там понравится.

– Да, надо думать, так оно и будет.

Джудит отметила, как отец Лавди учтив и гостеприимен: он поддерживал с ней беседу и старался сделать так, чтобы она чувствовала себя как дома. Полковник сидел во главе длинного обеденного стола, с Джудит по одну сторону и с Лавди по другую. Диана находилась на противоположном конце, слева от нее сидел Томми, справа – Джереми. Мэри Милливей, появившаяся, как только все сели за стол, заняла место между Джереми и Лавди. Она явилась причесанная, с напудренным носом и, держась совершенно свободно и раскованно, болтала с Джереми, которого, очевидно, знала чуть ли не с пеленок, – передавала ему последние новости о неуловимой Афине, а он в свою очередь рассказывал ей о своей работе при больнице Святого Томаса.

В обеденном меню, уже известном Джудит от самой миссис Неттлбед, не было ничего экзотического, но непрехотливые кушанья оказались приготовленными отменно. Темное, жирное рагу было подано со свежими грибами и под винным соусом, густое и нежное картофельное пюре прекрасно впитывало мясную подливу, а зеленая сладкая капуста, слегка посыпанная тертым мускатным орехом, хрустела, точно гренки. Из питья – только вода, а для мужчин еще и пиво. Неттлбед, окончив разносить овощи и проследив, чтобы все стаканы были наполнены, тихими шагами удалился из комнаты. Джудит с облегчением следила за его уходом. Ее так сковывало его леденящее присутствие, что она боялась, перепутав, взять вместо ножа вилку, опрокинуть стакан с водой или уронить на пол свою льняную салфетку.

Пока, правда, все шло как надо, так что Джудит расслабилась и начала получать удовольствие от еды и общения.

– Ну а ты? – спросил ее полковник. – Выдержишь ли ты разлуку со своими? Как тебе живется в «Святой Урсуле»?

Она пожала плечами:

– Нормально.

– А где ты будешь во время каникул?

– Я буду жить у тети Луизы.

– Где это?

– В Пенмарроне, рядом с полем для гольфа.

В этот миг над столом повисла тишина – один из тех непредсказуемых моментов, когда все беседующие разом замолкают на какое-то мгновение. И когда Джудит прибавила: «Дом называется Уиндиридж», ее голос прозвучал в полной тишине.

С другой стороны стола раздалось хихиканье Лавди.

– Что смешного? – спросил у нее отец.

– Если бы у меня был такой дом, я бы назвала его «Старая задница, одиноко стоящая на вершине холма», – выпалила она и закатилась пронзительным смехом; она наверняка бы подавилась кусочком мяса, если бы не полковник, вовремя хлопнувший ее по спине.

Джудит смутилась. Наверно, на Лавди сейчас обрушится шквал укоризненных замечаний или ей даже гневно повелят немедленно выйти вон из комнаты. Такие выражения... да еще за обеденным столом!

Однако никто, как видно, не был ни в малейшей степени шокирован этой выходкой, непостижимым образом она только позабавила присутствующих и вызвала всеобщий смех, как будто Лавди отпустила какую-то блестящую остроуту. Одна только Мэри Милливей проворчала: «Ах, Лавди, право же...», но никто, не говоря уже о самой Лавди, не обратил на нее внимания.

Перестав смеяться и утерев со щек слезы крошечным платочком с кружевной каймой, Диана проговорила, понизив голос:

– Какое счастье, что здесь не было Неттлбеда. Лавди, ты ведешь себя возмутительно.

Когда с основным блюдом было покончено, вызванный звонком Неттлбед убрал со стола посуду. После этого был подан десерт: пирог с начинкой из патоки, сливовый компот, крем по-корнуолльски. Полковник, исполнив свой долг по отношению к госте, повернулся к Лавди, которая готова была без устали рассказывать ему о несправедливости школьных порядков, о пристрастности Диэдри Лидингем, о невозможности разобраться в алгебре и о вредности экономки.

Он выслушивал ее сетования с вежливым вниманием, не прерывая, не пытаясь спорить, и Джудит догадалась, что все это он, видимо, слышал уже не раз. Она еще больше зауважала полковника, который, судя по всему, считал, что все жалобы Лавди не имеют под собой никакого основания. К тому же он, возможно, примирился с тем, что его дочь – из породы упрямых, горячих голов, которые во что бы то ни стало добиваются своего и, испробовав лесть и обаяние, не остановятся даже перед шантажом и вымогательством. Как в том случае, когда она сбежала из своей первой школы и отказалась вернуться.

Накладывая крем по верху пирога с патокой, Джудит прислушалась к разговорам за столом. Томми Мортимер с Дианой строили планы на лето: предстоящий лондонский светский сезон, выставка цветов в Челси, Уимблдон²⁴, Хенли²⁵, Аскот²⁶. Слушать их было поистине увлекательно.

– Я достал билеты на Центральный корт и на Королевскую трибуну.

– Бог ты мой! Придется мне купить несколько новых шляп.

– А как насчет Хенли?

– Давай поедem. Я обожаю Хенли – все эти милые чудачки в розовых галстуках...

– Встретимся с друзьями... Когда ты планируешь теперь выбраться в Лондон?

– Я еще не думала об этом. Может, через пару недель. Поеду на «бентли». Нужно заказать кое-что из одежды, сходить на примерку и прочее. И найти дизайнера по интерьеру, чтобы привести в порядок дом на Кэдоган-Мьюз к возвращению Афины из Швейцарии.

– Я знаю одного замечательного специалиста. Могу дать тебе его телефон.

– Это будет очень кстати. Я скажу тебе, когда соберусь ехать.

– Сходим в театр, а потом поужинаем в «Савое».

– Чудесно! – Диана вдруг вспомнила о Джудит и улыбнулась. – Извини, мы тут обсуждаем свои планы, а ты скучаешь. Сегодня ведь твой день, а никто с тобой не говорит. Итак, скажи, чем ты хочешь заняться сегодня? – Она слегка повысила голос, требуя внимания: – Кто чем планирует заняться после обеда?

– Я хочу покататься на Тинкербелл, – откликнулась Лавди.

– Дорогая, а как же твоя подруга?

– Джудит не интересуется верховой ездой. Она не любит лошадей.

– В таком случае, может быть, лучше заняться чем-нибудь, что по вкусу нашей гостье?

– Не беспокойтесь обо мне, – поспешила вмешаться Джудит, боясь, как бы не вспыхнул спор, однако Лавди, похоже, ничуть не страшила перспектива пререканий или даже ссоры.

– Ну, мама, я действительно хочу покататься на Тинкербелл! К тому же ты сама знаешь, что ее необходимо регулярно выгуливать, нельзя, чтобы она застаивалась.

– Я не хочу, чтобы ты была там одна. Может быть, папчик сможет составить тебе компанию?

²⁴ Умблдон – пригород Лондона, место проведения международного турнира по теннису.

²⁵ Хенли – имеется в виду Королевская регата в Хенли – ежегодные соревнования по гоночной гребле, проходящие в г. Хенли-он-Темз.

²⁶ Аскот – местечко близ г. Виндзор, где проходят знаменитые ежегодные скачки, традиционно посещаемые английским монархом.

– Лавди не будет одна, – вмешался полковник, – молодой Уолтер сегодня работает днем на конюшнях. Надо будет предупредить его, чтобы он оседлал и подготовил лошадей.

– Но, папчик! Почему ты не можешь пойти со мной?

– Потому, душа моя, что у меня имеются дела. Нужно написать кое-какие письма, сделать несколько телефонных звонков и встретиться с Маджем в четыре часа. – Он остановил снисходительный взгляд на жене. – А как ты собираешься провести остаток дня?

– О, насчет нас с Томми можешь не волноваться: я пригласила на бридж Паркер-Браунов. И все же по-прежнему неясно, как быть с нашей гостьей... – Джудит стало не по себе, будто она вдруг сделалась для всех досадной проблемой. Диана только усугубила ее смущение, повернувшись к Мэри Милливей. – Может быть, Мэри?..

Однако ей не дал закончить фразу Джереми Уэллс, до сего момента не участвовавший в дискуссии.

– Почему бы мне не позаботиться о Джудит? – предложил он. – Мы прихватим собак и пойдем на конюшни все вместе, Лавди останется там, а мы вдвоем с Джудит прогуляемся до бухты. – Он с улыбкой взглянул на Джудит, и она почувствовала к нему благодарность: он великодушно пришел ей на помощь. – Как тебе нравится эта идея?

– Это просто замечательно. Но вам не стоит волноваться из-за меня, я хочу сказать, что могла бы и одна прекрасно провести время.

Диана, явно обрадованная тем, что все разрешилось благополучно, отвергла ее робкие возражения:

– Разумеется, ты не можешь оставаться одна. Это чудесная мысль, Джереми, если, конечно, твои родители не будут возражать, что ты останешься у нас на весь день. В конце концов, ты ведь приехал домой только на выходные, а я представляю себе, как они хотят тебя видеть...

– Я покину вас после чая. Все равно отец сегодня на вызове. Но вечер я проведу с семьей. Лицо Дианы осветилось лучезарной улыбкой.

– Ну разве это не прекрасно? Все устроилось как нельзя лучше, и все довольны. Джудит, тебе понравится бухта – наш собственный чудный пляжик. Но захвати с собой куртку или попроси у Мэри еще один джемпер – у моря всегда холодно. А ты, Лавди, не забудь надеть защитный шлем. Теперь же... – она отодвинула свой стул, – пойдем в гостиную и выпьем по чашечке кофе?

Приглашение это, по всей видимости, не распространялось на Лавди с Джудит; когда взрослые ушли, девочки остались в столовой, чтобы помочь Мэри и Неттлбеду убрать со стола, а потом поднялись наверх и стали собираться на прогулку. Для обеих было приготовлено еще по одному теплому пуловеру, а для Лавди также защитный шлем, сапоги и перчатки для верховой езды.

– Ненавижу этот шлем, – пожаловалась она. – У него слишком тугая резинка, она натирает мне подбородок.

Но Мэри была непреклонна.

– Так я тебе и поверила! И не вздумай ездить без него!

– Я не понимаю, зачем он нужен. Сколько других девочек ездят без шлема!

– Другие девочки пусть делают что им угодно, а мы не хотим, чтобы ты размозжила себе голову о какой-нибудь камень. Держи свою плетку, и вот вам по ириске на дорожку. – Она достала с каминной полки стеклянную банку и выдала девочкам скупой паек сладостей.

– А для Джереми с Уолтером? – стала клянчить Лавди, и Мэри, засмеявшись, выудила еще две штуки. – Марш отсюда! Когда вернетесь, я приготовлю вам чай здесь, у камина.

Словно резвящиеся щенки, они вприпрыжку сбежали вниз по лестнице и понеслись по коридору, ведущему к двери в гостиную. Перед дверью Лавди остановилась.

– Туда заходить не станем, а то нам будет не отвязаться. – Приоткрыв дверь, она просунула в щель голову. – Джереми! Мы уже готовы!

– Встретимся в оружейной, – слышался его голос. – Через минутку. Я возьму Пеко, а Тигр уже там, обсыхает после утренней прогулки.

– Ладно! Мамуля, удачной тебе игры! Папчик, пока! – Лавди закрыла дверь. – Пошли, сходим теперь на кухню и возьмем несколько кусочков сахара для Тинкербелл и Рейнджера. И если миссис Неттлбед станет предлагать конфеты, смотри не проговорись, что Мэри уже дала нам ирисок.

Впрочем, от миссис Неттлбед они получили не конфеты, а миниатюрные, прямо из духовки пирожные, которые она приготовила к чаю. С пылу с жару, они были слишком аппетитны, чтобы оставлять их на потом, и девочки расправились с ними тут же, потом совершили налет на сахарницу и понеслись дальше. «Приятного вам отдыха!..» – напутствовала их миссис Неттлбед.

Задний коридор вывел их в оружейную, где приятно пахло маслом, льняным семенем, старыми макинтошами и собаками. Вдоль стен тянулись запертые шкафчики с ружьями и шомполами, специальные полки были отведены под багры и сапоги, обычные и болотные. Тигр, дремавший на своей подстилке, услышал их шаги и тут же нетерпеливо вскочил, показывая, как ему не терпится еще разок размяться на свежем воздухе. Это был крупный черный лабрадор с квадратным носом и темными глазами.

– Привет, Тигр, миленький, как дела? Как прошло утро, как тебе понравилось отыскивать кроликов и голубей? – (Пес глухо заурчал, и Джудит показалось, что он очень добрый.) – Хочешь с нами прогуляться?

– Конечно хочет! – слышался сзади голос Джереми. Он поставил на пол Пеко, которого нес под мышкой, и, пока натягивал свою куртку, снятую им с крючка на стене, собаки засвидетельствовали друг другу свое почтение: Тигр принялся дружелюбно обнюхивать Пеко – тот опрокинулся на спину и стал размахивать лапами, будто плыл на спине.

Джудит засмеялась:

– Они так потешно смотрятся вдвоем.

– Да уж, это точно, – усмехнулся Джереми. – Ну что, девушки, в путь! Хватит здесь прохлаждаться, а то Уолтер нас заждется!

Гуськом они вышли из комнаты через вторую дверь, которая открывалась на мощный двор с голубятней. Холодная, почти как зимой, погода захватила Джудит врасплох. В доме, обогреваемом с помощью центрального отопления, залитом мягким солнечным светом и цветочным ароматом, легко было забыться и поверить, что уже пришла весна со своим теплом, но стоило высунуть нос на улицу, как покалывающий зимний морозец мгновенно развеял эту иллюзию. Было все еще солнечно, но с моря налетал порывами резкий восточный ветер, а то и дело набегающие облака закрывали солнце. Поеживаясь от холода, пробирающего даже через два свитера, Джудит напомнила себе, что, в конце-то концов, на дворе еще только середина февраля. Заметив, что она дрожит, Джереми поспешил ее успокоить:

– Не волнуйся, сейчас пойдем, и ты живо разогреешься, станешь румяная как яблочко!

Конюшни располагались в некотором отдалении от дома, деликатно скрытые из виду рощицей молодых дубков, которая и посажена была с этой целью. К ним вела гравиевая дорожка, и, приблизившись, молодые люди увидели очень опрятные конюшни, практически спланированные в форме буквы «п», с двором в центре. Во дворе уже стояли наготове две оседланные лошади, привязанные к вделанным в стену железным кольцам, – Тинкербелл и Рейнджер. Пони Тинкербелл – маленькая серая очаровашка, а гнедой Рейнджер, на котором охотился полковник, – здоровенный коняга, прямо-таки слон, подумала, с опаской поглядывая, Джудит. С мощными ногами, с лоснящейся, выхоленной шкурой, под которой перекачивались бугры мышц, он казался невероятно сильным и устрасал одним своим видом. Джудит

решила держаться от него подальше. Пони она погладит, скормит ей даже кусок сахара, но к этой громадине близко подходить не стоит.

При животных находился молодой человек, он подтягивал подпругу у серенькой лошади. Заметив их приближение, он выпрямился в ожидании, положив руку на шею пони.

– Привет, Уолтер! – крикнула Лавди.

– Привет!

– У тебя уже все готово! Ты что, знал, что мы придем?

– Миссис Неттлбед отправила малышку Китти, чтобы предупредить меня. – Он кивнул Джереми. – Привет, Джереми, не знал, что ты здесь.

– Выдалась пара свободных деньков. Как поживаешь?

– Да неплохо! Едешь с нами?

– Нет, только не сегодня. Мы с Джудит пройдемся пешком до бухты, прогуляем собак. Познакомься – Джудит Данбар, подруга Лавди.

Уолтер слегка повернул голову в сторону Джудит и кивнул ей: «Привет».

Это был необыкновенно привлекательный юноша – стройный, смуглый, загорелый, как цыган, с вьющимися черными волосами и темными, точно кофейные зерна, глазами. На нем были вельветовые бриджи, плотная рубашка в синюю полоску и кожаный жилет, на загорелой шее повязан желтый хлопчатобумажный платок. Сколько ему лет? Шестнадцать? Или семнадцать? Впрочем, выглядел он старше, как вполне зрелый мужчина, и на подбородке у него уже пробивался темный пушок – предвестие настоящей бороды. Джудит он напомнил Хитклиффа из «Грозового перевала»²⁷, и ей не составило труда понять, почему Лавди так жаждала показаться сегодня на Тинкербелл. Даже Джудит полюбила бы верховую езду, будь у нее такой эффектный компаньон, как Уолтер Мадж.

Уолтер вскочил на Рейнджера с такой легкостью и грацией, что невольно приходила мысль: уж не играет ли он, пусть самую малость, на публику?

– Желаю отлично повеселиться! – попрощалась Джудит с подругой.

Лавди подняла свою плетку:

– И тебе того же!

Звонко застучали копыта, потом их топот стал глуше – лошади ступили на гравий дорожки. В ярком холодном свете зимнего солнца пара всадников являла собой великолепное зрелище. Они перешли на рысь и вскоре скрылись за дубовой рощицей. Топот копыт растворился в воздухе.

– Куда они направились? – спросила Джудит.

– Вероятно, в сторону Лиджи, а потом дальше, до самых вересковых пустошей.

– Мне вдруг стало жаль, что я не люблю лошадей.

– Если еще не полюбила, то уже никогда не полюбишь. Пойдем; стоя на месте, мигом замерзнешь.

Они пошли тем же путем, каким умчались всадники, а потом свернули направо, где через сад бежала под гору дорожка, которая вела в сторону побережья. Собаки бросились вперед них и вскоре исчезли из виду.

– Они не потеряются? – забеспокоилась Джудит, но Джереми успокоил ее:

– Они прекрасно знают этот маршрут. Когда мы доберемся до бухты, собаки будут уже там, а Тигр даже успеет искупаться.

Джереми пошел впереди, она последовала за ним. Вскоре строго спланированные, геометрически правильные газоны с клумбами остались позади. Они прошли через кованую железную калитку, и сузившаяся дорожка нырнула в дебри субтропической растительности: камелий, поздноцветущих гортензий, величественных рододендронов, пышных рощиц бам-

²⁷ Хитклифф – персонаж из романа английской писательницы Эмили Бронте (1818–1848).

бука, пальм, чьи высокие стволы были опутаны чем-то вроде очень толстых черных волос. Высоко у них над головами, в голых ветвях вяза и бука, на которых восседали полчища грачей, шумел ветер. Спустя какое-то время в зарослях папоротника, стелющегося по земле плюща и мхов показалась крошечная речушка и с журчанием побежала по каменистому руслу вдоль дорожки. Время от времени струящийся поток пересекал дорожку, и тогда путь пролегал через затейливые деревянные мостики, в которых было что-то «восточное»: Джудит сразу вспомнила фарфоровые тарелки с синим узором в китайском стиле – ивы у мостика через ручей. Кроме журчания воды и шума ветра в ветвях, не слышалось ни звука; шаги заглушал толстый покров наполовину сгнившей листвы, и только когда путники переходили через мостики, доски гулко звучали у них под ногами.

Когда последний мостик остался позади, Джереми остановился, поджидая отставшую Джудит. Собак все еще не было видно.

– Ну как ты?

– В порядке.

– Отлично. Мы уже у тоннеля.

Он двинулся дальше. Взглянув вперед, Джудит увидела, что наклонная тропа ныряет в похожее на пещеру отверстие в сплошной стене гуннеры²⁸, этого чудовищного цветка с колючими стеблями и гигантскими, как зонты, листьями. Джудит видела гуннеру и раньше, но не в таком устрашающем количестве. Растения стояли злобной толпой, как существа с другой планеты, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы пригнуть голову и шагнуть за своим спутником в этот естественный растительный тоннель. Дневной свет не проникал сюда, воздух был такой сырой, а все вокруг такое зеленое, будто плывешь под водой.

Джудит с трудом пробиралась по темному проходу, стараясь не отставать от Джереми и не поскользнуться на тропе, которая стала еще круче.

– Не люблю я эту гуннеру! – воскликнула она.

Джереми обернулся с улыбкой.

– В Бразилии, – сказал он, – под ее листьями прячутся от дождя.

– По мне, уж лучше промокнуть.

– Осталось совсем чуть-чуть.

И в самом деле, через минуту-другую они вышли из первобытного мрака тоннеля на ослепительный свет солнечного зимнего дня и очутились перед заброшенной каменоломней. Дорожка перешла в зигзагообразный спуск из грубо вытесанных ступеней, ведущих на дно карьера. Речка, продолжавшая журчать где-то поблизости, снова возникла в поле зрения – сверкающим водопадом она срывалась с обрыва в каменистую расселину, покрытую изумрудным одеялом мха и папоротника и затуманенную водяной пылью. Шум падающей воды заглушал все остальные звуки. По стенам каменоломни росла лошадиная фи́га, а дно, усеянное камнями и валунами, превратилось за долгие годы в дикий сад ежевики, папоротника-орляка, переплетающейся жимолости и желтого, как сливочное масло, аконита. В воздухе стоял сладкий, миндальный аромат утесника, смешанный с острым, свежим запахом водорослей, и Джудит поняла, что до моря уже рукой подать.

Молодые люди осторожно спустились вниз по крутой, кустарно сработанной лестнице. На дне дорожка, сузившаяся до узенькой тропки, снова побежала вдоль ручья, выходящего между мрачными валунами, и через какое-то время они добрались до настоящего, первоначального входа в каменоломню на противоположном ее краю. Речушка исчезла в отверстии дренажной трубы. Они поднялись по поросшему травой отлогому склону к деревянным воротам и, выйдя из них, прыгнули на гудронированную полосу узкой сельской дороги. По ту сторону дороги стояло низенькое каменное ограждение, а за ним уже начинались скалы и море.

²⁸ Гуннера – колючий ревень, травянистое растение, ширина листа в поперечнике достигает трех метров.

На территории поместья путников укрывала от ветра густая растительность, теперь же они были беззащитны перед его мощным натиском. Испещренное белыми барашками море ярко синело в лучах выглянувшего солнца. Джудит и Джереми перешли через дорогу и поднялись по приступкам через каменную стенку. Отсюда к прибрежным скалам спускалась среди колючего утесника, папоротника-орляка и островков первоцвета дернистая тропинка. Было время отлива, и прибрежная полоса песка лежала перед ними полумесяцем. Их спутница-речушка появилась снова, устремившись вниз по склону обрыва на песок пляжа; разделяя пляж надвое, она вливалась в воды бухты. Ветер налетал резкими порывами, над головой с криками носились чайки. Волны непрерывно рокотали, набрасываясь пенистыми гребнями на берег и затем откатываясь назад с оглушительным шипеньем.

Как и обещал Джереми, собаки уже были здесь: Тигр мокрый – он уже успел искупаться, а Пеко рыл ямку, учуяв какую-то полуразложившуюся требуху, погребенную в песке. Вокруг не было ни души. Только собаки, чайки и они двое.

– Здесь бывают люди? – спросила Джудит.

– Нет. Думаю, вряд ли кто даже догадывается о существовании этой бухточки.

Джереми стал спускаться вниз, перелезая через валуны и огибая острые выступы; Джудит двинулась следом. Вскоре они добрались до широкого выступа скалы, нависающего над пляжем; поверхность каменистого навеса пожелтела от лишайника, в щелях и трещинах росли цветки армерии.

– Как видишь, берег здесь довольно крутой, и во время прилива вода поднимается футов на двадцать, если не больше. Прозрачная как хрусталь. Для ныряния лучше не придумаешь. – Он взглянул на нее с улыбкой. – Ты умеешь нырять?

– Да, отец научил меня – в бассейне гостиницы «Галле-Фейс».

– Тебе надо приехать сюда летом – сможешь похвастаться своим умением. Место просто идеальное. На этой скале мы обычно закусьваем во время пикников, здесь можно не бояться, что термос унесет волной в море. Местечко довольно укромное и более или менее защищенное от ветра. Присядем на минутку?

Стараясь устроиться поудобнее на жестком камне, они опустились на выступ утеса. Джудит уже не было холодно, она согрелась – от движения, от слепящего солнца, от приятного, непринужденного общества Джереми.

Она заговорила:

– Не знаю, случалось ли вам когда-нибудь бывать на пляже в Пенмарроне, но он совсем не такой, как этот. Тоже огромный, как пустыня, и такой же безлюдный; чтобы укрыться от северного ветра, надо подняться на дюны. Там очень красиво, но зато здесь более... – Она остановилась в поисках подходящего слова.

– По-домашнему? – подсказал Джереми.

– Вот-вот, именно так. Я очень рада, что вы привели меня сюда. Надеюсь, для вас это не было слишком обременительно. Я могу прекрасно проводить время в одиночестве.

– Не сомневаюсь. Но за меня не беспокойся, я и сам хотел наведаться сюда. Я люблю это место, люблю приходить сюда. Может, чтобы отдохнуть душой. – Он сидел, опершись локтями о колени, и, прищурившись, глядел сквозь очки на море. – Видишь бакланов на той скале? Бывает, в теплую погоду и тюлени вылезают погреться на солнышке. Собаки тогда просто с ума сходят, и ничего нельзя с ними поделать.

Они умолкли. Джудит подумала о Лавди с Уолтером: сейчас они, вероятно, несутся легким галопом через поля, – но она уже не чувствовала зависти, кольнувшей ее в сердце в тот момент, как они помчались от них прочь. Лучше сидеть здесь, на этом скалистом выступе, и рядом с этим милым человеком. Вместе с ним ей было так же хорошо и спокойно, как и наедине с собой.

Немного погодя она снова заговорила:

– Вы ведь здесь хорошо все знаете. Нанчерроу. И Кэри-Льюисов. Будто это ваш дом, а они – ваша семья. Хотя на самом деле у вас есть свой дом и своя семья.

Джереми откинулся назад, опершись локтями о камень.

– Нанчерроу для меня – это как второй дом. Понимаешь, я приезжаю к Кэри-Льюисам уже много-много лет. Я познакомился с ними еще ребенком, ведь мой отец – их семейный доктор, а когда я повзрослел и начал играть в регби и крикет, полковник стал для меня чем-то вроде патрона и покровителя, он всячески поощрял и поддерживал меня. Он заядлый болельщик, был на всех наших играх, болел за нас. Потом стал приглашать меня на охоту, и это было очень любезно с его стороны, так как отец из-за недостатка времени не стал охотником и не мог отплатить полковнику за его гостеприимство.

– А дети? Я имею в виду Афины и Эдварда. Они тоже ваши друзья?

– Да, несмотря на то что они намного моложе меня, мы дружим. Когда Афина начала ходить на танцы, полковник поручал мне быть ее компаньоном – ответственное дело! Правда, она никогда со мной не танцевала, но мне доверяли отвезти ее и потом доставить домой в целости и сохранности.

– Вы не огорчились, что она не танцует с вами?

– Не так чтобы очень. У меня всегда было много знакомых девушек.

– Она ведь очень красивая.

– Обворожительная. Копия своей матери. Мужчины падают вокруг нее, как сбитые кегли.

– А Эдвард?

– Эдварда я очень хорошо знаю. В студенческие годы я часто нуждался в деньгах, и полковник предложил мне на каникулах стать кем-то вроде «домашнего учителя». Эдвард был не слишком прилежным учеником, и ему пришлось заниматься дополнительно, чтобы успешно сдать экзамены и поступить в Харроу. Кроме того, я натаскивал его в теннисе и крикете, а еще мы ездили в Пензанс заниматься парусным спортом в тамошнем клубе. Здорово было. Как видишь, я много времени провел вместе с Кэри-Льюисами.

– Теперь я понимаю.

– Что понимаешь?

– Как вы стали частью этой семьи.

– Это случилось само собой. А ты сама? Представляла ли ты, что именно увидишь тут, когда тебя пригласили на выходные в Нанчерроу?

– Вообще-то, нет.

– В первый раз все это производит, конечно, сильное впечатление. Хотя я не думаю, чтобы ты была так уж потрясена.

– Нет, не была. – Она задумалась. – Но только потому, что все они такие милые. Иначе мне было бы страшно в окружении такой... роскоши. Все эти дворецкие, пони, няни, выезды на охоту... Ни в одном доме из тех, где я бывала, не держали дворецкого. На Цейлоне – дело другое, там у всех есть слуги; но здесь, в Англии, где большинство хозяев обходится услугами лишь одного человека – и на кухне, и в комнатах... Видимо, полковник Кэри-Льюис немыслимо богат?

– Не более, чем любой другой землевладелец в Корнуолле.

– Но...

– Основная часть состояния принадлежит Диане. Она была единственным ребенком лорда Олискама. После его смерти ей можно было не думать о деньгах.

Похоже, Диана была одарена решительно всеми благами.

– Наверно, ей покровительствует какая-то добрая фея. Такая красивая, такая богатая, такая обаятельная! Многие были бы счастливы иметь хотя бы что-нибудь одно. И не просто красавица, а неувядающая красавица! Кто бы мог подумать, что у нее взрослые дети!

– Ей было всего семнадцать, когда она вышла за Эдгара.

– Эдгар? Так зовут полковника?

– Да. Он, конечно, намного старше ее, но боготворил ее всю жизнь и в конце концов добился ее руки. И время показало, что это очень удачный брак.

– Если он любит ее так сильно, как же он терпит мужчин вроде Томми Мортимера?

Джереми рассмеялся:

– Ты считаешь, он должен выгнать его вон?

Джудит смутилась, как будто ляпнула ужасную глупость.

– Нет, конечно нет. Просто мне показалось... он мне показался... – Она совсем запуталась. – В общем, я подумала, что он актер.

– А-а... все эти театральные жесты и медоточивые речи? Я тебя понимаю. Нет, он не актер. Он ювелир. Его семья владеет ювелирным магазином «Мортимерс» в Лондоне, на Риджент-стрит. Ну, знаешь, где покупают невысказанно дорогие свадебные подарки, обручальные кольца и тому подобное. Моя мама зашла туда один раз – только чтобы проколоть уши. Говорит, когда вышла, чувствовала себя настоящей миллионершей.

– Томми Мортимер... он не женат?

– Нет. Постоянно повторяет, что он любил и любит одну Диану. Но на самом деле, я думаю, ему нравится холостяцкая жизнь и жалко расстаться со своей свободой. Однако, несмотря ни на что, он близкий друг Дианы. Он заботится о ней во время ее наездов в Лондон и сам время от времени приезжает в Нанчерроу – отдохнуть и подышать свежим воздухом.

И все-таки Джудит было не все понятно.

– И полковник не возражает?

– Не думаю. У каждого из них свой образ жизни, каждый делает что хочет. У Дианы есть маленький дом в Лондоне, ей необходимо время от времени сбегать из Нанчерроу в большой город. Эдгар же ненавидит Лондон и ездит туда только для того, чтобы повидаться со своим биржевым маклером или посмотреть крикет на поле «Лордз». И в лондонском домике Дианы никогда не живет, предпочитая останавливаться в крикет-клубе. Он по природе своей сельский житель. Всегда им был. Его жизнь – это Нанчерроу: ферма и поместье, охота, фазаны, лосось (он иногда ездит на рыбалку в Девон). Кроме того, он мировой судья и член совета графства. Вечно занятой человек. Плюс ко всему, повторяю, он намного старше Дианы и при всем желании не стал бы предаваться развлечениям, которые она так любит.

– Каким, например?

– Поездки по магазинам, игра в бридж, ужины в лондонских ресторанах, посещение концертов, театров, ночных клубов. Однажды она взяла полковника на какой-то концерт, и он там почти все время проспал. В его представлении, хорошая песня – это «Если бы ты была единственной девушкой на свете» и «Край надежды и блаженства».

Джудит рассмеялась, потом сказала:

– А мне он очень нравится. У него такое доброе лицо.

– Он и вправду добрый. И еще он болезненно застенчив. Но у тебя с ним, похоже, нашлось о чем поговорить, и тебе удалось растопить лед его необщительности.

В этот момент их мирной беседе неожиданно пришел конец. Собаки, которым уже наскучили и песок, и море, вскарабкались на скалы. Тигр, искупавшийся второй раз, был весь мокрый, а шкуру Пеко покрывала корка прилипшего песка. Оба пса давали понять, что им надоело околачиваться на пляже и хочется домой. Солнце скрылось за большой мрачной тучей, море стало свинцовым, в воздухе похолодало – определенно, пора было двигаться в обратный путь.

Они не стали возвращаться той же дорогой, какой пришли, – через сад Нанчерроу, – а пошли вдоль берега и только спустя милю или около того повернули и направились вглубь суши, поднимаясь по крутой лошине, образованной руслом неглубокой речки, поросшей чахлыми дубками, стволы которых были нещадно искривлены ветрами. Добравшись до устья, они оказались прямо перед пустошами, откуда через пастбища, на которых паслись стада коров,

в сторону Нанчерроу вела общественная дорога. Когда дорога пересекала границы территорий разных ферм, в изгородях между полями были не калитки, а доисторические приступки – бруски гранита, врытые в глубокие канавки.

– Это старинные ограждения, – пояснил Джереми, карабкаясь через эти препятствия. – И они намного эффективнее, чем калитки, потому что калитку можно оставить после себя открытой.

Тигр принял приступки как само собой разумеющееся, а вот Пеко застрял на первой же, и его пришлось каждый раз переносить на руках.

К тому времени как они приблизились к усадьбе, было уже почти пять часов и день начал клониться к вечеру. Небо затянуло тучами, солнце безвозвратно исчезло, стало темнеть.

Джудит чувствовала усталость. Преодолевая последние изгибы подъездной аллеи, она спросила:

– А Лавди уже дома?

– Должна быть дома. Уолтер должен был проследить, чтобы она вернулась засветло.

Теперь даже собаки бежали не так резво, но дом был уже совсем близко. Деревья расступились, подъездная дорога сделала последний поворот, и показались освещенные окна и застекленная парадная дверь особняка. Джудит и Джереми вошли, однако не через нее, а тем же ходом, каким вышли, – с задней стороны дома, через оружейную.

– Здесь не принято, – объяснил Джереми, – пускать собак в основную часть дома, пока они полностью не обсохнут. Не то всем диванам и коврам очень быстро придет конец.

Он налил собакам свежей воды в эмалированные миски и, стоя, ждал, пока они напьются. Утолив жажду, они встряхнулись и улеглись в свои корзины.

– Ну вот, – сказал Джереми, – теперь надо найти Мэри. Она должна уже поджидать нас с чайником на огне. Я пойду помою руки, встретимся в детской.

Джудит устало поплелась наверх в свою комнату. Но на этот раз все выглядело уже знакомым, привычным. Она возвращалась в Нанчерроу, а не входила сюда впервые. Она стала одним из обитателей дома, ее здесь приняли и признали, и это – ее комната. Джудит стянула толстый свитер, кинула его на кровать и пошла в ванную – вымыть руки ароматным мылом и вытереть махровым полотенцем. После этого она привела в порядок растрепавшиеся на ветру волосы и стянула их сзади в хвост. Из зеркала на нее смотрело порозовевшее от ходьбы и свежего воздуха лицо. Сегодня был длинный день, и он еще не кончился. Она зевнула и отправилась пить чай.

Джереми уже сидел вместе с Мэри и Лавди за чайным столом и намазывал маслом горячую булочку.

– Куда же вы запропалились? – воскликнула Лавди, когда Джудит вошла. – Вас так долго не было! Мы уж думали высылать спасательный отряд.

Джудит выдвинула стул и присоединилась к ним. Какое блаженство – просто сесть! Ярko пылал камин, за окном смеркалось, и Мэри уже успела задернуть занавески.

– Как тебе понравился пляж? – поинтересовалась Лавди.

– Очень красивый.

– Ты как любишь чай? – спросила Мэри. – С молоком и без сахара? После такой прогулки тебе просто необходима большая чашка крепкого чайку. Я тут упрекала Джереми – не стоило тащить тебя в такую даль.

– Почему же? Мне очень понравилось. А ты, Лавди, хорошо покаталась?

Да, Лавди прекрасно провела время, было полно захватывающих приключений: Тинкербелл благополучно перемахнула через высокую калитку, а Рейнджер в один прекрасный момент шарахнулся в сторону, напуганный затрепетавшим на ветру мешком, который висел на живой изгороди из боярышника, но Уолтер блестяще справился с ситуацией и успокоил коня. «Я уж решила, попали мы в беду». А выехав на пустоши, они пустились галопом и мчались не

одну милю; это было бесподобно, и в кристально чистом воздухе были видны самые далекие дали. Все было просто божественно, и она ждет не дождется следующего раза, когда можно будет покататься с Уолтером. «С ним даже веселее, чем с папчиком: папчик всегда такой осторожный!»

– Надеюсь, Уолтер не очень лихачил и не подвергал тебя опасности, – строго проговорила Мэри.

– Ах, Мэри, ты такая паникерша! Я и сама в состоянии позаботиться о себе.

Они оторвались от чая и горячих булочек, воздушных глазированных пирожных, песочного печенья только тогда, когда почувствовали, что не в состоянии проглотить больше ни крошки. Джереми откинулся на спинку стула и потянулся всем телом. Джудит испугалась, что бедный стул сейчас треснет под его тяжестью, но, к счастью, все обошлось.

– Как это ни печально, – сказал Джереми, – но мне надо собираться домой, если я хочу поспеть к ужину.

– Как ты можешь думать о еде после всех этих булочек, не понимаю! – отозвалась Лавди.

– Я бы на твоём месте помалкивал.

Едва он поднялся из-за стола, как дверь открылась и вошла Диана.

– А, вот вы где! Да у вас тут настоящее пиршество! И так уютненько устроились!

– Вы уже пили чай, миссис Кэри-Льюис?

– Да, и Паркер-Брауны уже откланялись – они приглашены к кому-то на коктейль, – а джентльмены засели с газетами. Джереми, ты что, собрался уходить?

– Боюсь, что да. Пора.

– Так рада была с тобой повидаться. Передай от меня сердечный привет родителям...

– Благодарю за обед и за все остальное. Я загляну к полковнику и Томми попрощаться.

– Хорошо. И заезжай к нам почаще.

– С удовольствием... но не знаю, когда теперь получится выбраться. До свидания, девушки! Пока, Джудит, здорово было увидеть тебя снова. До встречи, Мэри... – Он поцеловал ее. – И вы, Диана. – Ее он тоже поцеловал, потом подошел к двери и, помахав рукой на прощание, вышел.

– Славный мальчик! – проговорила Диана с улыбкой. Она подошла к дивану и уселась с краю, поближе к огню. – Вы, девочки, спуститесь ужинать в столовую или перекусите здесь, в детской, вместе с Мэри?

– А к ужину надо будет переодеваться? – спросила Лавди.

– Что за дурацкий вопрос, дорогая! Разумеется, нужно будет переодеться.

– Тогда мы, пожалуй, здесь поедим – перекусим омлетом или чем-нибудь таким...

Диана вскинула брови:

– А Джудит не против?

– Я люблю омлет, – ответила Джудит, – да и платья у меня нету.

– Ну что ж, раз вы так хотите, я скажу Неттлбеду. Китти принесет вам еду на подносе. – Она сунула руку в карман своей кофты, достала сигареты и золотую зажигалку; закурила и потянулась за пепельницей. – Джудит, а где тот красивый ларец, что ты привезла с собой? Ты обещала мне показать его после чая. Неси же его сюда, посмотрим, что это за вещица...

Минут десять или около того они провели в созерцании красот кедрового ларца и замысловато устроенного замочка. Джудит было очень приятно видеть, как очарована Диана, как восхищается каждой деталью ее сокровища, открывая и закрывая крошечные выдвижные ящички. Она даже пообещала пожертвовать свою коллекцию раковин каури, чтобы заполнить один из них.

– Ты можешь использовать его как шкатулку. Для своих колец и драгоценностей. Здесь они будут как в надежном банке.

– У меня нет колец и драгоценностей.

– Нет, так будут. – Диана в последний раз опустила крышку и заперла замок. – Где ты планируешь держать его?

– У тети Луизы, наверно... Отвезу его, когда она придет забирать меня на каникулы.

– Да, но это будет нескоро. А эта карга-экономка, – вмешалась Лавди, – отказалась выделить ей уголок в своем медицинском шкафу!

– Почему бы тебе не оставить его здесь? – предложила Диана.

– Здесь?!

– Да, в Нанчерроу. В своей спальне. И каждый раз, когда ты станешь приезжать к нам, он будет ждать тебя там.

– Но разве... – Однако в голове у Джудит крутилась лишь одна мысль: она опять получит приглашение приехать в Нанчерроу, этот визит не окажется единственным, она сюда вернется. – Но... он не будет вам мешать?

– Нисколько. И в следующий раз, как поедешь к нам, не забудь захватить кое-что из одежды – ты можешь оставить ее здесь без всякого стеснения, как если бы это был твой второй дом. И тогда тебе не придется ходить в обносках Афины.

– Мне эти вещи очень понравились. У меня никогда не было пуловера из кашемира.

– Тогда оставь его себе. Мы повесим его в твой шкаф, и это будет началом твоего здешнего гардероба.

Давным-давно примирившаяся с тем фактом, что очень пожилым людям не требуется много сна, Лавиния Боскавен лежала в своей мягкой двуспальной кровати головой к окну и наблюдала, как заря высветляет ночное небо. Портьеры были раздвинуты – разведены в стороны до предела: она всегда считала, что безрассудно пренебрегать такими бесценными сокровищами, как темнота за окном, сияние звезд, ночные звуки и запахи.

Портьеры эти были очень старые... пусть и не такие старые, как сама миссис Боскавен; они висели здесь столько же, сколько она сама жила в Дауэр-хаусе, то есть без малого полвека. От времени и от солнечных лучей они полиняли и износились, там и сям торчала наружу толстая подкладка, похожая на клочковатую шерсть старой овцы; шнуры на ламбрекенах и затейливые портьерные завязки расплелись, спутались и свисали беспорядочными комками нитяных петелек. Ну и пусть. Когда-то они были красивыми, она их выбрала, она их любила. И они останутся здесь до самого конца. До ее конца.

Сегодня утром нет дождя. И то хорошо, подумала она. Всю зиму дожди лили и лили, и хотя в свои восемьдесят пять она уже отказалась от прогулок до деревни и обратно и долгих пеших променадов ради моциона, было все-таки приятно иметь возможность выйти в сад и покопаться часок-другой на свежем воздухе: подсыпать опилок под розы или завязать в опрятные пучки листья желтых нарциссов после того, как цветки завянут и осыплются. В этом ей помогала оригинальная скамеечка для стояния на коленях, которую разработал и изготовил на лесопильне своего поместья племянник миссис Боскавен Эдгар. Подбитая слоем резины, она уберегала ее старые колени от сырости, а на крепкие ручки удобно было опираться, когда надо было снова подняться на ноги. Такое простое приспособление – и какое практичное! Практичное, как и сам Эдгар, которого бездетная Лавиния всегда любила и лелеяла, как родного сына.

Небо светлело. Прекрасный холодный день. Воскресенье. Она вспомнила, что сегодня к ней на обед приедут Эдгар с Дианой, а также Томми Мортимер и Лавди со своей школьной подругой. С Томми Мортимером она была давно знакома, они много раз встречались, когда он приезжал из Лондона в Нанчерроу отдохнуть от суеты большого города. Поскольку этот мужчина был близким другом Дианы и из него, как из рога изобилия, сыпались цветистые комплименты, Лавиния поначалу относилась к нему настороженно, подозревая недостойные намерения, и возмущалась тем, как он увивается вокруг жены бедного Эдгара. Со временем, однако, Лавиния убедилась, что он не из тех, кто разрушает чужие браки; теперь она только посмеи-

валась над его экстравагантными выходками и даже полюбила его. А вот школьная подруга Лавди – темная лошадка. Любопытно узнать, кого именно надумала ввести в дом эта строптивая, своенравная девчонка.

В общем, намечается целое событие. На обед будет парочка утят, свежие овощи, лимонное суфле и консервированные нектарины. На полке в продуктовой кладовой припасен круг отличного стилтона²⁹. Надо напомнить Изобель, чтобы охладила рейнвейн.

Изобель...

В жизни престарелой Лавинии осталось мало треволнений и поводов для беспокойства. Она уже давно пришла к заключению, что бессмысленно волноваться о том, чего нельзя изменить, например, о собственной неизбежной смерти, погоде и всей этой заварухе в Германии. Поэтому, со стоическим терпением прочитывая газеты, Лавиния решительно обращала свои помыслы к чему-нибудь другому. Заказать новый розовый куст, подровнять живую изгородь, разобраться с библиотечными книгами, прочитать письма старых друзей и ответить на них. Потом – посидеть с рукоделием (она вышивала гобелен) и провести ежедневное совещание с Изобель по хозяйственным делам, благодаря чему хорошо отлаженный быт в небольшом доме катился как по рельсам.

Изобель-то как раз и давала повод для беспокойства. Она была лишь на десять лет моложе Лавинии, и вся домашняя готовка и уборка, которым она посвятила сорок лет своей жизни, становились ей уже не по силам. Время от времени Лавиния собиралась с духом и заводила речь о ее уходе на покой, но Изобель всякий раз воспринимала это болезненно и обижалась на хозяйку, как будто Лавиния старалась избавиться от нее. После этого служанка неизменно день или два дулась. Тем не менее им удалось-таки достигнуть кое-какого компромисса, и теперь каждое утро к ним из деревни приходила жена почтальона. Нанятая первоначально для «тяжелой» работы в саду и во дворе, она постепенно проникла в дом и взяла в свои руки прочие хозяйственные дела: натирала полы, чистила сланцевую плитку на крыльце и вообще содержала все в порядке и в ослепительной, благоуханной чистоте. Поначалу Изобель встречала эту добрейшую женщину холодным презрением, но, к чести почтальонши будь сказано, той удалось не только выдержать долгий период вражды и в конце концов сломить упрямство Изобель, но и найти путь к ее гордому сердцу.

По воскресеньям, однако, почтальонша не приходила, так что вся подготовка к званому обеду легла на плечи Изобель. Лавинии хотелось бы как-нибудь помочь ей, хотя она едва ли могла самостоятельно сварить себе яйцо. К тому же любая подобная попытка обидела бы Изобель, она предпочитала, чтобы никто не мешался у нее под ногами.

Где-то в саду запел черный дрозд. Внизу открылась и захлопнулась дверь. Лавиния пошевелилась на подушках и, повернувшись, протянула руку за очками, лежащими на ночном столике. Это был довольно большой столик, не уступающий по размерам маленькому письменному столу, ибо на нем должны были уместиться все важные мелочи, которые всегда должны быть под рукой: очки, стакан с водой, тарелка чайного печенья, маленький блокнотик и остро отточенный карандаш – на тот случай, если посреди ночи придет в голову какая-нибудь блестящая идея; фотография покойного мужа, Библия и, наконец, книга, которую Лавиния читала в эти дни, – «Барчестерские башни» Троллопа. Она перечитывала ее, наверно, в шестой раз, но Троллоп очень нравился ей, этот писатель словно брал за руку и нежно, ненавязчиво вел за собой в прошлое, где все было так легко. Лавиния с трудом нашарила очки. «По крайней мере, – подумала она, – я избавлена от муки лицезреть на своем столике вставную челюсть, скалящуюся из стакана». Зубами своими она гордилась. Многие ли восьмидесятипятилетние женщины могут похвастаться собственными зубами? По крайней мере, большей их частью. Ну а те, с которыми пришлось распроститься, были задними, и их отсутствие все равно не было

²⁹ *Стилтон* – сорт английского жирного сыра с синими прожилками плесени и морщинистой коркой.

заметно. Лавиния все еще могла улыбаться и смеяться, не боясь никого шокировать беззубой дырой или выскочившим протезом.

Она посмотрела на часы. Семь тридцать. Изобель уже поднимается наверх. Послышалось скрипение ступенек, шарканье старушечьих ног на лестничной площадке, затем беглый стук. Дверь отворилась, и служанка вошла, неся неизменный утренний стакан горячей воды, в котором плавал кружочек лимона. Зря она цепляется за эту старую традицию, Лавиния прекрасно могла обойтись без этого; но Изобель сорок лет подавала ей по утрам горячую воду с лимоном и не собиралась нарушать раз и навсегда заведенный порядок.

– Доброе утро. Холодноватое сегодня, – произнесла она, расчистила место на столике и поставила поднос. Пальцы у нее были корявые, красные, суставы раздулись от артрита; поверх синего бумажного платья надет фартук с нагрудником. В былые времена она еще надевала нелепый пышный чепец из белого хлопка, однако Лавиния убедила ее отказаться от этой эмблемы лакейского звания, и без него Изобель выглядела намного лучше, являя напоказ свои седые курчавые волосы, собранные сзади в небольшой пучок, заколотый громадными черными шпильками.

– А, благодарю, Изобель.

Служанка закрыла окно; стекла заглушили песню дрозда. На ногах у нее были черные чулки, над поношенными туфлями с ремешком и пряжкой виднелись распухшие щиколотки. Ей бы самой сейчас лежать в постели и принимать от кого-нибудь на подносе теплое, успокаивающее питье. «Неужели, – думала Лавиния, – мне так никогда и не избавиться от чувства вины перед Изобель?»

Охваченная внезапным побуждением, она проговорила:

– Надеюсь, тебе не придется сегодня слишком тяжело. Может быть, нам вообще отказаться от этих званных обедов?

– Ой, только не начинайте все заново! – Словно страшась остаться без дела, Изобель нервными, торопливыми движениями стала поправлять портьеры. – Рановато же вы меня хороните!

– У меня этого и в мыслях нет! Просто я хочу быть уверенной, что ты не вымотаешься до потери сознания.

Изобель издала фыркающий смешок:

– Не дождетесь! Так или иначе половина дела уже сделана. Стол я накрыла вчера вечером, когда вы ужинали, да и овощи уже готовы. Брюссельская капуста. Ее чуть тронуло морозцем – похрустывает! Теперь надо приниматься за суфле. Эта Лавди без суфле не может.

– Ты ее балуешь, Изобель, балуешь, как и все остальные.

Изобель хмыкнула:

– Все они избалованы, дети Кэри-Льюисов, если хотите знать мое мнение, но это как-то не портит им характер. – Она наклонилась и подняла упавший со стула тонкий шерстяной халат Лавинии. – И я никогда не понимала, зачем они отправили Лавди в эту школу... Какой прок обзаводиться детьми, если отправляешь их из дома на край света?

– Видимо, они считают, что это ей только на пользу. Как бы там ни было, дело уже сделано, и девочка, похоже, прижилась в «Святой Урсуле».

– Хороший знак, что она привезла домой подругу. Если она заводит там друзей, значит ей не так уж плохо.

– Да, ты права. Но мы не должны забывать, что это нас не касается.

– Пусть так; но ведь нам не запретят иметь свое мнение? – Высказав свою точку зрения, Изобель двинулась к выходу. – Пожарить яичницу на завтрак?

– Спасибо, Изобель, дорогая, это было бы замечательно.

Служанка ушла. Звук ее шагов становился все слабее, по мере того как она осторожно спускалась по крутой лестнице. Лавиния представила себе, как она, держась за перила, шаг

за шагом преодолевает ступени. Нет, избавиться от чувства вины не удастся никогда, но что делать? Ничего не поделаешь. Выпив свою лимонную воду, она стала думать о предстоящем обеде и решила, что наденет новое голубое платье.

По тому, как вела себя Лавди на следующее утро, стало совершенно ясно, что двоюродная бабушка Лавиния – одна из немногих людей (а может быть, и единственная), кто способен как-то повлиять на эту взбалмошную девчонку. Начать с того, что Лавди специально встала утром пораньше, чтобы вымыть голову, а затем без всяких возражений нарядилась в костюм, который Мэри приготовила для нее с вечера: шерстяное платье в клеточку с белоснежным воротничком и манжетами, белые гольфы и черные лакированные туфли на ремешках с пуговицами.

Найдя подругу в детской и увидев, как Мэри сушит и расчесывает ее мокрую шевелюру, Джудит забеспокоилась о собственной внешности. Внезапное преображение Лавди в нарядную, хорошенькую девочку заставило гостью почувствовать себя жалкой бедной родственницей. Красный, как ягода остролиста, кашемировый пуловер был по-прежнему великолепен, но...

– Я ведь не могу идти на званый обед в шортах! – пожаловалась она Мэри. – А школьная форма так безобразна! Не хочется ее надевать...

– Конечно-конечно. – Отзывчивость и практичность и тут не изменили Мэри. – Я пороюсь в гардеробе Афины и подберу тебе какую-нибудь симпатичную юбочку. А у Лавди ты можешь одолжить пару белых носков, таких же, как на ней сейчас. И туфли твои я начищу. Так что будешь опрятная и красивенькая, как новая монетка... Лавди, ради всего святого, не верти головой! А то мне никогда не управиться с твоими космами!

Без церемоний изъяс из вещей Афины клетчатую юбку в складку – в виде «килта» шотландских горцев, с кожаными бретельками и с пряжками на талии, Мэри стала ее нахваливать.

– Эти юбки просто прелесть – пойдут и на толстуху, и на самую худышку, только запахнул поту же – и все!

Она встала на колени перед Джудит, обернула юбку вокруг ее талии и закрепила ремешки.

– Будто затягиваешь подпругу у Тинкербелл, – захихикала Лавди.

– Ничего подобного. Сама знаешь, как Тинкербелл раздувает бока. Точно воздушный шар. Ну вот. Отлично. И по длине – то, что надо, как раз до колена. А в клетчатом узоре есть немножко красного – подходит к цвету твоего свитера. – С улыбкой Мэри поднялась на ноги. – Ты выглядишь очаровательно! Как принцесса! Теперь снимай свои туфли, и я начищу их до такого блеска, что в них можно будет смотреться, как в зеркало.

Несмотря на то что по воскресеньям завтрак в Нанчерроу подавался не раньше девяти, к тому времени как девочки с Мэри спустились в столовую, все уже были в сборе и поглощали горячую овсянку с жареными сосисками. Просторная столовая была залита ранними лучами зимнего солнца, восхитительно пахло свежим кофе.

– Просим прощения за опоздание!.. – извинилась Мэри.

– Мы терялись в догадках, чем вы там занимаетесь. – Диана в безупречно скроенном бледно-сером фланелевом костюме сидела на дальнем конце стола, стройная как тростинка. Ее глаза сияли сапфирами, сочетаясь с голубой шелковой блузкой, в уши были вдеты жемчужно-бриллиантовые сережки-гвоздики, а вокруг шеи обвивались три нитки жемчуга.

– На приготовления ушло чуть больше времени, чем мы рассчитывали...

– Ничего-ничего. – Она улыбнулась девочкам. – Ради того чтобы увидеть такую элегантную пару, можно и потерпеть. Мэри, ты просто волшебница!..

Лавди подошла поцеловать отца. Он и Томми Мортимер тоже принарядились в костюмы с жилетами, рубашки с жесткими воротничками и блестящие галстуки. Полковник положил вилку и обнял дочь:

– Тебя просто не узнать! В платье ты настоящая маленькая леди! А я уже начал забывать, как выглядят твои ножки...

– О, папчик, довольно этих глупостей! – Вырядившись пай-девочкой, Лавди отнюдь не собиралась менять свои манеры. – Ах ты, обжора! У тебя же целых три сосиски на тарелке! Надеюсь, ты нам хоть по штучке оставил?!

Позже они впятером с комфортом разместились в огромном «даймлере» полковника и проехали небольшое расстояние, отделяющее Нанчерроу от Роузмаллиона. В церковь Диана надела серую фетровую шляпу с кокетливой вуалькой, а плечи ее были укутаны в боа из чернобурки: день был светлый и солнечный, но холодный.

Припарковав машину у церковного кладбища, они вместе с жителями деревни двинулись шеренгой по дорожке между древними надгробиями и вековыми тисами. Церквушка была крохотная и очень, очень старинная, древнее даже, чем церковь в Пенмарроне. От времени она вся осела и как будто выросла в землю, так что прямо из солнечного сияния дня посетитель ступал в подвальный мрак, где стоял затхлый запах сырого камня, гнилого дерева и заплесневелых церковных книг. Скамьи были жесткие и очень неудобные. Как только они уселись в первом ряду, сверху, с колокольни, раздался надтреснутый звон.

В четверть двенадцатого началась служба. Она продолжалась довольно долго: священник, служка и орган, такие же старые, как сама церковь, по ходу дела нередко сбивались и мешкали, топчась на одном месте. Полковник Кэри-Льюис был, судя по всему, единственным человеком, который знал, что делает; он уверенно прошагал к аналою, зачитал вслух отрывок из Библии и таким же энергичным шагом вернулся на свое место. В свой срок была произнесена бессвязная проповедь, тема которой так и осталась неясна слушателям; пропеты три гимна; собраны пожертвования (десять шиллингов с каждого взрослого и по полкроны с девочек); наконец наступил черед заключительной молитвы, и служба закончилась.

После ощутимой прохлады церкви показалось, что солнце пригревает по-летнему. Все постояли немного у выхода, куда Диана и полковник обменивались любезностями со священником; его редкие седые волосы на ветру встали дыбом, а длинное свободное облачение с широкими рукавами развевалось и трепетало, как выстиранная простыня, повешенная сушиться на улице. Другие прихожане, направляясь восвояси, почтительно притрагивались пальцами к шляпам: «Доброе утро, полковник; доброе утро, миссис Кэри-Льюис...»

Заскучавшая Лавди принялась прыгать на одной ноге: скок на замшелую могильную плиту, скок обратно.

– Ну пойдем же! – тянула она за руку отца. – Я проголодалась!..

– Доброе утро, полковник! Отличный денек...

В конце концов прихожане разошлись, но полковник посмотрел на часы и объявил:

– У нас в запасе еще десять минут. Давайте оставим машину здесь и прогуляемся пешком. Немножко моциона не повредит, как раз нагуляем аппетит к обеду. Леди, прошу за мной...

И они двинулись по узкой извилистой дороге, поднимающейся от деревни на холм. По обе стороны стояли высокие каменные стены, заросшие плющом, нагие вязы поднимали к безупречно чистому небу свои верхушки, облепленные галдящими грачами. Склон стал круче – все запыхались.

– Если бы я знала, что мы пойдем пешком, не стала бы надевать туфли на высоких каблуках, – произнесла Диана.

Томми обвил рукой ее талию.

– Может, мне понести тебя на руках?

– Не уверена, что это было бы прилично.

– В таком случае мне остается только подталкивать тебя вперед. Зато на обратном пути мы сможем всю дорогу бежать! Или катиться вниз на заднице, как ездоки на тобогане!

– Да уж, по крайней мере, у людей будет тема для разговоров!

Не обращая внимания на их шутиливую перепалку, полковник бодро вышагивал в авангарде. Дорожка в очередной раз свернула направо, но теперь, похоже, цель путешествия была совсем близко: в высокой стене по правую сторону показались открытые ворота. За ними петляла узкая подъездная дорога с травяным бордюром и живой изгородью из эскалонии. Все испытали немалое облегчение, оказавшись после трудного подъема в гору на ровной земле, несмотря на то что подъездная дорога была посыпана морской галькой, которая нещадно шебаршила под ногами.

Устало бредущий Томми Мортимер не переставал бодриться. Он не любил обременять свои ноги физическими нагрузками, если не считать суетливой беготни взад-вперед по теннисному корту и прогулок с ружьем в руках.

– Как ты думаешь, – спросил он мечтательно, – мне будет предложен розовый джин?

– Ты же не в первый раз здесь обедаешь, – оборвала его Диана. – Так что не рассчитывай на большее, чем херес или, может быть, мадера. И не вздумай просить розового джина!

Он смиренно вздохнул.

– Милая моя, ради тебя я бы выпил и ядовитое зелье из болиголова! Но согласись: мадера – это что-то в духе Джейн Остин³⁰.

– Ничего, не умрешь – ни от Джейн Остин, ни от мадеры.

Они обогнули угол живой изгороди и наконец увидели перед собой Дауэр-хаус. Он не впечатлял величиной, но в нем сразу же бросались в глаза достоинство и выдержанность стиля; это был квадратный, симметричный и массивный дом с белеными стенами и готическими окнами, серой шиферной кровлей и каменным крыльцом, укутанным густым ковром ломоноса. Уединившись на вершине холма, дом как будто повернулся спиной ко всему свету и тихо, незаметно дремал здесь долгие-долгие годы, дольше, чем подвластно человеческой памяти.

Стучать или звонить в колокольчик не было необходимости. Как только полковник приблизился, дверь отворилась и на крыльцо вышла пожилая женщина. На ней был рабочий костюм горничной: муслиновый передник, на седой голове – чепчик с бархатными ленточками.

– Я так и думала, что вы сейчас появитесь. У нас уже все готово.

– Доброе утро, Изобель!

– Доброе утро, миссис Кэри-Льюис... чудесная погода стоит сегодня. Зябко, правда. – Она говорила пронзительным голосом с резким корнуолльским выговором.

– Ты помнишь мистера Мортимера, Изобель?

– Конечно. Доброе утро, сэр. Заходите, и давайте скорей закроем дверь. Позвольте ваши пальто. Лавди, дорогая, ты выросла! А это твоя подруга? Джудит? Давайте мне ваше боа, миссис Кэри-Льюис, я положу его так, чтобы не помялось...

Расстегивая свое школьное зеленое пальто, Джудит украдкой осматривалась. Чужие дома всегда таят в себе неизъяснимое очарование. Стоит только зайти в дверь нового жилища впервые, и сразу же ощущаешь царящую в доме особую атмосферу – она дает представление о личности живущих здесь людей. Так, даже их временный и довольно захудалый приют, Ривервью, делало подлинным домом постоянное мамино присутствие: играла ли она с Джесс или составляла на кухне список покупок для Филлис, а то просто отдыхала в уютном кресле у камина, в скромном окружении своих очаровательных вещей. В Уиндиридже всегда чувствовалась какая-то безликость, напоминающая гольф-клуб. А Нанчерроу благодаря Диане казался роскошной лондонской квартирой – только с колоссальным размахом сельской усадьбы.

Но на Дауэр-хаусе лежал какой-то совершенно особый отпечаток, ни с чем подобным Джудит раньше не сталкивалась. Время здесь как будто повернулось вспять. Дом был очень старым – построенным, вероятно, еще до викторианских времен, – и поражал безупречностью

³⁰ Остин Джейн (1775–1817) – английская писательница.

пропорций. Здесь было так тихо, что за звуком голосов отчетливо слышалось тиканье высоких стоячих часов. Пол в холле был облицован каменной плиткой и застелен коврами, на второй этаж вела винтовая лестница, она как будто парила в воздухе над готическим окном с полотняными гардинами пшеничного цвета. Помимо прочего, тут все было пропитано завораживающим ароматом седой старины, сохранившейся с давних времен лакированной мебели и цветов, к которому примешивалась чуть слышная затхлость сырого камня и холодного погреба. Никакого центрального отопления – лишь ярко горит огонь за каминной решеткой, а из открытой двери, ведущей в гостиную, на пол падает прямоугольником сноп косых солнечных лучей.

– Миссис Боскавен в гостиной.

– Спасибо, Изобель.

Оставив Изобель разбираться с верхней одеждой гостей, Диана повела всех к открытой двери.

– Тетя Лавиния! – В ее теплом голосе звучала искренняя приязнь. – Встречай визитеров! Измученных крутым подъемом на холм. Эдгар заставил нас идти пешком. Ты просто ангел – мириться с таким вторжением!..

– А вы, стало быть, успели побывать в церкви? Какие молодцы! А я не пошла – подумала, что не смогу вынести еще одну проповедь нашего священника. Лавди! Проказница, иди-ка сюда, поцелуй бабушку... Эдгар, любимый... И ты, Томми. Как я рада всех вас видеть!

Джудит замешкалась позади всех – не потому что была робка, просто у нее глаза разбежались от обилия новых впечатлений. Комната в бледных тонах, залитая солнечным светом, льющим через высокие, выходящие на юг окна. Мягкие цвета: розовый, кремовый, зеленый; все, конечно, успело вылинять, но и изначально не было особенно ярким. Длинный книжный шкаф, уставленный переплетенными в кожу томами; ореховый сервант с застекленными дверцами, за которыми виднеется десертный сервиз из дрезденского фарфора; затейливое венецианское зеркало над выкрашенной в белый цвет каминной полкой. В камине тускло горит уголь – яркость пламени приглушают солнечные лучи, взрывающиеся сверкающей радугой в граненых подвесках хрустальной люстры. И целое море цветов. Все тонет в благоухании лилий. Все ослепляет, одурманивает и ошеломляет.

– ...Джудит.

Вздрогнув, она поняла, что миссис Кэри-Льюис произнесла ее имя. Ужасно, если миссис Боскавен сочтет ее за грубую и невоспитанную девчонку.

– Прошу прощения.

– Ты стоишь, будто замороженная, – усмехнулась Диана. – Поди сюда и поздоровайся с нашей хозяйкой. – Она жестом пригласила Джудит подойти поближе и, когда та присоединилась к ним, положила руку ей на плечо. – Тетя Лавиния, это подруга Лавди, Джудит Данбар.

Внезапно Джудит ступала. Вполоборота к свету, в низком кресле перед ней сидела, очень прямо, древняя старуха в голубом шерстяном платье, доходящем до щиколоток. Ей было далеко за восемьдесят, а может, даже и за девяносто. Ее припудренные щеки были покрыты сеткой морщин, а сбоку стояла наготове тросточка черного дерева с серебряным набалдашником. Старая. Неопишимо старая. Но выцветшие голубые глаза заинтересованно блестели, и нетрудно было понять, что в свое время она была красавицей.

– Дорогая моя! – Ее чистый голос дрожал лишь самую малость. Она взяла руку Джудит в свою. – Как чудесно, что ты смогла навестить меня вместе со всеми! Хотя я и старовата теперь для приемов, но по-прежнему люблю знакомиться с новыми людьми.

– Я пригласила Джудит к нам, потому что ее семья сейчас в Коломбо и ей негде жить, – прямолинейно выпалила Лавди.

– Ох, Лавди! – нахмурилась Диана. – Ведь ты пригласила Джудит не поэтому, а потому, что хотела быть с ней. Ты мне покоя не давала до тех пор, пока я не позвонила мисс Катто.

– Ну, все-таки и поэтому тоже.

– Ты молодец, что подумала об этом, – вступилась за Лавди тетя Лавиния и улыбнулась Джудит. – А Коломбо ведь и в самом деле на другом краю света!

– Они пробудут там совсем недолго, только чтобы собрать вещи и съехать из нашего тамошнего дома. А потом отправятся в Сингапур, мой отец получил там новое место.

– Сингапур! Какая романтика! Сама я, правда, там не бывала, но мой двоюродный брат служил в администрации губернатора, и он говорил, что Сингапур – развеселое место. Нескончаемый поток вечеринок. Твою маму ждут райские деньки!.. Ну, устраивайтесь, присаживайтесь, где хотите. В такой чудесный день просто преступление сидеть, уткнувшись в камин! Эдгар, будь добр, займись выпивкой. Проследи, чтобы никто не остался без хереса. Диана, дорогая, какие новости от Афины? Она вернулась из Швейцарии?

На низком подоконнике лежала длинная диванная подушка. Подойдя к окну и встав на нее коленями, Джудит выглянула поверх широкой крытой веранды на спускающийся под гору сад. За лугом располагалась сосновая рощица, верхушки самых высоких сосен пересекали синюю полоску горизонта. Это зрелище – темный хвойный лес на фоне по-летнему яркого синего моря – вызывало удивительное ощущение: Джудит казалось, она волшебным образом перенеслась из Нанчерроу на какую-нибудь итальянскую виллу, стоящую высоко на холме у Средиземного моря, под лучами южного солнца. От возникшей иллюзии у Джудит закружилась голова.

– Тебе нравятся сады? – опять обратилась к ней миссис Боскавен.

– Этот мне нравится особенно, – ответила Джудит.

– У нас с тобой родственные души. После обеда оденемся и пойдем смотреть сад.

– Правда?

– Только без меня, – вмешалась Лавди. – На такой холодрыге... и потом, я уже видела его тыщу раз.

– Вряд ли кто-нибудь захочет составить нам компанию, – кротко отозвалась тетя Лавиния. – Как и ты, Лавди, все хорошо знают мой сад. Но мы с Джудит порадуем себя небольшой прогулкой на свежем воздухе. Заодно поболтаем, узнаем друг друга получше... Ну, Эдгар, теперь ты расскажи, как дела? А, мой херес! Благодарю! – Она подняла бокал. – Сердечно благодарю всех за то, что навестили меня!

– Джудит! – раздался у нее за спиной голос полковника.

Она обернулась.

– Лимонад, – улыбнулся он.

– О, спасибо!

Она приняла у него бокал и села там же, на подоконнике. Лимонад предложили и Лавди, которая по каким-то соображениям решила втиснуться в глубокое кресло, куда уже уселся Томми Мортимер. Она поймала взгляд сидевшей напротив Джудит, и ее озорная мордашка расплылась в ухмылке. В своей неистощимой проказливости она была такой милой, что сердце Джудит внезапно переполнилось любовью к ней. Любовью и благодарностью – за то, что подруга уже подарила ей так много хорошего; и ведь именно благодаря Лавди она попала в это волшебное место, в Дауэр-хаус.

– ...Вот здесь мои ранние луковичные цветы, они распускаются первыми – аконит, крокус, подснежник. Сама видишь, какое тут укромное место, никакие холодные ветра до них не доберутся. На Новый год у меня даже стало обычаем выйти в сад, посмотреть, как они; ужасный, банальный остролист я выбрасываю вон и вместо этого собираю здесь букетик первых цветов, совсем крохотный – в рюмку для яйца поместится. И тогда только чувствую, что в самом деле начался новый год и что весна уже не за горами.

– Я думала, положено ждать до кануна Крещения. Чтобы остролист выбрасывать. А это что цветет розовым?

– Это разновидность жимолости. Распускается посреди зимы, и от нее исходит благоухание лета – удивительно, да? А вот мой златоцвет, сейчас он, правда, смотрится несколько печально, зато летом все ветки словно облеплены бабочками. Большой, да? А я посадила его всего только пару-тройку лет назад...

Шагая бок о бок, они вышли на усыпанную гравием дорожку, ведущую под гору. Верная своему слову, тетя Лавиния отослала гостей после обеда обратно в гостиную, предоставив всем развлекаться кто как хочет, и повела Джудит в сад. На прогулку она надела крепкие рабочие башмаки и необъятную твидовую накидку, а голову замотала платком. Ее тросточка, благодаря которой она твердо держалась на ногах, пригождалась, когда надо было указывать на что-нибудь госте.

– Как видишь, моя земля простирается до самого подножия холма. В самом низу – огород, а на юге граница проходит у тех самых сосен. Когда мы переехали сюда, тут были просто одни террасы. А я хотела, чтобы сад был разбит на отдельные секции, как будто разные комнаты, каждая в своем стиле, со своей изюминкой, чтобы каждая была отъединена от прочих и была как бы сюрпризом. Ну, мы и понаделали живых изгородей из эскалонии и бирючины, а обыкновенные проходы превратили в зеленые арки. Дорожка так и тянет, так и заманивает идти все дальше и дальше, ты не находишь? Охватывает желание отправиться на разведку и узнать, куда она ведет и что скрывает. Идем, я тебе покажу. Видишь? – Они прошли через первую арку. – Мой розарий. Старые добрые розы. Смотри, это моя «Розамунда», самая старая роза из всех. Сейчас она кажется унылой и поникшей, но видела бы ты ее в цвету! Лепестки в белую и розовую полоску. Словно девочки в праздничных платьицах!

– Вы уже давно живете здесь?

Тетя Лавиния снова остановилась, и Джудит подумала: как приятно все-таки в компании взрослой дамы, которая никуда не торопится и рада спокойно поговорить, будто ей принадлежит все время на свете.

– Без малого пятьдесят лет. Но в детстве я жила в Нанчерроу. Не в теперешнем доме Дианы, а в старом Нанчерроу, в том, который сгорел дотла во время пожара. Покойный отец Эдгара – это мой брат.

– Значит, вы всегда жили в Корнуолле?

– Нет, не всегда. Мой муж был королевским адвокатом, а потом окружным судьей. Сперва мы жили в Лондоне, затем в Эксетере, но на выходные и на праздники всегда приезжали в Нанчерроу.

– И детей с собой привозили?

– Дорогая, у меня никогда не было детей. Моими детьми стали Эдгар и Диана, а их дети мне как внуки.

– О, простите, мне очень жаль!

– Что у меня нет детей? Знаешь, не бывает, как говорится, худа без добра. К тому же из меня вряд ли вышла бы хорошая мать. В любом случае что было, то было, и незачем ворошить прошлое. О чем бишь мы говорили?

– О вашем саде. И о вашем доме.

– А, да, о доме... посмотри, какая красивая у меня розовая сирень! Я ее подрезаю, чтоб она не пошла вся в ствол, чтобы пышнее цвела. Так вот, потом мы поселились в Дауэр-хаусе. Тут жила моя бабушка, когда ей было уже столько же лет, сколько мне сейчас. И когда мой муж вышел в отставку, мы сняли дом, а позже купили его совсем. Мы были так счастливы здесь. Муж тут и умер, мирно упокоился в шезлонге, на газоне у дома. Это было летом, стояла теплынь... Вот, а сейчас мы зайдем в садик для детей. Тебе он должен понравиться больше всего. Лавди рассказывала тебе о «хижине»?

Смутившись, Джудит покачала головой:

– Нет.

– Это неудивительно. Она ведь мало здесь играла. «Хижина» принадлежала скорее Афине и Эдварду. Лавди намного младше их, и ей не с кем было тут играть.

– Это что-то вроде беседки для игр?

– Сама увидишь. Муж построил «хижину» как раз для Афины с Эдвардом: они очень часто и подолгу бывали у нас. Проводили здесь целые дни, а когда стали постарше, мы разрешали им даже ночевать в «хижине» – это даже интереснее, чем спать в палатке. А утром они сами готовили себе завтрак...

– Там и кухонная плита есть?

– Нет – мы до смерти боялись пожара. Но на безопасном расстоянии от «хижины» сложен очаг из кирпича, где Афина и Эдвард могли поджарить бекон и поставить на огонь свои жестяные походные котелки. Пошли взглянем на «хижину»! Я и ключ с собой прихватила – на тот случай, если у тебя появится желание заглянуть внутрь...

Лавиния пошла впереди, показывая дорогу. Джудит, стора от нетерпения, последовала за ней – через проход в живой ограде из бирючины и вниз по каменным ступеням в маленький фруктовый садик, где росли яблони и груши. Трава здесь росла высокая, нестриженная, но между сучковатых стволов деревьев попадались островки подснежников и голубых пролесок, а из жирной земли уже пробивались, точно зеленые стрелы, первые ростки желтых нарциссов и лилий. В скором времени все здесь будет охвачено буйным цветением и земля превратится в сплошной желто-белый ковер. На голой ветке дрозд изливал душу в песне, а в дальнем конце фруктового сада, в укромном уголке, стояла «хижина». Это был бревенчатый домик, крытый осмоленной дранкой, с окнами по обеим сторонам от двери. Перед окрашенной синей краской дверью – широкое крыльцо с деревянными ступенями и резными перилами. Домик был не так уж мал, здесь и взрослому человеку не надо пригибать голову при входе.

– Кто же теперь сюда приходит? – спросила Джудит.

– Что за скорбный тон! – рассмеялась тетя Лавиния.

– Просто эта «хижина» такая славная, такая уединенная! Грустно думать, что она заброшена, что за ней никто не следит...

– Почему не следит? Я забочусь о ней. Регулярно проветриваю. И каждый год все хорошенько промазывается креозотом. «Хижина» срублена на совесть, поэтому внутри всегда сухо.

– Странно, что Лавди ни словом о ней не обмолвилась.

– Ее никогда не привлекала игра в «дом», в «семью», в «дочки-матери». Она скорее станет чистить конюшни для своего пони, и это не так уж плохо... И кстати, время от времени здесь бывают дети. Роузмаллионская воскресная школа всегда проводит здесь свои ежегодные пикники, и тогда «хижина» снова становится тем, чем должна быть. Правда, к сожалению, тогда тут нередко случаются ужасные стычки и ссоры, потому что мальчишки играют в индейцев и хотят, чтобы «хижина» служила им крепостью, а девочки мечтают поиграть тут в «дочки-матери»... Вот ключ, держи. Поди отпри дверь, посмотришь, как там внутри...

Джудит взяла ключ, прошла вперед, пригибаясь под низкими ветвями яблонь, и поднялась по двум ступенькам на крыльцо. Ключ мягко вошел в замочную скважину и плавно повернулся. Она взялась за ручку, и дверь распахнулась. Изнутри вкусно пахло креозотом, и Джудит шагнула внутрь. Там совсем не было темно: на задней стене имелось еще одно окно. Девочка увидела двухъярусные койки, стоящие вдоль стен слева и справа, деревянный стол и пару стульев, книжные полки, зеркало, картину в раме – лесной пейзаж, коврик на полу. Кухонным буфетом служил перевернутый ящик из-под апельсинов, где были сложены остатки разных фарфоровых сервизов, закоптелый чайник, почерневшая сковородка. На окнах – голубые клетчатые занавески, на койках – синие шерстяные одеяла и диванные подушки. На спускавшийся с центральной потолочной балки крюк была подвешена керосиновая лампа. Джудит представила себе «хижину» в темное время суток, с зажженной лампой и задернутыми занавесками.

весками, и ей немножко взгрустнулось: жаль, что она уже слишком взрослая, чтобы играть здесь.

– Ну как?

Повернувшись, Джудит увидела в дверях тетю Лавинию.

– Чудесно!

– Я знала, что тебе понравится. – Старая леди втянула носом воздух. – Никакой сырости, только чуточку свежо. Бедный домик! Ему нужна компания. Дети. Новое поколение. – Она обвела комнату глазами. – Тебе не попадались следы мышей? Сюда иногда пробираются проказницы полевые мыши, проедают дыры в одеялах и устраивают себе гнезда.

– Когда я была маленькая, лет десяти, я бы все на свете отдала, чтобы иметь такой вот домик для игр.

– Собственное гнездышко? Как у полевой мышки?

– Да. Спать летней ночью на свежем воздухе... вдыхать аромат мокрой травы... смотреть на звезды...

– А вот Лавди никогда не стремилась спать в «хижине» одна. Говорила, будто здесь слышатся странные звуки и бродят привидения.

– Я не боюсь привидений. Хотя в темных домах и вправду бывает иногда жутковато.

– И одиноко... Может быть, поэтому я провожу так много времени у себя в саду. Ну что ж... – Лавиния поправила на голове платок и запахнула свой твидовый плащ. – По-моему, становится свежо. Не пора ли нам возвращаться к остальным? Не то они станут волноваться, куда мы подевались... – Она улыбнулась. – Отгадай, что сейчас делает Лавди... Играет в бирюльки с мистером Мортимером.

– В бирюльки? Откуда вы знаете?

– Она всегда занимается этим, когда приходит навестить меня. Несмотря на свой буйный нрав, Лавди чтит традиции. Я рада, что вы подружились. Мне кажется, ты хорошо на нее влияешь.

– Я не смогу отучить ее от хулиганских проделок. В школе она вечно получает замечания за плохое поведение.

– Она очень непослушное дитя. Но зато так очаровательна! Я боюсь, как бы этот шарм не погубил ее... Ну, запирай дверь и пойдем.

Школа Св. Урсулы

Воскресенье, 23 февраля

Дорогие мама и папа!

Прошу прощения за то, что не написала в прошлое воскресенье: не было времени, я ездила на выходные в гости. Мисс Катто очень добра – разрешила мне поехать к Кэри-Льюисам вместе с Лавди.

Джудит остановилась и стала грызть ручку, пытаясь разрешить вставшую перед ней проблему. Она любила своих родителей, но при этом хорошо их знала, и для нее не были тайной их мелкие недостатки и слабости. Не так-то легко рассказать им о Нанчерроу: все тут слишком, до неправдоподобия чудесно и похоже на сказку. Джудит боялась, что ее неправильно поймут и обидятся.

Ведь сами они никогда не соприкасались с такой блистательной жизнью, у них даже не было друзей, живущих в таких больших домах, для которых роскошь и комфорт – что-то само собой разумеющееся. Живя на Востоке, под игом строгих условностей колониального быта, они пропитались кастовым духом с его жесткими классовыми и расовыми перегородками, безусловным подчинением вышестоящим по службе и неписаным законом: пусть каждый сверчок знает свой шесток и не пытается скакнуть с него куда-то еще.

Поэтому, если она станет во всех подробностях превозносить до небес красоту и шарм Дианы Кэри-Льюис, у Молли Данбар, которая и без того никогда не отличалась самоуверенностью, может возникнуть подозрение, что ее дочь теперь считает свою мать ничем не примечательной, невзрачной женщиной.

Если же детально расписывать величину и великолепие усадьбы, сады и земли поместья, конюшни и лошадей, штат прислуги, охотничьи забавы, да еще упомянуть, что полковник Кэри-Льюис служит мировым судьей, – то ее отец может счесть себя слегка оскорбленным.

Наконец, вздумай Джудит сделать акцент на «светской» стороне, приемах и званных ужинах, непринужденных вечеринках с коктейлями, бридже... не покажется ли родителям, что она хвастает своим участием во всех этих увеселениях, а может, даже бросает скрытый упрек за их простой и скромный образ жизни? Ей совсем не хотелось огорчать их. О Томми Мортимере она уж точно ни словом не обмолвится, не то родители ужаснутся, решат, что Нанчерроу – какой-то вертеп, рассадник порока, и напишут мисс Катто, чтобы она больше не отпускала туда Джудит. А это просто немыслимо... Нужно было найти отправную точку, какое-нибудь нейтральное событие, о котором можно рассказать, не опасаясь уязвить родительское самолюбие. И вдруг ее осенило – Джереми Уэллс, который как с неба свалился, а потом взял Джудит под свое крыло и, пожертвовав личным досугом, отправился показывать ей бухточку. Таким образом Джереми будто бы во второй раз пришел ей на выручку в трудной ситуации. При таком хорошем зачине остальная часть письма сложится сама собой и все пойдет как по маслу. Джудит придвинула к себе бумагу и начала писать: буквы легко и свободно складывались в слова под ее вдохновенным пером.

Дом называется Нанчерроу, и там со мной произошел совершенно необыкновенный случай. В тот день у них гостил один молодой человек, Уэллс Джереми Уэллс, он ходил стрелять голубей вместе с полковником Кэри-Льюисом. Так вот, мама, этот Джереми Уэллс оказался тем самым молодым врачом, вместе с которым мы ехали в поезде из Плимута после Рождества у Сомервилей. Представляешь? Он очень мил, его отец – семейный доктор Кэри-Льюисов. В субботу после обеда Лавди пошла кататься на своем пони, и он очень любезно предложил мне прогуляться вдвоем до побережья. Берега там очень скалистые, с крошечными пляжами. Совсем не то что в Пенмарроне.

Утром в воскресенье все мы пошли в церковь в Роузмаллионе, а оттуда – на обед к миссис Боскавен, тетишке полковника Кэри-Льюиса. Она очень старая и живет в очень старом доме. Называется он Дауэр-хаус. Там полным-полно старинных вещей, а служанка Изабель долгие годы живет с миссис Боскавен. Дом стоит на холме, и оттуда видно море. Вниз по склону холма спускается сад со множеством террас и живых изгородей. В одном месте находится фруктовый садик, а в нем – прелестный деревянный детский домик для игр. На самом деле это дом приличных размеров и хорошо обставленный. Джесс пришла бы в восторг. Миссис Боскавен (она просила называть ее тетей Лавинией) взяла меня туда после обеда, мы осмотрели сад и поговорили. Она очень добрая старушка. Надеюсь, когда-нибудь я снова там побываю.

Миссис Кэри-Льюис говорит, что я могу опять приехать в Нанчерроу, это очень мило с ее стороны. Я уже написала ей, как положено, письмо с выражением благодарности за гостеприимство. Через несколько дней каникулы, и я поеду в Уиндиридж. Мы гуляем четыре дня, с пятницы до вторника. Пришла открытка от тети Луизы: она приедет за мной на машине утром в пятницу и мы поедem в Порткеррис покупать велосипед.

Я взяла свой китайский ларец в Нанчерроу и на время оставила его там, потому что в школе его некуда деть. Миссис Кэри-Льюис подарила мне несколько своих раковин каури, чтобы я положила их в один из выдвижных ящичков ларца.

С уроками все в порядке, за тест по истории я получила семь баллов из десяти. Сейчас мы проходим по литературе Хораса Уолпола, а по истории – Утрехтский договор. Очень хочу узнать о вашем новом доме в Сингапуре. Тяжело вам будет расставаться с Джозефом и Амой.

*Крепко обнимаю, привет Джессс,
Джудит.*

Она стояла у окна своей спальни в Уиндиридже и смотрела на поле для гольфа и на бухту вдали, но ничего не могла толком разглядеть: все было затянуто матовой пеленой проливного дождя. Да и на глаза ее непрестанно наворачивались детские, глупые слезы – неожиданно ею овладела отчаянная тоска по дому.

Странное дело, ведь только что начались короткие каникулы в середине триместра, а с тех самых пор, как мама попрощалась с ней и уехала, оставив ее в «Святой Урсуле», подобное уныние не охватывало ее. В школе просто времени не оставалось скучать по дому, слишком многое надо было сделать, успеть, выучить, продумать и запомнить, в то время как вокруг без конца суетились и сновали другие люди, гремели звонки, и умственное напряжение разнообразилось такими обильными дозами подневольной физкультуры и спорта, что, когда Джудит наконец забиралась в постель и можно было поплакать в подушку, она, почитав несколько минут, проваливалась в глубокий сон.

Да и в Нанчерроу, рассказывая по ходу разговора о родителях и сестре, вежливо отвечая на вежливо поставленные вопросы, она не чувствовала ни пронзающей тоски, ни боли. По правде говоря, во время того волшебного уик-энда Джудит почти и не вспоминала о маме с папой, как будто они принадлежали какому-то погибшему, точнее – исчезнувшему на время миру. Может быть, надев вещи Афины Кэри-Льюис, Джудит обрела вместе с ними какую-то новую индивидуальность – человека, потерявшего связь с семьей и живущего только настоящим.

Теперь с тоской она вспоминала о Нанчерроу, мечтая перенестись туда, к Лавди, в этот храм солнца, цветов и света, из бездушного дома тети Луизы, угнездившегося на вершине холма назло всем ветрам, где у нее не было другой компании, кроме трех пожилых женщин. Но здравый смысл наконец пришел ей на помощь, напоминая, что весь Корнуолл сейчас мокнет под дождем и Нанчерроу не может избежать этой общей печальной участи. Еще когда она проснулась в школьной спальне, за окнами царил мрак, и ей стало ясно, что погода сегодня выдалась отвратительная. В обмундировку учениц были поспешно включены макинтоши и резиновые сапоги, и в десять часов они хлынули потоком через парадную дверь на улицу и зашлепали по лужам к ожидающим их автомобилям. Всегда пунктуальная тетя Луиза уже ждала Джудит в своем старом «ровере», а за Лавди еще не приехали, и она горько жаловалась, что должна терять время и торчать в противной школе, пока кто-нибудь не соизволит за ней явиться.

(В каком-то смысле это было даже к лучшему: Джудит не больно-то хотелось представлять друг другу тетю Луизу и Диану. Вряд ли они нашли бы общий язык, и тетка всю дорогу до Уиндириджа непременно отпускала бы ехидные замечания по адресу Дианы.)

Несмотря на непогоду, утро прошло хорошо. Они остановились в Пензансе сделать кое-какие покупки и заглянули в банк, чтобы взять для Джудит карманные деньги на время каникул. Потом зашли в книжный магазин, неспешно походили по рядам, и Джудит купила себе новую авторучку: в школе она одолжила свою ручку одной девочке, и та сломала перо. Наконец, после кофе с пирожными в кафе, поехали в Уиндиридж. Поездка в дождь в компании с тетей

Луизой, которая со зловещим стуком переключала передачи и лихо надавливала своим начищенным башмаком на педаль акселератора, была, мягко выражаясь, нелегким испытанием: Джудит не раз зажимивала глаза, готовясь к мгновенной смерти, когда тетя обгоняла на повороте автобус или стремительно взлетала на узкую вершину бугра, совершенно не думая о том, что кто-нибудь может неожиданно вынырнуть ей навстречу. Все же, каким-то чудом, они благополучно добрались до Пенмаррона, и тут-то, пока они проезжали через деревню, на Джудит нахлынула тоска по Ривервью и по маме с Джесс. Так непривычно было оставаться на главной трассе, вместо того чтобы свернуть влево, на узкую сельскую дорогу, бегущую через поля к морскому рукаву и железнодорожной станции. Поднявшийся из мглы мрачный Уиндиридж только усилил тяжелое чувство, в лишенном деревьев, выбритом саде тоже не было ничего утешительного.

Горничная Хильда подошла к дверям, чтобы помочь с чемоданами. «Я отнесу их наверх», – объявила она, и Джудит поплелась следом. Она знала этот дом не хуже, чем Ривервью, но раньше никогда не оставалась здесь надолго, даже на одну ночь, и теперь все казалось ей незнакомым и чужим, все пахло как-то не так, и ей смертельно хотелось оказаться в любом другом месте – где угодно, только не здесь.

И вдруг без всякой видимой причины смятенное чувство бездомности охватило Джудит. Ее комната, бывшая спальня для гостей, была очень милой и симпатичной, привезенные из Ривервью вещи были аккуратно расставлены, разложены по шкафам и ящикам комода. Здесь же был ее письменный стол, на полках стояли знакомые книги. А на туалетном столике цветы... Но ничего больше. Ну а чего же еще ей надо? Чего ей недостает, чтобы заполнить этот ужасный вакуум, эту пустоту на сердце?

Хильда отпустила несколько банальных замечаний: о грязи на улице, о близости ванной, о том, что обед подается в час, – и удалилась. Оставшись одна, Джудит подошла к окну и не смогла удержаться от нелепых слез.

Ей доставало Ривервью, мамы, Джесс и Филлис; ей нужны были все знакомые виды, звуки, запахи. Спускающийся под гору сад и спокойный морской рукав, взбухающий с каждым приливом; день, начинающийся с бодрого грохотанья маленького поезда. Убогое очарование заполненной цветами гостиной и лязг кастрюль и мисок, доносящийся из судомойни, где Филлис готовила к обеду овощи под нескончаемый аккомпанемент звонкого голоса маленькой Джесс. А запахи – они волновали даже еще сильнее и прочно удерживались в памяти. Чистый лавандовый аромат мыла «Вим-энд-Ярдли», исходивший из ванной; сладкое благоухание бирючины со стороны живой изгороди у парадного входа; во время отлива – острый привкус морских водорослей в воздухе. Запах торта из духовки, жареного лука на сковородке...

Вспоминать все это было бессмысленно – воспоминания только растрavляли душу. Ривервью больше нет, теперь это чужой дом, его сняли другие люди. Мама, папа и Джесс – за океаном, на другом конце света. Слезами их сюда не вернуть. Джудит нашла носовой платок и высморкалась, потом разобрала вещи, прохаживаясь взад-вперед по комнате, выдвигая ящики и хлопая дверцами, произвела осмотр своего гардероба и попыталась выбрать что-нибудь из одежды – из настоящих, не школьных вещей. Здесь ее не дожидались кашемировые пуловеры. Всего-навсего старая юбка да свитер из тонкой пряжи, уже столько раз стиранный, что некогда колючая шерсть стерлась и давно не щекотала кожу. Расчесывая волосы, Джудит успокоилась и попыталась подумать о чем-нибудь хорошем. Будущий велосипед! Сегодня они поедут за ним в Порткеррис. Свобода от школы на целых четыре дня! Она доедет на велосипеде до пляжа, а потом придется по песчаному взморью. Можно заглянуть к мистеру Уиллису – провести старика. Позвонить Хетер и договориться с ней о встрече. Перспектива увидеться с Хетер – уже достаточный повод для хорошего настроения. Постепенно горестное чувство развеялось, она стянула волосы на затылке ленточкой и пошла вниз искать тетю Луизу.

Во время обеда, состоявшего из бараньих отбивных с мятным соусом и яблочного компота, тетя Луиза довольно неожиданно заинтересовалась ее визитом к Кэри-Льюисам.

– Я в тех местах никогда не бывала, но, говорят, у них удивительный сад, – заметила она.

– Да, на него стоит посмотреть, там замечательно. Камелии и все такое. Подъездная дорога сплошь обсажена гортензиями. И еще у них есть свой собственный маленький пляж.

– А что представляет из себя сама девчушка?

– Лавди? Она непослушная, еще та хулиганка, но ей все прощают. У нее была чудесная нянечка по имени Мэри, теперь она гладит белье.

– Ты им завидуешь?

– Нет, ничуть. У них все по-другому, но мне там очень понравилось.

– Что ты думаешь о миссис Кэри-Льюис? Она и в самом деле так легкомысленна, как о ней говорят?

– О ней так говорят?

– Еще бы! Вечно пропадает в Лондоне, ездит на юг Франции. И друзья у нее довольно свободных нравов.

Джудит подумала о Томми Мортимере и снова решила, что разумнее всего вообще не упоминать его имени. Вместо этого она стала рассказывать:

– Там был очень приятный человек, Джереми Уэллс. Он врач, мы с мамой встретили его в поезде по дороге из Плимута, ехали в одном купе. Он в этот раз не гостил в Нанчерроу, просто заехал на день.

– Джереми Уэллс?

– Ты его знаешь?

– Нет, но он известен своими спортивными достижениями. Капитан корнуолльской регбийной команды. И за Кембридж играл. Он отличился на последнем университетском матче; помню, я читала об этом в газете – Джереми был героем дня.

– Еще он играет в крикет. Так мне говорил полковник Кэри-Льюис.

– Однако, я смотрю, ты уже на короткой ноге со знаменитостями! Надеюсь, тебе не покажется у меня слишком скучно.

– Я жду не дождусь, когда мы отправимся покупать велосипед.

– Купим сегодня, не волнуйся. Мне говорили, магазин мистера Питвея – лучший в Порткеррисе, так что пойдем прямо туда. У Питвея есть фургон, и нам доставят покупку в самое ближайшее время – я думаю, тебе не стоит возвращаться по шоссе на велосипеде, пока ты не научилась как следует управляться с ним. Попрактикуешься тут, в деревне, научишься выкидывать руку на поворотах. Мне не хотелось бы сообщать твоей матери, что ее дочь кончила жизнь под колесами грузовика.

Луиза засмеялась, как будто это была отличная шутка, и Джудит захихикала тоже, хоть и не видела в сказанном ничего смешного.

– А что до твоих каникул, остается надеяться, что дождь не будет лить бесконечно и ты сможешь всласть покататься по округе. В воскресенье, боюсь, мне придется оставить тебя одну – я весь день играю в гольф. Эдна и Хильда тоже уезжают домой отмечать восьмидесятилетие своей тетки, их попросили помочь со стряпней. Так что ты останешься совсем одна. Но я уверена, ты не будешь скучать.

Перспектива провести день без пожилых обитателей Уиндириджа была не лишена привлекательности, но еще веселее – провести воскресенье с Уорренами.

– А может, мне позвонить Хетер? – сказала Джудит. – Если ты не возражаешь. Я смогла бы побывать у них в воскресенье. Или Хетер приехала бы сюда.

– Девчушка Уорренов? Отличная мысль! Оставляю это на твое усмотрение. Ты правильно делаешь, что не забываешь старых друзей... Ну, хочешь еще компота? Нет? Тогда

позвони, чтобы Хильда пришла и убрала со стола, я выпью чашечку кофе, и примерно в половине третьего мы выйдем из дому. Будь готова.

– Да, конечно. – Джудит сгорала от нетерпения.

Упрямый дождь и не думал прекращаться. Они въехали в Порткеррис, как никогда хмурый. По сточным канавам ручьями бежала вода, в гавани серело угрюмое море. Магазин Питвея находился у подножия холма. Тетя Луиза припарковала свой «ровер» в соседнем проулке, и они зашли внутрь. В магазине пахло резиной, техническим маслом и новой кожей, и повсюду стояли велосипеды самых разных видов – начиная с детских и кончая гоночными моделями со щегольски выгнутым книзу рулем. Они слегка разочаровали Джудит – ей нисколько не нравилась идея жать что есть силы на педали, с головой, пригнутой к коленям, не отрывая взгляда от дороги перед собой; это убивало все удовольствие от езды.

К ним подошел мистер Питвей, одетый в спецовку защитного цвета, и началась серьезная процедура выбора. В конце концов они остановились на темно-зеленом «рали» с черным седлом. У велосипеда имелось три скорости, щиток над цепью привода и удобные толстые рукоятки из резины, кроме того, к нему прилагался насос для надувания шин и маленькая сумочка с набором инструментов и баночкой масла. Стоил он ровно пять фунтов. Тетя Луиза вытащила бумажник и отсчитала банкноты.

– Да, вот что, мистер Питвей, я бы хотела, чтобы велосипед был доставлен как можно скорее. Лучше всего сегодня же.

– Мм... Дело в том, что в данный момент я в магазине один...

– Ерунда! Ваша жена может на полчаса сменить вас на посту. Просто закиньте велосипед в свой фургон и привезите его в Уиндиридж, это в Пенмарроне.

– Да, я знаю, где вы живете, но...

– Вот и прекрасно. Значит, договорились. Приезжайте часа в четыре. Мы будем вас ждать. – Луиза уже выходила из дверей. – И спасибо вам за помощь!

– Спасибо за покупку, – только и успел вымолвить несчастный мистер Питвей.

Очевидно, уstraшенный напором тети Луизы, он выполнил свое обещание. Погода слегка улучшилась, и, хотя небо было по-прежнему затянуто облаками, а на земле все пропитано влагой, дождь соизволил перестать. Когда без пяти минут четыре в воротах Уиндириджа показался синий фургон, Джудит, поджидавшая у окна, стремглав выскочила на улицу и помогла мистеру Питвею извлечь из фургона драгоценный груз. Тетя Луиза, тоже услышавшая приближение машины, явилась следом за Джудит, чтобы убедиться, что все в порядке и покупка не поцарапалась и не получила никаких повреждений во время своего короткого путешествия. Мистеру Питвею повезло – она не нашла, к чему придраться, и, поблагодарив, вручила ему полкроны за труды и за бензин. Он принял эти чаевые несколько смущенно, но с благодарностью, подождал, пока Джудит, вскочив в седло, сделала пару кругов по дорожке вокруг газона, затем притронулся, откланиваясь, пальцами к шляпе, залез в фургон и был таков.

– Ну как? – поинтересовалась тетя Луиза.

– Просто чудо! Ах, я так тебе благодарна, тетя Луиза! – Склонившись над рулем, Джудит поцеловала тетю в щеку. – Это самый лучший велик на свете и самый лучший подарок! У меня никогда не было ничего подобного! Обещаю, я буду беречь его!

– Не забывай ставить его в гараж и никогда не оставляй под дождем.

– Конечно-конечно! Я еду кататься прямо сейчас. По деревне.

– Ты знаешь, как работают тормоза?

– Я все знаю!

– Ну тогда езжай, веселись!

С этим напутствием Луиза вернулась в дом, где ее ждали вязанье, пятичасовой чай, недочитанный роман.

Джудит испытывала захватывающее ощущение полета. Стрелой съехав с холма, она показала через деревню и снова увидела памятные ей маленькие магазинчики и знакомые коттеджи на главной улице; проплыла мимо почты и паба, миновала поворот, ведущий в сторону Викариджа, а потом на свободном ходу стремительно помчалась вниз по лесистому склону в сторону небольшой изогнутой дамбы, пересекающей морской рукав. Она вылетела на дорожку, огибающую фиалковую ферму, потом, рассекая лужи и поднимая фонтаны брызг, помчалась по ухабистой тропке, бегущей вдоль железнодорожной линии. Здесь, между холмов, никогда не было ветра, и на обращенных к югу склонах желтели венчики первоцвета. Унылое серое небо уже не могло испортить Джудит настроение. От земли в свежий воздух подымался терпкий, влажный запах, толстые шины легко несли ее через кочки и лужи, она была предоставлена самой себе и свободна как ветер, и ее переполняла небывалая энергия, – казалось, ехала бы и ехала без конца... хоть до самого края земли. В душе звучала песня, и, убедившись, что вокруг нет ни души, Джудит запела:

Дождь ли, снег, нещадный ветер –
Не страшусь я бедствий этих!..

Начались первые дома – большие, важные дома Пенмаррона с их тенистыми уединенными садами и высокими каменными оградами. Сосны подымали высоко в небо свои вершины, облюбованные крикливыми грачами. Железнодорожная станция. Ривервью-хаус. Джудит затормозила и остановилась, поставив одну ногу на землю. Она вовсе не думала сюда заезжать; казалось, велосипед сам, словно верный конь, вынес ее к бывшему дому. Она посмотрела на здание и почувствовала, что горе, еще утром раздиравшее ей сердце, уже притупилось. Горько, конечно, – но терпимо. Сад выглядел ухоженным, цвели ранние нарциссы. Кто-то повесил на одной из яблонь детские качели. Приятно было узнать, что здесь живут дети.

Постояв немного, она поехала дальше, через рощу, мимо источника и небольшого пруда, в котором хорошо ловились головастики и лягушки. Тропинка стала подниматься в гору и вышла на шоссе у церкви. С минуту Джудит размышляла, не рвануть ли ей к морю – навестить мистера Уиллиса, но потом отказалась от этой затеи: день угасал, а на ее велосипеде не было фонарей. Во время следующей поездки в Порткеррис надо будет обязательно купить парочку – большую переднюю фару и красный задний фонарик. А сейчас пора возвращаться домой.

Дорога шла вверх по склону холма, с одной стороны тянулись поля, с другой – площадка для игры в гольф. Джудит яростно жала на педали: склон был гораздо круче, чем она воображала, и в конце концов она совсем выбилась из сил. Перед зданием клуба она не выдержала и спешила, смирившись с необходимостью идти остаток пути на своих двоих и катить велосипед рядом с собой. Теперь понятно, почему велосипеды шутливо называют «ногопедами»...

– Эй, привет!

Джудит остановилась и обернулась посмотреть, кто ее зовет. Из калитки гольф-клуба к ней спешил какой-то человек. На нем была одежда игрока – мешковатые брюки гольф и желтый пуловер, сдвинутое на ухо твидовое кепи придавало ему подозрительное сходство с не заслуживающим доверия букмекером.

– Ты, должно быть, Джудит... Или же я допустил непростительную ошибку, – шутливо добавил он.

– Да, меня зовут Джудит, – подтвердила она, совершенно не представляя, кто бы это мог быть.

– Твоя тетя говорила мне, что ты приедешь на выходные из школы, на короткие каникулы. – На его красном лице с усиками хитро светились колючие глаза. – Ты меня не знаешь,

ведь мы никогда не встречались. Я полковник Фосетт, Билли Фосетт. Старый друг Луизы, со времен Индии. Теперь я обитаю по соседству с ней.

– А, ну да, я помню, она говорила о вас нам с мамой. Вы дружили с дядей Джеком.

– Вот-вот. Служили в одном полку, на северо-западной границе. – Он окинул взглядом велосипед. – Катаешься?

– Тетя Луиза купила мне его сегодня. Он трехскоростной, но я все равно не могу взобраться на гору, так что пришлось идти пешком.

– В этом-то и заключается главный недостаток велосипедов. Но, должен сказать, эта штука ковина смотрится что надо. Я присоединюсь, если не возражаешь...

Джудит была раздосадована тем, что он нарушил ее уединение, однако вежливо ответила: «Разумеется», и они зашагали бок о бок.

– Вы играли в гольф? – спросила Джудит.

– Всего один раунд в одиночку. Надо потренироваться, прежде чем сразиться с твоей тетушкой.

– Я знаю, она в этом деле ас.

– Мастер! Бьет по мячу сильнее любого мужчины. И с убийственной точностью загоняет мяч в лунку... Ты рада, что вернулась в Пенмаррон?..

В такой учтивой беседе и прошла вся прогулка. Когда они добрались до поворота, ведущего к Уиндириджу и ряду коттеджей за ним, дорога выровнялась и Джудит могла бы поехать дальше на велосипеде, оставив полковника Фосетта шагать пешком, однако решила, что это было бы не очень вежливо.

У ворот Уиндириджа она остановилась, ожидая, что полковник попрощается и пойдет своей дорогой, но он, похоже, не собирался расставаться. Уже темнело, и через задернутые шторы гостиной сквозь вечерний сумрак пробивался свет; полковника Фосетта явно соблазняло это безмолвное приглашение. Он эффектным движением, будто на сцене, приподнял рукав своего пуловера и, прищурившись, посмотрел на часы.

– Так... Без четверти пять, у меня есть несколько свободных минут. Почему бы мне не зайти с тобой и не засвидетельствовать почтение Луизе? Мы не виделись пару дней.

Джудит нечего было возразить на это, да и тетя Луиза, наверно, не будет против. Они вместе вошли в ворота и по усыпанной гравием дорожке направились к дому.

Перед дверями она сказала:

– Мне нужно поставить велосипед в гараж.

– Не волнуйся, я сам войду...

Что он и сделал – вошел, не позвонив и даже не постучав в застекленную внутреннюю дверь, он просто открыл ее и прокричал: «Луиза!» – и та, как видно, отозвалась, судя по тому, что он проскользнул внутрь и захлопнул за собой дверь.

Оказавшись в одиночестве, Джудит проводила Фосетта недовольной гримасой. Этот человек не вызывал симпатию, его бесцеремонность раздражала. Но может быть, он нравится тете Луизе и она будет только рада его неожиданному вторжению? Джудит задумчиво завела велосипед в гараж и предусмотрительно поставила его на безопасном расстоянии от «ровера». Зная, как ездит тетя Луиза, лучше перестраховаться.

Она намеренно тянула время, неспешно закрывая и запирая на засов гараж. Ей не хотелось идти в дом. Если бы можно было проскользнуть незаметно наверх, в свою комнату, и выждать, пока полковник Фосетт откланяется... Но планировка Уиндириджа исключала такую возможность. Стоит ей открыть переднюю дверь, и она сразу же окажется в их компании, в полугостиной-полухолле тети Луизы. А улизнуть к себе у них на глазах было бы неприлично.

Когда Джудит вошла, гость уже расположился у камина, – глядя на него, можно было подумать, будто он сидит тут целую вечность, – а тетя Луиза (ее чайный поднос унесла Хильда) наливала ему выпить.

– А какие планы у вас на выходные? – Фосетт уже отпил изрядный глоток крепкого виски и теперь нежно поглаживал свой бокал мясистыми короткими пальцами.

Тетя Луиза опять взялась за вязанье. Себе она наливать не стала – слишком рано. В таких вещах она не позволяла себе вольностей. По-другому нельзя, когда живешь одна.

– Мы еще толком об этом не говорили. В воскресенье я играю в гольф с Полли и Джоном Ричардс и с приехавшим к ним в гости другом. Он член клуба в Рае и, судя по всему, прекрасный игрок...

– А ты чем думаешь заняться? – спросил Билли Фосетт, бросив взгляд на Джудит.

– Я, может быть, навещу свою подругу, она живет в Порткеррисе. Я ей еще не звонила.

– Нельзя, чтобы ты осталась скучать в одиночестве. В случае чего – я всегда к твоим услугам.

Джудит предпочла пропустить это предложение мимо ушей. Тетя Луиза переменила вязальные спицы.

– Будет очень хорошо, если миссис Уоррен сможет оставить Джудит у себя на воскресенье, потому что Хильда и Эдна тоже берут выходной и уезжают. Не слишком-то весело оставаться одной в пустом доме.

– Я всегда могу поехать куда-нибудь на велосипеде.

– А если пойдет дождь? Тогда и думать нечего о прогулке, если только не завернуться в длинный дождевик. В это время года разве можно сказать, что преподнесет погода на следующий день?

Билли Фосетт поставил свой стакан и, слегка изогнувшись корпусом, полез в карман брюк за портсигаром и зажигалкой. Он закурил, и Джудит обратила внимание на пожелтевшие от табака пальцы. Да и усы у него тоже побурели, как следует прокоптившись в табачном дыму.

– А не сходить ли нам в кино? – неожиданно предложил он. – Я был сегодня утром в Порткеррисе – в кинотеатре идет «Человек в цилиндре» с Фредом Астером и Джинджер Роджерс. Отличная должна быть картина. Приглашаю вас завтра вечером. Билеты, разумеется, за мной.

Тетя Луиза, казалось, была слегка ошарашена. Видимо, Билли Фосетт за все время их знакомства впервые предложил взять расходы на себя.

– Очень мило с вашей стороны, Билли. Как ты на это смотришь, Джудит? Хочешь посмотреть «Человека в цилиндре»? Или ты уже видела этот фильм?

Нет, Джудит эту картину не видела и, сказать по правде, уже целую вечность мечтала посмотреть ее. В журнале о кино, который Лавди тайком протащила в школьную спальню, Джудит видела фотографии этой блистательной пары, кружившейся по танцевальной площадке; все платье Джинджер Роджерс было обшито развевающимися перьями. А одна девочка из пятого класса уже дважды смотрела картину в Лондоне, влюбилась во Фреда Астера и прилепила его фото на обратной стороне своей записной книжки.

С другой стороны, лучше было бы пойти на «Человека в цилиндре» вместе с Хетер; они бы купили себе мятных леденцов и блаженствовали на пару в душной темноте кинотеатра. С тетей Луизой и Билли Фосеттом будет совсем не то.

– Нет, не видела, – ответила Джудит.

– Хочешь пойти?

– Да. – Что еще она могла ответить? – Очень.

– Замечательно! – Билли Фосетт одобряюще хлопнул себя ладонью по коленке. – Значит, договорились. Какое время? Шестичасовой сеанс? Боюсь, Луиза, вам придется быть нашим шофером: мой старый драндулет что-то покашливает. Надо поставить его в гараж.

– Так и быть. Приходите в половине шестого, и мы поедем на моем «ровере». Спасибо за приглашение.

– Не стоит благодарности. Такое удовольствие – сопровождать двух очаровательных леди. Чего еще может пожелать мужчина?

Он протянул руку к своему виски, допил его и застыл с сигаретой во рту и пустым стаканом в руке. Тетя Луиза приподняла брови:

– Повторить, Билли?

– Ну... – Он уставился на пустой стакан с недоумением, словно не веря глазам: как, мол, тот оказался в таком плачевном состоянии? – Ну, если вы так настаиваете...

– Наливайте сами, не стесняйтесь.

– А вам, Луиза?

Она взглянула на часы.

– Чуть-чуть, будьте добры.

Фосетт поднялся и направился к столику с напитками, как заправский хозяин. Наблюдая за ним, Джудит с ужасом подумала, что он ведет себя совершенно как дома. Ей стало интересно, что представляет собой коттедж, в котором он живет; вероятно, там ужасно – неуютно и холодно. Не исключено, что он очень беден и не может позволить себе теплого очага, бутылочки виски, живущей при доме прислуги и прочих радостей и удобств, в которых нуждаются одинокие холостяки. Может, он потому и прикипел к благоустроенному Уиндириджу. И может быть – о ужас! – он в некотором роде ухаживает за тетей Луизой, и на уме у него далеко идущие планы.

От этой мысли ей стало не по себе. А собственно, почему бы и нет. Он – старый товарищ Джека Форрестера, и тетя Луиза, очевидно, находит его общество приятным, иначе он бы давным-давно получил отставку. Она не из тех, кто будет вежливо терпеть у себя всяких болванов. Возможно, вначале она его просто пожалела, а с течением времени их отношения переросли в нечто большее... Всякое бывает.

– Пожалуйста, дорогая...

Джудит внимательно наблюдала за теткой: как та примет у полковника стакан. Увы, Луиза проделала это в своей обычной невозмутимой манере; никаких многозначительных взглядов, никаких мимолетных вкрадчивых улыбок. Джудит вздохнула с облегчением. В тете Луизе слишком много здравого смысла, чтобы принимать скоропалительные решения, а что может быть безрассуднее, чем связать свою жизнь с Билли Фосеттом – этим старым выпивохой без гроша за душой?

– Спасибо, Билли.

Славная добрая тетя Луиза! Джудит решила выкинуть из головы все свои безотчетные опасения, просто забыть о них. Но оказалось, что это невозможно: мысль, однажды пришедшая в голову, пустила корни, и Джудит уже не могла не считаться с грозной возможностью брака тети Луизы и полковника. Все, что ей остается, – это держать ухо востро и ждать, как будут развиваться события.

На следующее утро она позвонила Хетер. Трубку взяла миссис Уоррен; узнав Джудит, она издала несколько радостных приветственных восклицаний и отправилась разыскивать дочь. Наконец в трубке раздалось радостное:

– Джудит!

– Привет!

– Где ты? Чем занимаешься?

– Я у тети Луизы. На коротких каникулах.

– Купили велик?

– Да, вчера, в магазине Питвея. Это просто класс! Я долго каталась вчера вечером. Единственное... к нему бы еще фонари, парочку.

– Что за велосипед?

- «Рали». Темно-зеленый. Трехскоростной.
- Здорово!
- Я хочу встретиться. Думала навестить тебя завтра. Что скажешь?
- О черт!..
- В чем дело?
- Мы уезжаем на выходные в Бодмин, к моей бабушке. Прямо сейчас. Папа уже вывел машину, и через пять минут мы отправляемся. Вернемся только поздно вечером в воскресенье.
- Господи, я этого не вынесу... И почему только вам приспичило поехать именно в эти выходные!
- Слишком поздно ты собралась позвонить. Я же не знала, что ты будешь дома. Надо было предупредить заранее.
- Я еще буду здесь в понедельник.
- А толку? В понедельник мне с утра в школу. Ты можешь прийти в понедельник к чаю?
- Нет, в четыре часа я должна быть в «Святой Урсуле».
- Эх, какая досада! Я, серьезно, расстроилась. Хотела повидаться с тобой, узнать обо всем. Ну, как дела? Нашла себе новых подруг?
- Да, есть кое-кто. В общем, все неплохо.
- Скучаешь по маме?
- Бывает. Но вспоминать – от этого только хуже.
- Они уже приплыли? Я хочу сказать – в Коломбо. Получила от них письмо?
- Да, много писем. У них все в порядке, и с Джесс тоже все хорошо.
- Элейн тут как раз спрашивала о тебе. Теперь я смогу ей кое-что сообщить... Слушай, мы обязательно увидимся на пасхальных каникулах.
- Хорошо.
- Когда они у тебя начнутся?
- В первую неделю апреля.
- Тогда позвони мне, как только приедешь, и мы что-нибудь организуем. Мама спрашивает: ты сможешь пожить у нас пару дней?
- Скажи, что да, с удовольствием.
- Мне надо идти, Джудит. Папа уже в машине и сигналит нам, а мама уже надевает шляпу и торопит меня.
- Приятных тебе выходных у бабушки.
- И тебе приятных выходных. Не забудь, увидимся на Пасху.
- Не забуду.
- Пока.
- В полном расстройстве Джудит пошла сообщить тете Луизе плохие новости.
- Уоррены едут на два дня в Бодмин к бабушке Хетер. Так что завтра их здесь не будет.
- О боже мой, какое невезение! Но ты не отчаивайся, вы сможете встретиться на следующих каникулах. Будем надеяться, завтра будет хорошая, сухая погода. Тогда Эдна приготовит тебе что-нибудь перекусить – и ты сможешь устроить себе пикник. Прокатишься на велосипеде на море. Или до Веглоса. Там сейчас как раз расцвел первоцвет. Ты могла бы привезти мне первый букет в этом сезоне.
- Да, наверно, я так и сделаю.

И все-таки пикник был неравноценной заменой. Джудит упала в кресло, вытянув ноги перед собой, и закусила выбившуюся из-под ленточки прядь волос. Думая о погубленном воскресенье, она надеялась, что тетя Луиза не расскажет Билли Фосетту о крушении ее планов. Она уже открыла было рот, чтобы попросить ее об этом, но тут же передумала. Лучше ничего не говорить. Лучше ни малейшим намеком не выдавать своей инстинктивной антипатии к этому

странному, пусть и безобидному старикашке, к которому тетя Луиза – это совершенно очевидно – относится как к близкому другу.

После полудня дождь, моросивший все утро, неожиданно кончился, и день озарился светом солнца; оно то и дело выглядывало из-за огромных туч, плывущих на континент с моря. Тетя Луиза объявила, что идет работать в саду, и Джудит вызвалась ей помочь: выпалывала из мягкой сырой земли сорняки и увозила на тачке сухие прутья. Они трудились на воздухе до половины пятого и успели помыть руки, привести себя в порядок и выпить по чашке чая, прежде чем явился, бодро шагая по ведущей от ворот дорожке, Билли Фосетт.

Они сели в «ровер» (Билли занял переднее сиденье) и поехали.

– Чем вы занимались сегодня? – полюбопытствовал он.

– Садовничали, – ответила тетя Луиза.

Он обернулся на своем сиденье и ухмыльнулся Джудит, показав свои желтоватые зубы и лукаво сверкнув глазами:

– Не больно веселые каникулы, если мемсаиб гонит тебя на работу!

– Я люблю работать в саду, – возразила она.

– А как насчет завтрашнего дня? Связалась со своей приятельницей?

Джудит отвернулась, как будто глядя в окно, и притворилась, что задумалась и не слышала его вопроса. Но он не отступал.

– Договорилась о встрече?

– Не совсем, – процедила она, моля Бога, чтобы тетя Луиза попридержала язык за зубами и разговор перешел на другую тему. Но увы, та простодушно «раскололась».

– К сожалению, Хетер уехала на все выходные. Но ничего страшного – встретятся в следующий раз.

Джудит готова была убить ее, хоть и понимала, что тетя ни в чем не виновата.

– Стало быть, придется тебе самой подыскивать себе развлечения. Если заскучаешь в одиночестве, знай, что я всего в двух шагах.

Он отвернулся, и Джудит, в грубости не уступая Лавди, показала язык его затылку. Он мог увидеть ее в зеркале, но ей было все равно.

Съехав с холма, они оказались в Порткеррисе, который в этот вечер выглядел совершенно по-иному: угрюмости, которая так удручала накануне утром, как не бывало. Небо прояснилось, и последние лучи заходящего солнца омыли серый камень старых зданий золотисто-розовым светом, отчего стены приобрели полупрозрачную бледность морских раковин. Ветер утих, серебристое море застыло в неподвижности, а по огромному полумесяцу пляжа, раскинувшись далеко внизу, шли вдвоем мужчина и женщина, оставляя за собой двойную строчку следов на упругом, гладком песке.

Когда автомобиль углубился в лабиринт узких улиц, из открытых дверей какого-то ресторанчика до них долетел запах свежеприготовленной рыбы с жареной картошкой. Билли Фосетт приподнял голову и принюхался, раздувая ноздри, точно собака, напавшая на след.

– Рыба с жареной картошкой! От этого запаха кровь быстрее бежит в жилах. Может, после кино поужинаем вместе?

Но тетя Луиза не сочла это хорошей идеей. Причина заключалась, видимо, в том, что ей вовсе не хотелось слушать, как Билли ожесточенно оспаривает счет, и еще меньше хотелось решать деликатный вопрос о том, кто будет платить.

– Нет, Билли, только не сегодня. Эдна обещала нам с Джудит холодный ужин, она будет ждать нас.

Билли Фосетта явно не приглашали разделить эту скромную трапезу, Джудит даже немножко пожалела его – в самой глубине души. Но тетя Луиза несколько сгладила неприятное впечатление, тут же добавив: «Как-нибудь в другой раз». Интересно, а чем он сам нынче будет ужинать, подумала Джудит. Наверно, виски с содовой и пакетом чипсов. Бедолага! И все-таки

она была рада, что тетя Луиза не пригласила его к себе. Видно, она решила, что, как только киносеанс закончится, его общество начнет ее тяготить.

Тетя Луиза припарковала машину возле банка, и они перешли на другую сторону улицы к кинотеатру. В кассу не было большой очереди, зато в зал люди так и валили – сеанс обещал быть многолюдным. Билли Фосетт прошел вперед них и встал в очередь за билетами. Тетя Луиза и Джудит остановились возле наклеенной на стене глянцевой афиши с кадрами из фильма. Можно было с уверенностью сказать: им предстояло окунуться в увлекательную киноисторию, полную романтики, любви и юмора. Джудит радовалась заранее, мурашки пробежали у нее по спине, а тетя Луиза только фыркнула:

- Будем надеяться, это не полная чушь.
- Держу пари, тебе понравится, тетя Луиза!
- Ну-ну! Может, хоть музыка неплохая.

Отвернувшись от афиши, они обнаружили, что Билли Фосетт исчез.

– Господи, куда он теперь подевался?! – воскликнула тетя Луиза таким тоном, словно Билли был непослушной собачонкой, взятой на пикник, но он появился почти тотчас же с маленькой коробкой молочных шоколадных конфет «Кэдбери».

– Хотелось добавить немножко шику! – пояснил он. – Простите, что заставил ждать. Теперь идемте в зал.

В кинотеатре, где когда-то располагался крытый рыбный рынок, было тесно и душно как никогда и стоял сильный запах дезинфицирующего состава, которым регулярно опрыскивали ряды, чтобы предотвратить появление блох. Девушка с фонариком проводила их на места, фонарь свой, впрочем, ей включать не пришлось – в зале еще не погасили свет. Джудит уже собралась было юркнуть между рядов и занять дальше от прохода место, но Билли Фосетт остановил ее:

– Мне кажется, сначала нужно пропустить взрослую леди, Джудит. Главное, чтобы твоей тете было удобно.

Это означало, что Джудит придется сидеть между ними, с тетей Луизой по левую руку и Билли Фосеттом по правую. Когда они расселись и освободились от верхней одежды, он открыл коробку конфет и передал им. Конфеты, увы, оказались не очень свежие – вероятно, пролежали на полке киоска не один год.

Свет потух. На экране появился анонс к следующей кинокартине, «Незнакомец из Рио», захватывающему вестерну, действие которого разворачивалось, по-видимому, в Южной Америке. Белокурая героиня в живописных лохмотьях, однако с безукоризненным макияжем, пробиралась, тяжело дыша, через заросли высокой травы. Потом показался герой в необъятном сомбреро, он переезжал реку на белом коне и одновременно размахивал над головой своим лассо. «Смотрите в этом кинотеатре! На следующей неделе! Единственная возможность! Не упустите свой шанс!»

– Боюсь, я все-таки упущу свой шанс, – хмыкнула тетя Луиза. – Обойдусь без этой чепухи.

Затем последовала кинохроника. Герр Гитлер важно расхаживал в своих бриджах, принимая какой-то парад. Его величество разговаривал с кораблестроителями после спуска на воду нового судна где-то на севере Англии. Потом на экране промелькнуло несколько забавных щенков – кадры с какой-то выставки собак. После новостей они просмотрели «дурацкую симфонию»³¹ о бурундуке, и наконец настало время «Человека в цилиндре».

– Слава тебе господи! – вздохнула тетя Луиза. – Я думала, фильм никогда не начнется!

Но Джудит не слушала ее. Удобно устроившись в своем кресле, она не сводила глаз с экрана и снова испытывала знакомое сладкое чувство полного погружения в историю, которая

³¹ «Дурацкие симфонии» – название ранней серии мультипликационных фильмов Уолта Диснея.

разворачивалась перед ней. Очень скоро на экране появился Фред Астер и пропел заглавную песню фильма; он кружился, отбивал чечетку, прохаживался, помахивал своей тросточкой; но что бы он ни делал, казалось, он ни на миг не прекращает танцевать. Потом завязался сюжет: он повстречался с Джинджер Роджерс и стал добиваться ее внимания; они спели «Мы попали под дождь в счастливый день» и опять танцевали, но на этот раз вдвоем. А потом одетые одинаково Фред Астер и Эдвард Эверетт Хортон перепутали свои портфели, и в конечном счете их самих перепутали друг с другом, так что Джинджер Роджерс приняла Эдварда Эверетта Хортон за Фреда Астера и пришла в неопишемую ярость, узнав, что Эдвард Эверетт Хортон женился на Мадж, ее лучшей подруге...

И в этот самый момент Джудит осознала, что происходит нечто странное. Билли Фосетт проявлял какое-то беспокойство, ерзал на своем месте и вообще отвлекал ее от фильма. Она чуть изменила позу, стараясь дать его ногам больше места, и тут ощутила, как что-то прикоснулось к ее коленке. И это что-то было рукой Билли Фосетта, которая оказалась там как будто случайно, но продолжала лежать на ее ноге – тяжелая и неприятно теплая.

Шок, вызванный этим казусом, разрушил всякое удовольствие от происходящего на экране. «Человек в цилиндре» со всем своим очарованием и великолепием просто перестал для Джудит существовать. Она уже не слышала ни диалогов, ни шуток, ни смеха. Ее глаза по-прежнему были прикованы к экрану, но не видели ничего, и она уже не соображала, что там происходит; вместо того чтобы следить за развитием сюжета, она судорожно пыталась найти хоть какой-то выход из этой мучительной и абсолютно непредвиденной ситуации. Что ей делать? Знает ли он, что его рука лежит у нее на колене? Или, может быть, он по рассеянности спутал ее ногу с узким подлокотником, отделяющим тесные обитые бархатом сиденья друг от друга? Следует ли ей сказать ему об этом? И если она скажет, уберет ли он тогда свою руку?

Но вот его пальцы пришли в движение, сжали ее колено и стали поглаживать его. Она вмиг поняла, что это вторжение не случайно, оно было преднамеренным, спланированным заранее. Продолжая ласкающие движения, его рука двинулась выше, залезла ей под юбку и поползла по бедру. Вот-вот он доберется до ее трусиков. Она застыла в спертom воздухе темного кинозала, охваченная отчаянием и ужасом, думая лишь о том, когда он остановится и как его остановить... зачем он это делает и как ей предупредить о происходящем тетю Луизу?..

На экране случилось что-то забавное, и все в зале, в том числе и тетя Луиза, дружно захохотали. Пользуясь всеобщим шумом как прикрытием, Джудит сделала вид, что обронила что-то, сползла со своего кресла и, приземлившись коленями на пол, забилась в затхлое узкое пространство между рядами.

- Боже, что ты там делаешь?! – одернула ее тетя Луиза.
- Я потеряла заколку.
- Разве у тебя была заковка?
- Да, была, и я ее потеряла.
- Не ищи сейчас, найдем после фильма.
- Тсс! – свирепо зашикали с заднего ряда. – Потихе нельзя?!
- Извините...

С трудом она забралась обратно на свое кресло и на этот раз так тесно прижалась к тете Луизе, что подлокотник больно врезался ей в ребра. Может, хоть теперь он поймет и оставит ее в покое?

Куда там! Всего каких-то пять минут – и его рука опять была тут как тут, жуткая, словно какая-то большая ползучая тварь, которую не убьешь, сколько ни лупи по ней свернутой газетой. Она копошилась, тискала, ползла все выше...

Джудит вскочила на ноги.

Вполне естественно, что тетя Луиза вышла из себя:

- Джудит, да в конце-то концов!..

- Мне нужно в уборную, – прошипела Джудит.
- Я говорила тебе сходить перед отъездом!
- Тсс! Вы не могли бы вести себя потише, вы здесь не одни!
- Простите... Тетя Луиза, пропусти меня!
- Пройди с той стороны, так будет быстрее.
- Я хочу выйти с этой стороны!
- Слушайте, либо садитесь, либо уходите, вы портите всем удовольствие!
- Извините...

Джудит двинулась к выходу, протискиваясь мимо тети Луизы и остальных раздраженных соседей по ряду; потом поспешила по темному боковому проходу, нырнула под занавес над входом и нашла маленькую и грязную дамскую уборную. Заперев за собой дверь, она села в этом месте, чуть не плача от отвращения и отчаяния. Чего ему нужно, этому гадкому типу? С какой это стати ему вздумалось прикоснуться к ней? Как он смеет? Пропущенное кино ее уже не волновало, а одна только мысль о возвращении в зал вселяла ужас. Джудит хотела лишь одного – выбраться на свежий воздух и поехать домой. И никогда больше не видеть Билли Фосетта.

«Давайте сходим в кино», – предложил он без всякого стыда, и тетя Луиза поверила, что он приглашает их из доброты душевной. Он одурачил тетю Луизу, одно это красноречиво говорит о его коварстве, о том, что он опасный тип. Зачем это он трогал ее колено и взбирался своими гадкими пальцами по ее бедру?! Это было непостижимо, но так ужасно, что Джудит чувствовала себя оскверненной. Билли Фосетт не понравился ей с самого начала, но сперва он казался просто жалким и нелепым. Теперь же он поставил в нелепое положение и ее, к тому же еще и унизил. Причем унижение это было таким сильным, что никогда не смогла бы она рассказать тете Луизе о том, что произошло. Джудит сгорала от стыда при одной лишь мысли о том, что ей надо будет произнести, глядя тете в глаза: «Билли Фосетт засунул руку мне под юбку».

Одно она знала твердо. Сейчас она вернется в зал, проберется в свой ряд и уговорит тетю Луизу поменяться с ней местами. Джудит была готова настаивать и препираться, пока, при содействии взбешенной пары, сидящей позади них, тете Луизе не придется уступить. И пусть потом тетя будет злиться, требовать объяснений, все это можно пропускать мимо ушей, ведь это она сама косвенно виновата в том, что случилось. Ведь Билли Фосетт – ее друг, так пусть бы и сидела рядом с ним; Джудит не сомневалась, что он ни за что не осмелился бы засунуть руку под юбку тети Луизы.

Ясное небо, освещенное яркой полной луной, внезапно потемнело, ни с того ни с сего поднялся ветер, он налетал порывами на дом, стоящий на холме, и завывал голосами заблудившихся призраков. Джудит лежала в постели, дрожа от ужаса, и не отрывала глаз от квадратного отверстия окна, ожидая того, что неминуемо должно случиться, но не ведая, что это будет. Она знала, что если выскочит из постели и устремится к двери в надежде убежать, то дверь будет закрыта. Сквозь вой ветра она расслышала хруст шагов по гравию, затем глухой удар – это верх приставной деревянной лестницы стукнулся о ее подоконник. Вот оно. Он идет за ней, карабкаясь по лестнице беззвучно, как кошка. Ее сердце громко стучало, но она продолжала неподвижно лежать и глядеть, потому что ничего нельзя было сделать. Он приближается – со злом на уме, с маниакально сверкающими глазами, с горячими, шарящими пальцами, а она окаменела в беспомощной растерянности, так как знает, что, даже вздумай она закричать, из ее рта не вылетит ни звука и никто ее не услышит. Никто не придет на помощь. Продолжая в оцепенении смотреть на окно, она увидела, как над выступом подоконника показалась его голова, и, несмотря на темноту, ясно рассмотрела каждую черточку его лица. Он улыбался...

Билли Фосетт.

Вскочив, Джудит села в постели и закричала, а он все еще был там, но в окно уже лился дневной свет, было уже утро, и она окончательно проснулась. Образ из кошмара лишь на какое-то мгновение задержался в реальности, но потом, слава богу, развеялся. Не было никакой лестницы – только ее открытое окно и утренний свет в нем.

Сон. Ее сердце стучало, как барабан, после пережитых ужасов, которые породило ее болезненно возбужденное воображение. Мало-помалу сердцебиение стихло. Во рту пересохло. Девочка отпила воды из стакана, стоящего на столике у кровати, и упала в полном изнеможении на подушки.

Она подумала о неизбежной встрече с тетей Луизой во время завтрака. Хотелось надеяться, что тетя уже не сердита за вчерашнее – за этот печальный инцидент в кинотеатре. Жуткое сновидение рассеялось вместе с пробуждением, но Билли Фосетт оставался первостепенной, требующей немедленного разрешения проблемой, которая тяжким грузом лежала на сердце, и Джудит знала: сколько ни размышляй над обстоятельствами злополучной поездки в кино, это никак не поможет, все без толку.

«Давайте сходим в кино». Этакий добренький, хороший дядя. А на деле все это задумал заранее. Он обманул их обеих, оказался умным, хитрым врагом. Его цель непостижима. Джудит знала только, что все это каким-то образом связано с сексом – и потому ужасно.

С самого начала он произвел на нее отталкивающее впечатление... совсем не то что милый мистер Уиллис или даже полковник Кэри-Льюис, с которым она сразу же нашла общий язык. Фосетт показался ей не реальным человеком, а просто какой-то пародией, нелепой карикатурой. И теперь весь ужас ситуации в том, что по его милости она чувствовала себя последней дурой, потому что вела себя по-идиотски. Нельзя сбросить со счетов и тетю Луизу. Билли Фосетт – ее давнишний знакомый, он связывает ее с Джеком Форрестером и со счастливыми годами, проведенными в Индии. Рассказать ей все значило бы подорвать ее доверие и разрушить их дружбу. А Джудит, несмотря на все свои страдания, не могла поступить так жестоко.

К тому же тетя Луиза проявила во всей этой истории большой такт и великое терпение. Она не сказала Джудит ни слова, пока они не вернулись в Уиндиридж и не остались одни. Когда фильм закончился и поднявшаяся публика стоя прослушала скрипучую фонограмму «Боже, храни короля»³², они вышли гуськом на улицу, в холодный сумрак ветреного вечера, сели в «ровер» и поехали обратно в Пенмаррон. Билли Фосетт всю дорогу оживленно болтал, повторяя отрывки диалогов, вспоминая самые забавные моменты из фильма и насвистывая мотивы песен.

Надеваю свой цилиндр
И завязываю галстук...

Джудит смотрела ему в затылок и желала ему смерти. Когда они подъезжали к воротам Уиндириджа, он сказал:

– Высадите меня здесь, Луиза, дорогая, я дойду пешочком до дома. Спасибо, что довезли. Я отлично провел время.

– И мы тоже, Билли! Правда, Джудит? – (Автомобиль остановился, он открыл дверь и выбрался наружу.) – Спасибо за билеты и за угощение!

– Рад был доставить вам удовольствие, дорогая... До скорого, Джудит! – И он имел наглость просунуть голову в дверь и подмигнуть ей. Потом дверь захлопнулась, и он оставил их. А машина завернула в ворота, и они оказались дома.

Тетя Луиза не то чтобы была очень рассержена, скорее озадачена; она недоумевала, что за муха укусила племянницу.

³² «Боже, храни короля (королеву)» – государственный гимн Великобритании.

– Ты была точно не в своем уме. Я подумала, уж не забралась ли тебе за шиворот блоха или что-нибудь в этом роде. Скакала, будто больная виттовой пляской, теряла вещи, роняла что-то, а потом потревожила целый ряд ни в чем не повинных зрителей, которые просто хотели получить удовольствие от картины... А этот переполох, который ты учинила, требуя поменяться местами!.. Это просто черт знает что!

Ее возмущение было вполне понятно и законно. Джудит извинялась и пыталась оправдываться: мифическая заколка якобы была у нее самой любимой, выйти в уборную ей было, мол, совершенно необходимо, а ее желание поменяться местами объяснялось лишь тем, что она не хотела лишний раз перешагивать через ноги тети Луизы, да еще, не дай бог, ненароком поставить ей синяк. Предлагая поменяться местами, Джудит на самом деле думала только о том, чтобы тете было удобнее...

– Чтобы мне было удобно?! О небо! Мне это нравится, особенно если вспомнить ту пару, что сидела сзади, они грозились вызвать полицию!

– Они не стали бы вызывать полицию из-за такого пустяка...

– Не в этом дело. Ты поставила меня в крайне неловкое положение.

– Прости.

– И потом, я тоже была увлечена происходящим на экране. Вопреки моим ожиданиям, картина оказалась очень занятой.

– Мне она тоже очень понравилась, – солгала Джудит. На самом деле с той самой минуты, как рука Фосетта легла на ее колено, она не могла припомнить из фильма ни одного эпизода. Заметая следы, она добавила: – Со стороны полковника Фосетта было великодушно пригласить нас.

– Истинная правда. Бедняга Билли! Он не очень-то при деньгах. С такой, прямо скажем, скромной пенсией...

Получив нагоняй, Джудит с облегчением решила, что самое страшное позади. Сняв пальто и шляпу, тетя Луиза пошла налить себе порцию виски с содовой, а потом со стаканом в руке направилась в столовую, где Эдна оставила им холодную баранину с нарезанной ломтиками свеклой, что было, по ее мнению, идеальной закуской после поездки в кинотеатр.

Но Джудит не хотелось есть. Она смертельно устала. Поковырялась в тарелке и выпила немного воды.

– Ты не заболела? – спросила тетя Луиза. – Ты мертвецки бледна. Должно быть, переволновалась. Почему бы тебе не лечь в постель?

– Если ты не возражаешь...

– Ничуть.

– Я очень сожалею обо всем, что произошло.

– Не будем больше об этом.

Теперь, вспоминая тот разговор, Джудит знала, что тетя не нарушит вчерашнего обещания. Это было большим облегчением, и все же на душе у нее скребли кошки. Мало того что несчастная – она чувствовала на себе грязь: все тело зудело, а одежда как будто мешала и стесняла ее. Не говоря о том, что она была осквернена мерзкими прикосновениями Билли Фосетта, ей казалось, что в ее тело впитались спертый, тяжелый дух маленького, битком набитого кинотеатра и вонь уборной, куда она сбегала, спасаясь от его пронзительных пальцев. Волосы отвратительно пропахли табачным дымом. Вчера вечером она была слишком измучена, чтобы принять ванну, поэтому надумала сделать это сейчас. Приняв решение, она откинула мятые простыни, отправилась в ванную, включила краны на полную мощность.

С удовольствием погружившись в полную ванну обжигающе горячей воды, Джудит намылила каждый дюйм своего тела и вымыла голову. Вытершись, припудрив кожу гигиеническим тальком и почистив зубы, она почувствовала себя несравненно лучше. Вернувшись в комнату, отшвырнула свою вчерашнюю одежду в угол, откуда ее рано или поздно уберет Хильда, и

достала чистую. Свежее нижнее белье, чулки и безукоризненно отглаженную рубашку, другую юбку и серовато-розовый пуловер. Высушила полотенцем и зачесала назад волосы, надела туфли и спустилась вниз.

Тетя Луиза сидела за столом, намазывая тосты маслом и попивая кофе. Она уже оделась для предстоящей игры в гольф: на ней были твидовые брюки и джемпер на пуговицах, надетый поверх мужской рубашки. Зафиксированная сеткой для волос прическа выглядела безупречно. Она подняла глаза на Джудит.

– Я уж думала, что ты решила отоспаться и не спустишься сегодня к завтраку.

– Извини, я захотела принять ванну.

– Я сделала это еще вчера вечером. После кинотеатра всегда почему-то остается ощущение замаранности.

Судя по всему, вчерашние выходки Джудит были прощены и забыты. Накануне гольфа тетя Луиза находилась в приподнятом настроении.

– Как тебе спалось? Видела во сне Фреда Астера?

– Нет... Нет, не видела.

– Мне больше всего понравился актер, который притворялся священником. – (Джудит положила себе яичницы с грудинкой и села.) – Как он пытался строить из себя англичанина – это было просто уморительно!

– Во сколько начинается твоя игра?

– Мы договорились встретиться в десять. Начнем, вероятно, в половине одиннадцатого. А что ты думаешь делать? – Луиза посмотрела в окно. – Похоже, сегодня будет прекрасный день. Съездишь куда-нибудь на велосипеде или хочешь заняться чем-нибудь другим?

– Нет. Я думаю все-таки прокатиться до Веглоса и насобирать тебе примул.

– Я скажу Эдне, чтобы она приготовила тебе сэндвич в дорогу. Ну и, может, еще яблоко и бутылку имбирного лимонада. Они с Хильдой уезжают на день рождения своей тетушки в половине одиннадцатого. Кузен приедет за ними на машине. Забавно, никогда не знала, что у них есть кузен с машиной. И будь добра, подожди, пока они уедут. Тогда ты сможешь взять себе ключ от черного хода. Я возьму ключ от парадного, так что мы не будем зависеть друг от друга. И надо проверить, чтобы все окна была закрыты на защелки, мало ли что. В былые времена у меня даже мысли не возникало о том, чтобы запирать двери, но вот ограбили же миссис Батерзби!.. Береженого Бог бережет. И возьми-ка с собой плащ – на случай дождя. Возвращайся домой засветло.

– Конечно, ведь у меня нет фонарей на велосипеде.

– Как мы сгруппили! Надо было позаботиться об этом сразу же, когда покупали велосипед. – Луиза налила себе вторую чашку кофе. – Ну ладно, обо всем договорились. – Она встала и направилась со своей чашкой в кухню, чтобы дать Эдне распоряжения насчет закуски в дорогу для Джудит.

Спустя какое-то время она, в грубых башмаках и берете, надежно заперла парадную дверь на ключ, положила свои ключики на заднее сиденье «ровера» и отбыла в гольф-клуб. Проводив ее, Джудит вернулась в дом через кухню.

Эдна и Хильда по случаю предстоящего торжества были разодеты во все самое лучшее: на Хильде – бежевое пальто и широкополая шляпа, а Эдна – в своем выходном костюме и лиловом берете с брошкой. Из двух сестер Джудит особенно недолюбливала Эдну, которая вечно жаловалась на уставшие больные ноги и обладала поразительной способностью находить плохую сторону решительно во всем. Легче было выжать воду из камня, чем заставить ее рассмеяться. И все-таки сердце у нее было доброе – еда для Джудит была уже собрана и упакована в маленький рюкзачок, который дожидался ее на кухонном столе.

– Огромное спасибо, Эдна! Надеюсь, я доставила тебе не слишком много хлопот.

– Ерунда, я управилась за минуту. Сэндвич просто с мясным паштетом. Мадам говорит, что ты возьмешь ключ от черного хода. Когда вернешься, оставь для нас дверь открытой. Мы будем дома около девяти.

– Вот это да! Какой долгий день рождения!

– Нет, просто после застолья на наши плечи ляжет вся уборка.

– Уверена, там будет очень весело.

– Хотелось бы верить, – хмуро проговорила Эдна.

– Не раскисай, Эдна! – подала голос Хильда. – Там же будут все-все! Не часто случается такое.

Но Эдна только покачала головой:

– Восемьдесят лет не шутка, как говорится. Бедная тетушка Лили не встает из своего кресла, лодыжки так распухли, что она едва может подняться на ноги. И она такая тяжеленная! Два человека надо, чтобы дотащить ее до уборной. По мне, лучше лежать на кладбище, чем дожить до такого состояния.

– Это не в нашей воле, – заметила Хильда. – И все-таки она до сих пор сохранила свой веселый нрав. Помнишь, как она чуть не лопнула со смеху, когда ее старая коза сжевала все белье, которое миссис Дэниел вывесила сушиться на веревке...

Их спор, который мог продолжаться до бесконечности, прервал приехавший на машине кузен. Сестры засуетились, словно пара всполошившихся куриц, стали проверять, не забыто ли чего: сумки, зонты, испеченный ими торт, завернутый в газету букет желтых нарциссов.

– До завтра!

– Желаю хорошо повеселиться!

Джудит смотрела, как они, возбужденно кудахтая, забрались в старую развалину на колесах и поехали. Она махала им вслед, и они тоже ей махали, пока машина, извергая облака черного дыма, не скрылась из виду.

Она осталась одна.

И Билли Фосетт знал, что она одна. Он притаился в своем коттедже чуть дальше по дороге, и это означало, что нельзя мешкать, нет времени прохлаждаться. Джудит сняла свой плащ с крючка в гардеробной, свернула его и пихнула в рюкзак с едой. Повесив его на плечо, вышла через черный ход и с торжественной, медлительной тщательностью заперла дверь, а громадный ключ, придя в гараж, положила в велосипедную сумочку с гаечными ключами. Затем вывела велосипед на гравий, осмотрелась по сторонам и, убедившись, что Билли Фосетта поблизости не видно, вскочила в седло и помчалась прочь.

Она покидала Уиндиридж, словно убегая от страшной опасности – быстро и украдкой. И самое ужасное, что теперь так будет всегда, раз Билли Фосетт живет у них под боком.

Возвышенность Веглос в четырех милях от Пенмаррона была, несмотря на скромную высоту, заметным ориентиром и местной достопримечательностью. Узкие тропинки поднимались на вершину и тянулись вдоль склонов, а вокруг раскинулись вересковые пустоши, кое-где попадались маленькие фермы, рос боярышник и виднелись рощицы чахлых дубков, искривленных постоянным натиском ветра. На плоской вершине Веглоса, которую опоясывала сложенная насухо каменная стена, возвышались груды гранитных валунов, наваленных друг на друга в виде пирамид, – памятники доисторических времен. Внизу склоны были покрыты густыми зарослями ежевики, папоротника-орляка и утесника, сквозь которые бежали извилистые дернистые тропки. Здесь в изобилии росли полевые цветы: вереск, чистотел и первоцвет, а канавы летом зарастали крупными стеблями наперстянки с ее трубчатыми венчиками.

Это древнее место было окутано тайной. На верхних склонах сохранились останки поселений каменного века – круги из отдельно стоящих каменных глыб. В дождливый день, когда все вокруг застилал туман с моря, а со стороны деревни Пендин доносился сквозь мглу вой корабельных сирен, нетрудно было поверить, что души тех низкорослых, смуглых людей, что

воздвигли эти сооружения, все еще обитают на Веглосе и невидимо следят за пришельцами, осмелившимися нарушить их покой.

Когда Данбары жили в Ривервью-хаусе, они иногда совершали путешествия на Веглос – весной или в сентябре, когда поспевала ежевика. Такой пикник всегда занимал целый день, и, поскольку короткие ножки Джесс вряд ли одолели бы расстояние до холма, Молли заставляла себя сесть за руль маленького «остина». Филлис неизменно сопровождала их, и все, даже маленькая Джесс, несли с собой сумки с провизией.

Эти дни запечатлелись в памяти Джудит как особенно счастливые.

Но сейчас она впервые приехала сюда на велосипеде, и это была изнурительная поездка – большую часть пути пришлось подниматься в гору. Но в конце концов она въехала внутрь каменной стены, окружавшей верхнюю часть возвышенности, и оказалась перед тропинкой, взбирающейся на вершинное плато. Пробраться к тропинке можно было, только карабкаясь по сланцевым уступам, то есть на велосипеде тут было уже не проехать, так что она, оставив его лежать в кустах утесника и ежевики, повесила на плечо свой рюкзачок и начала долгое пешее восхождение.

День был холодный, но солнечный, по бледному небу плыли облака, горизонт застилал легкий морской туман. Дерн приятно пружинил под ногами, и время от времени Джудит останавливалась, чтобы перевести дух и окинуть взглядом открывающееся перед ней, словно на карте, сельское раздолье с безграничным морем: к северу тянулась изогнутая кромка берега с маяком вдаль, на юге поблескивали в дымке залив Маунт и Ла-Манш.

Наконец Джудит добралась до плато, образующего вершину Веглоса; перед ней возвышалась одна из каменных «пирамид». Теперь остался последний подъем – по отлогой полуразрушенной стене. Выискивая в камне выемки, за которые можно было держаться пальцами, ставя ноги на выступы, она карабкалась вверх через заросшие колючками ложбины и вскоре, бросая вызов ветру, очутилась на вершине. Весь мир расстился у нее под ногами.

Было уже за полдень; она присела на корточки, укрываясь от ветра за пожелтевшим от лишайника валуном, теплое солнце ласкало ей щеки. В этом тихом и уединенном месте только дыхание ветра да птичий гомон составляли компанию Джудит. Гордая тем, что преодолела все препятствия и достигла цели, Джудит позволила себе расслабиться и разглядеть детали раскинувшегося перед ней ландшафта: радующее глаз лоскутное покрывало полей; небольшие фермы, уменьшенные расстоянием до игрушечных размеров; идущий за плугом пахарь со своей лошадей и выющаяся над ними туча белых чаек. Полуостров Лизард тонул в блеклом сиянии, зато можно было различить вдаль бледные очертания Пензанса – церковную колокольню и купол здания банка. Морской берег за Пензансом терялся из виду. Джудит подумала о той дороге, что тянулась вдоль прибрежных скал к Роузмаллиону и Нанчерроу; подумала о Лавди – интересно, чем она занимается сегодня; подумала о Диане.

И ей захотелось, чтобы Диана была сейчас здесь, сидела подле нее. Одна только Диана, и никто больше. Лишь ей Джудит могла бы открыться – рассказать о Билли Фосетте, попросить совета. Спросить, что же все-таки ей делать. Ведь даже на вершине Веглоса Билли Фосетт был у нее за спиной, преследовал ее, черным вороном гнезился в ее мыслях. Можно крутить педали и шагать до тех пор, пока не упадешь от изнеможения, но даже это не поможет унять грызущие душу страхи и тревожные мысли, что безостановочно, бесплодно вертятся в мозгу.

Хуже всего то, что не с кем поделиться. Все утро Джудит бессознательно перебирала всех близких ей людей в поисках того, кому бы могла поведать свою страшную тайну, но так никого и не нашла.

Мама? Исключено. Она на другом краю света, а если бы и была здесь, в Ривервью... Джудит понимала, что ее мать по природе слишком чиста, слишком ранима, чтобы взвалить на ее плечи такой страшный груз. Она будет шокирована, впадет, как обычно, в истерику, и из всего этого выйдет больше вреда, чем пользы.

Филлис? Но она работает теперь у миссис Бесингтон в Порткеррисе, а Джудит не знала, где живет миссис Бесингтон, да и с трудом могла представить, как это позвонить в дверь и сказать незнакомой женщине, что ей нужно поговорить с ее прислугой.

Может, тетя Бидди? Она выслушает ее, вероятно, приснет со смеху, а потом вознегодует, свяжется с тетей Луизой и устроит скандал. Отношения между двумя тетками Джудит, такими разными, никогда не отличались теплотой, и, открывшись тете Бидди, она только подлила бы масла в огонь; об их неизбежной ссоре и о том, как все это сказалось бы в будущем, страшно было и подумать.

Хетер? Или Лавди? Но они обе еще младше Джудит и в такой же степени неискушенны. Они лишь уставятся на нее во все глаза, разинув рот от удивления, или будут хихикать, или станут задавать массу вопросов, на которые нет ответа; все это будет только пустой тратой времени.

Не было никого, кто мог бы помочь, и ничего другого не оставалось, как решать проблему самой. Всеми правдами и неправдами, но ей придется защищаться в одиночку. И если ее худшие опасения подтвердятся, если по какой-нибудь невообразимой причине тетя Луиза потеряет рассудок и, поверив лживым речам Билли Фосетта, согласится выйти за него замуж, то Джудит не останется в Уиндиридже – она переедет в Плимут к тете Бидди. Пока Фосетт обитает у себя в коттедже дальше по дороге, это еще терпимо, она все-таки сможет не подпускать его к себе. Но при первом же намеке на то, что тетя Луиза собирается стать миссис Фосетт и отдать Уиндиридж в распоряжение полковника, Джудит начнет собирать вещи.

Итак, какой-никакой выход все же найден. С невеселой решимостью она попыталась забыть о неприятностях и настроиться на более веселый лад. Какое-то время ушло на то, чтобы обследовать все «пирамиды», потом она подкрепилась и передохнула, сидя на слабо пригревающем солнце, пока его не закрыли облака и не похолодало. Тогда она собрала рюкзак и направилась вниз по склону туда, где в дернистых лощинах в изобилии рос первоцвет, и стала рвать цветы, перевязывая букеты шерстяными нитками, пока охапка стеблей не перестала помещаться в руке. От ползания на корточках у нее одеревенели спина и ноги. Закончив третий букет, она встала и, морщась от покалывающей боли, потянулась всем телом, от затекших плеч и до коленей. Посмотрев на небо, Джудит увидела, что с запада надвигаются темные тучи, и поняла, что в скором времени польет дождь. Самое время поспешить домой. Она открыла рюкзак, вынула оттуда дождевик и надела его, а цветы положила внутрь, поверх остатков еды; потом застегнула ремешки, закинула рюкзак за спину и побежала по тропинке вниз по склону, пока не добралась до места, где лежал наполовину скрытый кустами велосипед.

Она была еще на полпути к деревне, когда небо окрасилось в цвет гранита и хлынул дождь. Настоящий ливень, он начался не постепенно, а обрушился внезапной лавиной, и в считанные секунды Джудит вымокла до нитки. Но ей все было нипочем. На самом деле как-то даже весело мчаться сквозь дождь, хлещущий в лицо и каплями стекающий с волос по затылку, отважно рассекать колесами лужи. Вверх по склону (слишком круто для велосипеда, пришлось идти пешком), затем через деревню и далее по шоссе. Мимо нее проносились автомобили, прогрохотал в сторону Порткерриса автобус, за его затуманенными стеклами размыто вырисовывались лица пассажиров. Вдобавок к холоду вместе с дождем поднялся резкий ветер, но, несмотря на заочневшие руки, тело Джудит пылало от возбуждения и физического напряжения.

Вот наконец и Уиндиридж. Она заехала в ворота и стала подниматься по дорожке через сад. Поставив мокрый велосипед в гараже, достала из сумочки для инструментов ключ от заднего входа и поспешила к дому. Сейчас примет горячую ванну, повесит мокрую одежду сушиться в кухне и приготовит себе чаю.

Славно оказаться в доме, под крышей. В кухне тепло и без Эдны с Хильдой очень тихо. Только тикают старые часы на стене, да гудит в трубе горящий уголь. Джудит сняла мокрый

плащ и бросила его на стул, потом нашла пустые банки из-под джема, налила туда воды и поставила в них букеты первоцвета, чтобы они напитались влагой и оправились от переезда. Оставив банки с цветами и рюкзак на кухонном столе, она вышла из кухни в холл и стала подниматься по лестнице.

В это время зазвонил телефон, стоявший на комодике в холле. Она вернулась и взяла трубку, но не успела вымолвить ни слова, как с ней заговорили:

– Джудит?

Она похолодела.

– Джудит, ты слышишь? Это Билли Фосетт. Я все высматривал тебя и увидел, как ты вернулась. Немного волновался о тебе – такая погода... Подумал, надо проверить, как ты там... – У него слегка заплетался язык: видно, он уже успел как следует приложиться к бутылке с виски. – Забегу, и мы выпьем с тобой чайку. – (Она почти перестала дышать.) – Джудит? Ты меня слышишь?..

Джудит осторожно опустила трубку на рычаг. Она стояла не шелохнувшись, со спокойствием отчаяния, в голове было совершенно пусто. Билли Фосетт вышел на охоту... Но с ней все будет в порядке. Слава богу, дорогая, любимая тетя Луиза заперла парадную дверь и все окна первого этажа. Остался только черный ход...

Она бросилась тем же путем, каким пришла, в кухню, потом в судомойню; достала ключ, плотно прикрыла дверь и заперла ее изнутри. Хорошо смазанный старый механизм надежно защелкнулся. За первый этаж теперь можно не волноваться. А второй?.. Она побежала обратно в холл и кинулась вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки разом, – нельзя терять ни секунды. Прошлой ночью, в ее сновидении, он вооружился лестницей и взобрался к ее открытому окну. Жуткие образы сновидения снова воскресли у нее в сознании: на фоне ночного неба возникают его голова и плечи, появляется желтозубая улыбка и колючие глаза...

Окна в спальнях и на лестничной площадке стояли открытыми. Джудит бегала из комнаты в комнату, закрывая и запирая каждое на щеколду. Последней была комната тети Луизы, и, лихорадочно копошась с задвижкой, она увидела сквозь пелену дождя, как в воротах сада показался Билли Фосетт в мокром макинтоше и быстрым шагом направился по гравийной дорожке. Джудит бросилась плашмя на пол и, перекатываясь по ковру, как бревно, забилась в тесную, душную тьму под тетиной огромной двуспальной кроватью из красного дерева.

Сердце выскакивало из груди, и ей трудно было дышать.

«Высматривал тебя. Увидел, как ты вернулась». Она представила, как он сидит у своего окна, со стаканом виски, а может, и с биноклем, как будто дежурит в форту на границе, готовый пристрелить любого афганца, который попадетс ему в поле зрения. Он караулил и ждал. И был вознагражден за свое терпеливое ожидание. Он знал, что она совершенно одна.

Сквозь шум дождя она слышала, как он шагает по гравии. Кулаком стучит в парадную дверь. Потом загремел звонок в кухне – резкий звук прокатился по пустому дому. Она лежала не шелохнувшись.

– Джудит, я же знаю, что ты там!

Вдруг она вспомнила о всегда открытом маленьком окошке в кладовой и в ужасе зажала кулаком рот. Но здравый смысл пришел ей на помощь; только крошечный младенец мог бы протиснуться в это окошко, не говоря уже о том, что на нем была натянута тонкая проволочная сетка от ос и мух.

Его шаги стали удаляться, протопали вдоль боковой стены дома и стихли где-то в отдалении. Наверно, он намеревался попытать удачи с черного хода. Джудит вспомнила крепкий тюремный замок и воспрянула духом.

Она тихо лежала и прислушивалась, ее слух стал острым, как у сторожевого пса. Тишину нарушали только барабанный стук дождя и вкрадчивое тиканье настольных часов тети Луизы.

Тик-тик-тик – скороговоркой шептали часы. Она ждала. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем снова стали различимы его шаги – он возвратился к парадному входу.

– Джудит! – рывкнуло под самым окном, и она чуть не подскочила от испуга. Ясно было, что он, промокший и разочарованный, начал терять самообладание и уже сбросил маску вежливости и дружелюбия.

– Что за игру ты тут затеяла?! Очень грубую игру, черт подери! Спускайся ипусти меня!..

Она не двинулась с места.

– Джудит!

Он возобновил атаку на парадную дверь, замолотил по крепкому дереву с исступлением буйнопомешанного. Потом в кухне опять неистово загремел звонок.

Наконец звон умолк. Установилась долгая тишина. Ветер жалобно выл, толкаясь в окна, заставляя дребезжать рамы. И Джудит благодарила этот ветер и дождь, что лил не ослабевая, ибо не мог же Фосетт, ничего не добившись, стоять там вечно и мокнуть. Без всякого сомнения, долго он не выдержит, признает свое поражение и уберется восвояси.

– Джудит!

Теперь это был уже рыдающий вопль. Последняя печальная, безнадежная мольба. Он терял надежду. Она не отвечала. Потом она услышала, как он произнес – чересчур громко для человека, разговаривающего с самим собой: «Ах, чтоб тебя... твою мать!» – немного потоптался на месте, а потом двинулся по дорожке к воротам.

Наконец-то он уходил. Оставил ее в покое.

Она подождала, пока шаги почти совсем затихли, вылезла из своего укрытия, подползла к окну и, прячась за занавесками тети Луизы, как можно быстрее и осторожнее выглянула наружу. Он был уже за воротами, и поверх живой изгороди виднелась его макушка; топал понуро к своему коттеджу.

Через мгновение он исчез. От облегчения Джудит вмиг ослабела, словно сдувшийся воздушный шарик, повисший сморщенным, потерявшим упругость клочком цветной резины. Колени у нее подогнулись, она осела на пол и какое-то время оставалась в этой позе. Она победила в схватке, но это была горькая победа, доставшаяся такой дорогой ценой: Джудит была слишком измучена и напугана, чтобы торжествовать. Вдобавок еще и замерзла. Она так и не успела обсохнуть после своей велосипедной поездки под проливным дождем и вся дрожала от озноба, но у нее не было сил, чтобы подняться на ноги, добраться до ванной, вставить пробку и открыть горячий кран.

Он ушел. Внезапно ее лицо сморщилось, как у несчастного ребенка. Она прислонилась лбом к твердой, полированной боковой стенке туалетного столика тети Луизы, и слезы беззвучно потекли ручьями по ее щекам.

На следующее утро тетя Луиза отвезла Джудит назад в «Святую Урсулу». Кончились короткие каникулы, и она снова облачилась в свою школьную форму.

– Надеюсь, ты весело провела время.

– Да, замечательно, спасибо.

– Как неудачно сложилось, что мне пришлось оставить тебя в воскресенье. Но я знаю, что ты не из тех детей, кому вечно нужна нянька. И молодец. Терпеть не могу этих избалованных неженков. Жалко, что ничего не вышло с Хетер Уоррен, но мы придумаем что-нибудь во время пасхальных каникул.

Меньше всего Джудит хотела думать сейчас о пасхальных каникулах. Она сказала:

– Мне очень понравился велосипед.

– Я присмотрю за ним в твое отсутствие.

Джудит не знала, что еще сказать: велосипед был единственной отрадой за все выходные, и теперь она хотела только одного – поскорее вернуться к заведенному ритму жизни, к привычной учебной рутине, в знакомую школьную обстановку.

Единственное, о чем Джудит искренне сожалела, так это о том, что не навестила мистера Уиллиса. Сегодня утром у нее было свободное время, но она нашла разные предлоги, чтобы не ехать, и упустила эту возможность. Нельзя забывать старых друзей, она прекрасно это понимала, но Билли Фосетт и тут ухитрился все ей испортить.

Школа Св. Урсулы

8 марта 1936 г.

Дорогие мама и папа!

Я опять задержалась с ответом на целую неделю, потому что была у тети Луизы на коротких каникулах. Спасибо вам за письмо. Я очень хочу, чтобы вы написали о Сингапуре и о вашем новом доме на Орчард-роуд. Я уверена, что он просто прелесть и что вы быстро привыкнете к тамошней жаре и влажности. Забавно будет видеть вокруг себя желтые китайские лица вместо черных тамильских, как в Коломбо. А тебе, мама, к тому же больше не надо садиться за руль.

Погода во время каникул была не очень хорошая. Тетя Луиза купила мне велосипед – зеленый «рали». В воскресенье она играла в гольф с друзьями, а я взяла еду в дорогу и поехала на велосипеде на Веглос. Там уже вовсю распускается первоцвет. Я звонила Хетер, но мы не смогли встретиться, потому что она уезжала в Бодмин к своей бабушке.

Про выходные достаточно. Оставалось лишь то, о чем она написать не могла. Письмо, однако, получалось слишком короткое, и она старательно продолжила:

Очень здорово было вернуться в школу и снова увидеться с Лавди. Ее сестра Афина вернулась из Швейцарии и провела выходные в Нанчерроу. Она привезла с собой приятеля, но, по словам Лавди, этот молодой человек оказался ужасным занудой и в подметки не годится обходительному и милому Джереми Уэллсу.

Простите за такое короткое письмо, но мне нужно идти готовиться к тесту по истории.

С любовью,

Джудит.

Полли и Джон Ричардс, друзья и партнеры Луизы Форрестер по гольфу, были «военно-морской» четой, которая после выхода Джона в отставку сказала «прощай» Альверстоку с Ньютон-Феррарза и купила солидный каменный дом близ Хелстона с раскинувшимся на три акра садом и обширными служебными постройками. Отец Полли был удачливым пивоваром, и, очевидно, какая-то доля сколоченного им состояния перешла к ней, поскольку супруги жили на широкую ногу по сравнению с большинством своих вышедших на пенсию товарищей. Они могли позволить себе держать прислугу – отставного главного старшину и его жену с экзотическим именем Мейкпис, а также ежедневно приходящую домработницу и штатного садовника – сурового молчуна, который работал от зари до зари, а на ночь, убрав инструмент, скрывался, как барсук в норе, в своем домике за оранжереями.

Освобожденные от хозяйственных забот, Ричардсы могли предаваться насыщенной, активной «светской» жизни. Они держали собственную яхту в Сент-Мозе, и летние месяцы целиком посвящали плаванию под парусом в прибрежных водах южного Корнуолла и участию в различных регатах. В течение всего года к ним приезжали погостить друзья, а в те дни, когда они не развлекались парусным спортом и не принимали гостей, Ричардсы направлялись на

поля и за карточные столы пенмарронского гольф-клуба. Там-то они и повстречались с Луизой и после многочисленных дружеских поединков на поле для гольфа стали ее хорошими знакомыми.

Полли позвонила Луизе по телефону. После недолгого обмена любезностями она перешла к делу.

– Сожалею, что не смогла пригласить вас загодя, но не могли бы вы приехать к нам завтра вечером на партию бриджа?.. Да, верно, среда, двадцать второе.

Луиза справилась со своим настольным календарем-ежедневником. Если не считать назначенного визита к парикмахеру, день свободен.

– Как любезно, с превеликим удовольствием!

– Отлично! У нас гостит старый приятель Джона, он ждет не дожидается хорошего бриджа. Сможете быть у нас к шести? Это немножко рановато, но тогда мы сможем сыграть партию перед ужином, и вам не придется возвращаться домой слишком поздно. Пока до нас доберешься – всю задницу себе отобьешь! – Неразборчивость Полли в выражениях давала себя знать и на поприще парусного спорта, где она прославилась своими потоками брани, которые разносились по всей округе, когда их яхту, скользившую по серой ряби Фалмутского залива, несло ветром напрямик на какой-нибудь бакен.

– Пусть вас это не беспокоит. Удовольствие того стоит.

– Тогда до завтра. – И без дальнейших разговоров Полли положила трубку.

Дорога действительно была долгая, но Луиза знала, что ее усилия не пропадут даром, и ожидания оправдались с лихвой. Чудесный вечер. Друг Джона Ричардса был генералом морской пехоты, красивым мужчиной с ироническим складом ума и интересным рассказчиком. Бокалы только успевали наполняться. Еда и вино были отменными. К тому же Луизе весь вечер выпадали хорошие карты, и разыгрывала она их безупречно. Когда была сыграна последняя партия и подведен итог, небольшие денежные суммы перешли из одних рук в другие. Луиза достала свой кошелек и положила туда выигрыш. Часы на каминной полке пробили десять, она защелкнула застежку сумочки и объявила, что ей пора собираться домой. Ее умоляли остаться, сыграть еще партию, выпить «на дорожку», но она стойко преодолела все искушения.

В холле Джон помог ей надеть шубку и, после того как Луиза распрощалась со всеми, вышел с ней в темную, сырую ночь и усадил гостью в ее автомобиль.

– Луиза, вы уверены, что с вами все будет в порядке?

– Абсолютно.

– Тогда ведите машину осторожно.

– Огромное спасибо! Изумительный вечер.

Она поехала. Стеклоочистители ходили по стеклу взад-вперед, мокрая дорога впереди блестела в свете фар, подобно черному атласу. Она направилась через Маразион, в сторону Пензанса, а когда добралась до поворота, выводящего к автострате на Порткеррис, внезапно решила, что в такой ненастный вечер не стоит тратить время и ехать кружным путем, лучше направиться напрямик, по узкой проселочной дороге через вересковые пустоши. Это была неудобная, неровная дорога с неожиданными поворотами, крутыми подъемами и спусками. Зато Луиза хорошо знала ее и рассчитывала, что ей не будут мешать другие машины, да и путь сократится на пять миль.

Приняв это решение, она свернула не направо, а налево, потом повернула еще раз и повела машину вверх по крутому поросшему лесом склону, выходящему на безлесые возвышенности. В черном небе не видно было ни единой звезды.

Впереди по дороге, в четырех милях от Луизы и в том же направлении, двигался старый разбитый грузовик, за рулем которого сидел Джимми Джелкс. Он возвращался в Пендин. Отец его, Дик Джелкс, владел маленькой, нещадно эксплуатируемой фермой в тех краях, держал

свиней и кур, выращивал картофель и капусту брокколи; и двор его фермы, грязный и запущенный, своей неухоженностью славился по всей округе. Джимми шел двадцать второй год, он жил с родителями, для которых служил объектом всевозможных издевательств и жестоких шуток, но поскольку у него не хватало ни мозгов, ни образования, то было маловероятно, что ему когда-либо удастся вырваться из родительского дома.

Сегодня, сразу после полудня, он выехал в Пензанс, чтобы продать на рынке партию брокколи. Предполагалось, что он вернется сразу же, как реализует весь товар, но папаша пребывал в дрянном настроении, поэтому Джимми всеми силами старался оттянуть время возвращения и, ощупывая в кармане выручку, бродил по рынку, останавливаясь потрепаться с каждым, у кого была на то охота. В конце концов, томясь от одиночества, он не устоял перед соблазном и зашел в маняще открытую дверь «Головы сарацина», да так и остался там до самого закрытия.

Он ехал неторопливо. Старый грузовик сотрясался и дребезжал. Дик Джелкс купил его у торговца углем, из четвертых рук, и с самого начала машина постоянно ломалась. Окна, стоило их открыть, отказывались закрываться, дверные ручки отваливались, крылья были покрыты налетом ржавчины, а решетка радиатора держалась лишь благодаря сноповязальному шпагату. Попытка завести двигатель каждый раз испытывала на прочность терпение и силу воли водителя, и эта процедура не обходилась без заводной ручки, невероятных физических усилий, а нередко и телесных повреждений, таких, как растяжение связки большого пальца или болезненный ушиб колена. Но даже когда двигатель с содроганием пробуждался к жизни, машина упрямо отказывалась переходить на скорость выше второй, часто перегревалась, прокалывала свои древние покрышки и давала обратную вспышку с таким оглушительным взрывом, что всякому, кто имел несчастье находиться в этот момент поблизости, грозил неминуемый инфаркт.

Сегодняшним вечером, простояв целый день под дождем, грузовик вел себя особенно по-свински. Передние фары, никогда не отличавшиеся особой яркостью, мерцали тускло, как две свечи, почти не освещая дорогу впереди. Двигатель то и дело заходил в кашлю, как чахоточный, и замирал, грозя заглохнуть совсем. Со скрежетом переваливаясь через заросшие вереском пустынные холмы, грузовик напрягал последние силы, а когда он с трудом выбрался по очередному крутому склону на ровную поверхность, двигатель наконец не выдержал и испустил дух. Фары погасли, мотор закашлялся в предсмертном приступе, и загнанные колеса встали как вкопанные.

Джимми рванул ручной тормоз и выругался. Снаружи было черным-черно, шел дождь. Тонким голоском подвывал ветер, вдали едва виднелся крошечный, как булавоочное острие, огонек какого-то дома, но Джимми понимал, что эта ферма слишком далеко и рассчитывать на помощь бессмысленно. Он поднял воротник куртки, достал заводную ручку, вылез на дорогу и, обойдя грузовик спереди, бросился в бой. Он уже крутил ручку добрых пять минут, успел ушибить голень и ободрать пальцы, когда истина наконец озарила его затуманенный спиртным мозг: аккумулятор сдох и проклятая развалина больше не сдвинется с места. Чуть не плача от бессильной ярости, он закинул заводную ручку обратно в кабину, хлопнул дверью и, засунув руки в карманы и втянув голову а плечи, пешком отправился под дождем в Пендин, до которого оставалось всего ничего – каких-то семь миль.

Луиза Форрестер пребывала в превосходном расположении духа. Она не жалела, что поехала коротким путем, ее радовали и трудность выбранного маршрута, и пустынность неосвещенной проселочной дороги – она на много миль вокруг была единственным человеком, которого занесло в эти глухие места в такое позднее время и в такую скверную погоду. Кроме того, она обожала водить машину, ее всегда возбуждало чувство, которое испытываешь, сидя за рулем мощного автомобиля.

Набирая скорость и чувствуя, как двигатель послушно откликается на ее приказы, она ощущала пробегающий по телу трепет и, не сбавляя скорости, с каким-то детским восторгом

вписывала «ровер» в крутые, неожиданные повороты. Она испытывала от всего этого блаженство. Ей пришел в голову мотив песни, но слов она не могла припомнить и сочинила пару строк сама.

От тебя прихожу я в восторг.
Мчусь, оставив всю жизнь позади...

«Странно, – подумала она, – я веду себя – как эта ветреница Бидди Сомервиль». Но вечер и в самом деле оказался удачным. И это веселое возвращение домой через безлюдные вересковые пустоши было достойным завершением дня. Пик, зенит. Луиза никогда не останавливалась на полпути, она не из таких женщин, ее девиз: все по максимуму!!

Дорога пошла под гору, спускаясь в неглубокую долину. Луиза переехала через каменный горбатый мостик на дне долины и стала снова подниматься в гору. Она перешла на третью скорость, и мощная машина, уставясь фарами почти вертикально в небо, с разбегу взяла высоту, словно лошадь на скачках с препятствиями.

Ее нога все еще давила на педаль акселератора. Она увидела брошенный грузовик с потушенными фарами, но лишь за какую-то долю секунды перед тем, как врезалась в него. Ночь разорвал страшный грохот, скрежет разодранного металла и звон разбитого стекла, но Луиза уже ничего этого не осознавала. Ее тело от сильного толчка вылетело из сиденья и ударилось в лобовое стекло. Впоследствии полицейский врач в своем заключении высказался в пользу того, что смерть миссис Форрестер была мгновенной.

Еще, наверно, с полминуты после столкновения все было относительно спокойно. Только осколки стекла продолжали сыпаться на обочину, и оторванный руль, вращаясь в воздухе, медленно падал вниз. Никто не стал очевидцем катастрофы, случившейся той темной, дождливой ночью в пустынном месте, и некому было послать за помощью или оказать ее. Два разбитых автомобиля, тесно прижавшись друг к другу, словно пара спаривающихся собак, превратились в сплошную грудку безжизненного, искореженного железа, в которой уже трудно было различить контуры «ровера» и грузовика Джелксов.

А потом, с ошеломляющей внезапностью и с тяжелым ударом, который прокатился в ночи подобно раскату грома, бензобак «ровера» взорвался, и темное небо озарилось кровавыми отсветами. Похожий на сигнальный костер столб пламени осветил все вокруг, и черное облако зловонного дыма взвилось, отравляя душистый, влажный воздух смрадом горячей резины.

Диэдри Лидингем открыла дверь библиотеки и проговорила:

– А, так вот ты где...

Джудит подняла глаза от страницы. Это было днем в четверг, у Джудит выдалось немного свободного времени, и она пошла в библиотеку, чтобы почитать что-нибудь для заданного по литературе сочинения об Элизабет Браунинг³³. Однако ее внимание отвлек последний выпуск «Иллюстрированных лондонских известий», которые регулярно доставлялись в «Святую Урсулу»: мисс Катто считала этот журнал познавательным и полезным для своих учениц. Помимо новостей, он затрагивал самые разнообразные предметы – тут соседствовали археология, садоводство и статьи о природе, описывающие образ жизни странных ползающих по деревьям животных или птиц с невообразимыми названиями типа «малый полосатохвостый веретенник». Зоология, однако, не привлекала Джудит – она погрузилась в наводящий на грустные мысли рассказ о возникновении и развитии в Германии нацистской молодежной организации «гитлерюгенд». Это движение, похоже, ничуть не напоминало бойскаутов, которые занимались

³³ Браунинг Элизабет (1806–1861) – английская поэтесса.

совершенно безобидными вещами: ставили палатки, разжигали костры и пели хором «Под раскидистым каштаном». Немецкие юнцы в шортах и армейских пилотках, в нарукавных повязках со свастикой казались настоящими солдатами. Их мероприятия производили впечатление помпезных военных смотров, а одна из фотографий, запечатлевшая группу красивых светловолосых подростков, показалась Джудит особенно злобещей: им бы играть в крикет или в футбол, лазать по деревьям, а они вместо этого маршируют с суровыми лицами, вымуштрованные не хуже, чем подразделение регулярных войск. Она попыталась представить себе, как такой отряд проходит гусиным шагом по Маркет-Джу-стрит, и ее передернуло от отвращения и ужаса. И все же на лицах толпы, собравшейся посмотреть на важно вышагивающих мальчишек, светились гордость и торжество. Вероятно, все это было по душе простому люду Германии...

– ...Я тебя обыскала.

Джудит закрыла «Иллюстрированные лондонские известия».

– Что случилось? – спросила она.

По мере того как проходили недели триместра и школьная рутина становилась привычной, как обычаи родного дома, в Джудит росла уверенность в себе и она уже не так благоговела перед Диэдри Лидингем. Под влиянием Лавди, которая не признавала авторитетов, Джудит решила, что задавака Диэдри нередко просто смешна. Как любила повторять Лавди, Диэдри такая же ученица, как все остальные, несмотря на свой начальственный видок, знаки отличия и мощный бюст.

– В чем дело? – повторила Джудит.

– Мисс Катто попросила тебя зайти к ней в кабинет.

– А что случилось?

– Понятия не имею. Однако не стоит заставлять ее ждать.

После той памятной беседы с директрисой Джудит уже не боялась мисс Катто. Она сложила книги, завинтила колпачок авторучки и прошла в уборную, чтобы помыть руки и привести в порядок прическу. Со смутной тревогой на душе она постучала в дверь директорского кабинета.

– Войдите.

Как и тогда, директриса сидела у себя за столом. Сегодня, правда, был серый, пасмурный день, а на столе в вазе теперь стоял не первоцвет, а анемоны. Джудит обожала анемоны: розовые, лиловые и цвета морской волны – все «холодные» цвета спектра.

– Джудит.

– Диэдри сказала, вы хотели меня видеть.

– Да, моя милая. Входи и садись.

Стул уже был приготовлен для нее. Джудит присела напротив мисс Катто. Никакой непринужденной беседы о пустяках на этот раз не ожидалось. Мисс Катто перешла прямо к делу.

– Причина, по которой я тебя вызвала, не имеет никакого отношения ни к занятиям, ни к школе. Дело совсем иного рода. Боюсь, это будет для тебя ударом, поэтому хочу, чтобы ты приготовилась к тому, что я должна тебе сообщить. Дело в том, что... твоя тетя Луиза...

Джудит перестала слушать. Она с первых же слов поняла, что именно собирается сказать ей мисс Катто. Тетя Луиза выходит замуж за Билли Фосетта. Ее ладони похолодели и стали влажными, и она ощутила, как кровь отхлынула от лица. Кошмар становился явью. Случилось то, чего она боялась больше всего...

Мисс Катто продолжала говорить. Джудит попыталась сосредоточиться на том, что говорит директриса. Что-то насчет прошлого вечера.

– ...Ехала домой на машине, около одиннадцати часов... была совершенно одна... вокруг ни души...

Девочка все поняла. Мисс Катто говорила о тете Луизе и о ее машине. Билли Фосетт оказался ни при чем. Губы Джудит разомкнулись, испуская вздох облегчения, и она ощутила, что на лицо вернулась краска и щеки запыхали почти неприличным румянцем.

– ...Несчастный случай. Это было действительно страшное столкновение.

Мисс Катто остановилась, Джудит взглянула на нее и заметила на ее спокойном лице озадаченное и обеспокоенное выражение.

– Джудит, ты хорошо себя чувствуешь?

Она кивнула.

– Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она снова кивнула. Тетя Луиза попала в автомобильную аварию. Вот в чем суть. Тетя Луиза, она всегда несется как ветер, обгоняет на поворотах, и овцы с курами бросаются враспынную от гудка ее клаксона. Но на этот раз, видно, удача ей изменила.

– Но с ней ведь все в порядке, да, мисс Катто? – Наверно, тетя Луиза в местной больнице, с забинтованной головой и рукой в гипсе. Только и всего. Небольшая травма. – Она в порядке?

– Ах, Джудит, нет! К сожалению, нет. Это был несчастный случай со смертельным исходом. Мгновенная смерть.

Джудит уставилась на мисс Катто, не веря ее словам, не в силах допустить, что такая страшная, непоправимая вещь может быть правдой. Но когда увидела в глазах мисс Катто боль и сострадание, то поняла, что все так и есть.

– Вот что я должна была сообщить тебе, милая. Твоя тетя Луиза погибла.

Погибла. Какое ужасное слово. Как последнее «тик-так» остановившихся часов, как быстрый «щелк» ножниц, разрезающих нить.

Тетя Луиза.

Джудит услышала собственный глубокий, судорожный вздох. Потом спросила, очень спокойно, просто желая знать:

– Как это произошло?

– Я же сказала: столкновение...

– Где?

– На старой дороге, что проходит через вересковые пустоши. Там стоял сломавшийся грузовик, водитель его бросил. Фары были потушены... темнота. Она врезалась в него сзади.

– Она ехала на очень большой скорости?

– Я не знаю.

– Она всегда была плохим водителем. Гоняла как сумасшедшая. Вечно шла на обгон.

– Я не знаю, но не исключено, что в случившемся не было ее вины.

– Кто ее обнаружил?

– Машины загорелись. Огонь увидели и оповестили полицию.

– Кто-нибудь еще погиб?

– Нет, твоя тетя была одна.

– Откуда она ехала?

– По-моему, возвращалась из гостей. От друзей, живущих в районе Хелстона.

– От капитана и миссис Ричардс. Она не раз играла с ними в гольф. – Джудит подумала о том, как тетя Луиза в темноте возвращалась на машине домой; сколько таких поездок она проделала в своей жизни – без счета... Девочка взглянула на мисс Катто. – Кто сообщил вам?

– Мистер Бейнс.

В голове у Джудит было совершенно пусто.

– Кто это?

– Адвокат из Пензанса, поверенный твоей тети. Полагаю, он также ведет дела твоей матери.

Она вспомнила мистера Бейнса.

– Мама уже знает о смерти тети Луизы?
– Мистер Бейнс послал твоему отцу телеграмму. Разумеется, он отправит вслед за телеграммой письмо с подробностями. И я тоже, конечно, напишу твоей маме.

– Что же будет с Эдной и Хильдой? – Впервые в голосе Джудит послышалось подлинное горе.

– Кто это такие?

– Кухарка и горничная тети Луизы. Они сестры. Прожили вместе с ней много лет... они будут так горевать...

– Да, боюсь, это действительно было для них тяжелым ударом. Они не обратили внимания на то, что твоя тетя не вернулась домой. Заподозрили неладное только утром, когда одна из них понесла хозяйке поднос с чаем и обнаружила, что постель нетронута.

– И как они поступили?

– Позвонили по телефону приходскому священнику, это было очень разумно с их стороны. А потом к ним явился местный констебль и сообщил плохие новости. Естественно, обе были глубоко потрясены, но решили пока остаться в доме твоей тети.

Думать о Хильде и Эдне, о том, как они, осиротевшие, в пустом доме пьют чай и утешают друг дружку, было почему-то горше всего. Без тети Луизы их жизнь потеряла смысл. Глупо было успокаивать себя тем, что они найдут другое место, ведь они не то что молодая, энергичная Филлис; мыслимо ли представить самостоятельное будущее пожилых, незамужних сестер? А если они не найдут другого места, где же они станут жить? Чем заниматься? Две сестры всегда были неразлучны. Они не смогут жить порознь.

– Будут похороны? – спросила Джудит.

– Будут, конечно. В свое время.

– Я должна там быть?

– Только если сама захочешь. Но я думаю, ты должна присутствовать. И я, разумеется, пойду с тобой и буду все время рядом.

– Я никогда не бывала на похоронах.

Мисс Катто замолчала. Потом поднялась, вышла из-за стола, подошла к окну и встала там, закутавшись в свою черную мантию, словно в теплую шаль. Какое-то время она глядела в окно, на сырой, мглистый сад, в котором Джудит не находила ничего приятного для глаз и утешительного для души.

Мисс Катто, как выяснилось, того же мнения.

– Какой грустный день, – посетовала она, потом отвернулась от окна и улыбнулась. – Похороны – это часть смерти, так же как смерть – часть жизни. В твоём возрасте трудно смириться с этой безрадостной мыслью, но через это рано или поздно проходят все. И ты не должна чувствовать себя одинокой. Потому что я рядом с тобой, и ты можешь рассчитывать на мою поддержку. Тебе надо принять это как неизбежность. Ведь смерть действительно часть жизни, причем это единственная вещь в жизни, в которой не приходится сомневаться. Конечно, такие утешения звучат банально, когда трагедия случается с близким человеком и так неожиданно. И ты ведешь себя как очень храбрый и отзывчивый человек. Думаешь о других. Но не стоит таить горе в душе. Я знаю, что я твоя директриса, но сейчас я просто твой друг. Ты можешь поделиться со мной своими чувствами и мыслями. И не бойся плакать.

Но приносящие облегчение слезы почему-то не шли.

– Я в порядке.

– Умница. Знаешь, о чем я подумала? Я подумала: неплохо было бы нам выпить чаю. Хорошая мысль?

Джудит кивнула. Мисс Катто подошла к стене сбоку камина и нажала на звонок.

– Классическое средство против любой беды. Чашка вкусного, горячего чая. Понять не могу, почему я не подумала об этом раньше.

Она не стала возвращаться за стол, а расположилась в маленьком креслице у камина. Там уже все было готово для растопки, но огонь не разожжен; не говоря больше ни слова, мисс Катто взяла спички, наклонилась и подожгла скомканную газету и сухую лучину. Откинувшись на спинку кресла, она следила, как пламя занялось и языки его заплясали над горкой угля. Потом заговорила:

– Я лишь пару раз встречалась с твоей тетей, но она мне очень нравилась. В ней чувствовался здравый смысл. Ясный, бодрый ум. Это была личность в подлинном смысле слова. Я была за тебя спокойна, знала, что ты в надежных руках.

Беседа естественным образом коснулась жизненно важной темы. Джудит отвела взгляд к окну и постаралась, чтобы ее голос прозвучал как можно непринужденнее:

– Где я теперь буду жить?

– Это мы и должны решить.

– Есть тетя Бидди.

– Разумеется. Миссис Сомервиль, в Плимуте. Твоя мама рассказала мне о Сомервилях, и у меня есть их адрес и телефон. Видишь ли, Джудит, когда родители ребенка за границей, мы обязаны знать о всех близких родственниках. Иначе груз ответственности, которая ложится на наши плечи, будет совершенно непосильным.

– Тетя Бидди всегда говорила, что при желании я могу поехать к ней. Она уже знает о тете Луизе?

– Нет еще. Сначала я хотела поговорить с тобой. Но я ей непременно сообщу.

Раздался стук в дверь. Мисс Катто сказала: «Войдите», и в комнату заглянула одна из горничных.

– А, Эдит, спасибо. Не могла бы ты принести нам чаю? Две чашки и, пожалуй, немного печенья.

Девушка пообещала мигом управиться и закрыла дверь. Мисс Катто продолжила так, словно их не прерывали:

– Ты хотела бы ездить на каникулы к своей тете Бидди?

– Да, очень. Я люблю и ее, и дядю Боба. Они добрые и веселые. Но дело в том, что они не всегда будут в Плимуте. Рано или поздно они уедут из Кейхама, дядя Боб, может быть, снова пойдет служить на флот. Тетя Бидди собирается купить небольшой дом, у них никогда не было собственного угла...

Она умолкла.

– Есть ли кто-нибудь еще, кроме них?

– Есть еще миссис Уоррен. Хетер Уоррен была моей лучшей подругой в порткеррисской школе. Мистер Уоррен – хозяин бакалейной лавки, мама их очень любила. Я уверена, они разрешили бы мне пожить у них.

– Что же, значит, у нас уже есть выбор, – улыбнулась мисс Катто. – Мы все уладим. Не забывай, что ты окружена друзьями. Ага, вот и наш чай... Благодарю, Эдит, поставь на стол... Ну, Джудит, почему бы тебе не пересест с этого неудобного стула сюда, к огню?..

Итак, сказала себе Мьюриэл Катто, худшее позади, печальную весть она сообщила, и девочка как будто спокойно приняла ее, сохранив самообладание. Это был третий случай за время ее работы директрисой, когда она была вынуждена исполнять эту горькую обязанность – сообщать кому-то из воспитанниц о смерти близких, – и каждый раз при этом она чувствовала себя убийцей. Ибо в таких случаях вестник становится убийцей. Пока роковые слова не произнесены, любимый человек все еще жив – спит, просыпается утром, занимается своими делами, звонит по телефону, пишет письма, ходит на прогулки, дышит и видит. Он умирает только тогда, когда становится известно о его смерти.

С самого начала своей карьеры мисс Катто установила для себя строгие правила: беспристрастное отношение ко всем ученицам и никаких любимчиков. Однако Джудит, сама того не сознавая, смогла каким-то образом пробить брешь в этой системе, и мисс Катто, при всей ее суровой, деловой непредвзятости, никак не удавалось остаться равнодушной к обаянию этой девочки. Джудит хорошо прижилась в «Святой Урсуле» и пользовалась популярностью среди соучениц. Она ровно успевала по всем предметам и добивалась похвальных результатов в занятиях спортом. Связь с Кэри-Льюисами была дополнительным плюсом, и даже экономка не находила повода жаловаться на поведение Джудит.

И теперь вот такое. Удар, который мог нарушить душевное равновесие девочки и свести на нет все достигнутое. Сидя у себя за столом в ожидании прихода Джудит и сохраняя внешнюю невозмутимость, но с тревогой на душе, мисс Катто с ужасом поймала себя на мысли: лучше бы эта трагедия произошла с любой другой девочкой из ее школы, только не с Джудит.

Конечно, Джудит находилась в особых обстоятельствах – она была одинока, оторвана от своей семьи, у нее не оставалось никого, кто мог бы поддержать ее в горе. Но не в этом коренился повод для симпатии – дело было в самой девочке. В ее стоическом смирении перед долгой разлукой с родителями (никогда не позволяла она себе слез или приступов раздражения), в обезоруживающей прямоте, в очаровательной мягкости характера; все это было заложено в ней от природы, ибо мисс Катто знала, что такие качества невозможно привить.

К тому же она находила Джудит очень привлекательной внешне. Все обыкновенные изъяны подросткового возраста были налицо: непропорционально длинные ноги, худые плечи, веснушки, торчащие уши; однако они не портили внешности Джудит, наоборот, придавали ей изюминку какой-то очаровательной нескладности. И еще у этой девочки были поистине прекрасные глаза. Серо-голубые, очень большие, с кристально чистыми зрачками, обрамленные темными длинными ресницами, и, как бывает у маленьких детей, каждая мысль и каждое чувство отражались, точно в зеркале, на ее живом, выразительном лице, словно Джудит так и не научилась лукавить и изворачиваться. И мисс Катто молила Небо, чтобы она никогда не постигла этой науки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.